

Эллери Квин

Приютное и уединенное место

М.: Центрполиграф, 2006

Содержание:

- Эллери Квин. Последняя женщина в его жизни (роман, перевод В. Тирдатов), стр. 5-186
- Эллери Квин. Приютное и уединенное место (роман, перевод В. Тирдатов), стр. 187-365

Эллери Квин

Последняя женщина в его жизни

ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ

Итак, Эллери наблюдал у выхода на летное поле, как самолет уносит шотландца.

Он все еще стоял на своем необитаемом острове, когда к его руке прикоснулись.

Обернувшись, он увидел инспектора Квина.

– Пойдем, Эл, – сказал старик, беря сына за руку. – Я куплю тебе чашку кофе.¹

Отец всегда все понимает, думал Эллери над второй чашкой кофе в ресторане аэропорта.

– Сынок, в нашем бизнесе время от времени приходится переступать через самого себя, – говорил инспектор. – Ты слишком привязался к этому парню. Если бы я позволял себе такое, то уже много лет назад был бы вынужден расстаться с полицейским значком.

Эллери поднял руку, словно другая покоилась на Библии.

– Клянусь, что больше никогда не совершу подобной ошибки.

После этого его взгляд устремился на Бенедикта и Марша, беседующих друг с другом в противоположной стороне ресторана.

Все люди, говорил Бернارد Шоу, имеют добрые намерения.

Эллери не являлся исключением. Ведь это была всего лишь одна из многих случайных встреч, не причиняющих никакого вреда, после которых каждый идет своей дорогой.

Если бы он только знал...

Все началось с обычных рукопожатий и дружеских усмешек. Пара сразу же приняла приглашение Эллери перейти за столик Квинов. Ведь они не виделись со времен Гарварда.

Марш для инспектора Квина был всего лишь гражданином, носителем фамилии. Но безусловно, инспектор слышал о Бенедикте, или, как его чаще называли, Джонни-Би – постоянном персонаже статей обозревателей женского пола, приятеле аристократов, завсегдае Монако, Китцбюэля² и греческих островов. В январе Бенедикта можно было застать на зимнем фестивале в Малаге,³ в феврале – в Гармиш-Партенкирхене,⁴ в марте – на национальных играх в Блумфонтейне,⁵ в апреле – на празднике Сонгкрана в Чиангмае,⁶ в мае – на спектакле Королевского балета в Копенгагене, в июне – на скачках в Эпсومه⁷ или в Ньюпорте⁸ и Корке⁹ на трансатлантических регатах, в июле – в Хенли¹⁰ и Байройте,¹¹ в августе – в Мистике¹² на фестивале искусств под открытым небом, в сентябре – на дегустации вин в Люксембурге, в октябре – на автошоу в Турине, в ноябре – на смотре лошадей в Мэдисон-сквер-гарден, а в декабре – на чемпионате по серфингу на Макаха-Бич.¹³ Помимо этого, в рукаве у Джонни-Би была припрятана сотня запасных развлечений. Эллери всегда думал о нем как о человеке, бегущем по жизни, не обременяя себя секундомером.

Джон Леверинг Бенедикт Третий нигде не работал – работа, как он любил повторять, является

¹ Этой сценой завершается роман Э. Квина «Лицом к лицу». (Здесь и далее примеч. переводчика)

² Китцбюэль – курорт на западе Австрии, в Тироле.

³ Малага – провинция на юге Испании, в Андалусии.

⁴ Гармиш-Партенкирхен – город на юго-западе Германии, в Баварии, у подножия Альп.

⁵ Блумфонтейн – административный центр Оранжевой провинции в Южно-Африканской Республике.

⁶ Чиангмай – город на северо-западе Таиланда, где проходят праздники Сонгкрана – южноазиатского Нового года.

⁷ Эпсом – город на юго-востоке Англии, в графстве Саррей, где находится знаменитый ипподром.

⁸ Ньюпорт – порт на юго-востоке штата Род-Айленд в США.

⁹ Корк – порт и центр одноименного графства на юге Ирландии.

¹⁰ Хенли-на-Темзе – город на юге Англии, в графстве Оксфордшир, место ежегодной регаты.

¹¹ Байройт – город на севере Баварии, где проходят ежегодные музыкальные фестивали, основанные Рихардом Вагнером.

¹² Мистик – город в США, на юго-востоке штата Коннектикут.

¹³ Макаха-Бич – курорт на Гавайях.

глупейшей тратой времени. Он был обаятелен, причем без червоточин, свойственных людям его круга, и даже красив, несмотря на маленький рост, – с мягкими светлыми волосами, которые обожали гладить женщины, и безупречной формы руками и ногами. Разумеется, его облачение всегда было идеальным – из года в год он входил в десятку мужчин, одевающихся лучше всех. В его внешности ощущалось нечто древнегреческое. Дед Джонни-Би с отцовской стороны застолбил солидный кусок полуострова Олимпик и лесов вокруг озера Челан, став одним из первых древесных баронов северо-западного тихоокеанского побережья. Отец Джонни делал инвестиции в грузовые перевозки, нагромождая Пелион на Оссу¹⁴ и, согласно сплетням, предоставив сыну тратить накопленные богатства. В кругу Джонни часто говорили, что при многомиллионном состоянии этот подвиг не так легко совершить. Однако Джонни мужественно справлялся с возложенной на него задачей. И хотя он только что развелся с третьей женой, алименты, очевидно, были для него комариными укусами.

Упомянутые тенденции Джонни Бенедикта, как говорили, направлял в нужное русло Эл Марш. Как и Джонни, Марш принадлежал к высшему обществу и с детства купался в деньгах, но при этом выбрал трудовую жизнь – не из алчного стремления приумножить свое состояние, а потому, как утверждали те, кто хорошо его знал, что ему был скучен образ жизни его окружения. Дилетантизм *in vacuo*¹⁵ не привлекал Марша. Он с отличием окончил юридический факультет Гарварда, блистательно прошел стажировку в Верховном суде США, после чего основал собственную адвокатскую фирму с офисами в Вашингтоне и Нью-Йорке, обзаведясь (не без помощи связей и влияния семьи) избранной клиентурой и отменной репутацией.

Эксперты в подобных делах считали Марша одним из самых выгодных женихов. Он был необычайно привлекателен для женщин, с которыми обращался столь же тактично, как со своими клиентами, однако не позволял себя заарканить. Марш был гораздо крупнее Бенедикта, темноволосый, с расплюснутым носом (память о боксерских поединках в университете), мощной челюстью и легким косоглазием – эдакий «ковбой Мальборо»,¹⁶ как называл его Джонни. Он казался рожденным для того, чтобы ездить на лошадях и иностранных автомобилях, чем и занимался время от времени, но особое пристрастие испытывал к пилотированию собственного самолета, что делал с мрачным усердием, которое можно было объяснить только тем, что его отец погиб в авиакатастрофе.

Как часто бывало с мужчинами, на которых охотно реагируют женщины, Марш не так легко и непринужденно контактировал с другими мужчинами. Некоторые называли это высокомерием, другие – сдержанностью, но в любом случае друзей у Марша было очень мало. Джонни Бенедикт был одним из них.

Впрочем, их связывала не только дружба. Джонни унаследовал от отца услуги старинной и престижной юридической фирмы, которая контролировала вклады трех поколений Бенедиктов, но в личных финансовых делах он полагался на Марша.

– Конечно, ты только что прилетел с Луны, – сказал Эллери. – Это единственное известное мне место, где ты до сих пор не бывал.

– Вообще-то мы с Элом только пятнадцать минут назад прилетели из Лондона, – отозвался Бенедикт. – У нас там были кое-какие д-дела, а потом аукцион «С-Сотби»...

– Который ты, разумеется, должен был посетить.

– Пожалуйста, измени вспомогательный глагол, – поморщился Марш. – Мне неизвестен закон, могущий принудить человека выложить такую сумму, какую выложил Джонни за этого Моне.

Бенедикт засмеялся:

– Разве ты не убеждаешь меня постоянно тратить д-деньги таким образом, чтобы получить шанс на прибыль? – Он не только заикался, но и имел затруднения с буквой «р», что придавало его речи

¹⁴ Пелион и Осса – горы на востоке Греции, в Фессалии. Согласно мифу, сыновья титана Атоэя, От и Эфиальт, грозили богам взгромоздить Пелион на Оссу и взобраться на небо, но Аполлон поразил их стрелами. Выражение «громоздить Пелион на Оссу» означает попытку совершить нечто грандиозное.

¹⁵ В изоляции (*лат.*).

¹⁶ Имеется в виду ковбой с рекламы сигарет «Мальборо».

особый шарм. Трудно разглядеть алчного капиталиста в человеке, который говорит «пвибыль».

– Значит, вы купили эту картину? – воскликнул инспектор Квин. – Выложить столько денег за старый холст, покрытый краской стоимостью в несколько франков!

– Не говори нам, сколько ты заплатил за нее, Джонни, – сказал Эллери. – Такие цифры не вмещаются у меня в голове. Полагаю, ты превратишь картину в мишень для дартса в твоей игровой комнате или во что-нибудь в таком же роде?

Марш подал знак официанту:

– Ты наслушался клеветников... Еще по одной порции, пожалуйста... Джонни разбирается в искусстве.

– Конечно разбираюсь. – Бенедикт произнес «ваз-биваюсь». – Я бы хотел, чтобы ты как-нибудь взглянул на мою к-коллекцию. – Он вежливо добавил: – И вы тоже, инспектор Квин.

– Спасибо, но меня можете исключить, – отозвался инспектор. – В том, что касается искусства, мой сын называет меня абсолютным невеждой. Разумеется, за моей спиной – он слишком хорошо воспитан, чтобы говорить такое в глаза.

– Я тоже вряд ли это выдержу, Джонни. – Эллери покосился на отца. – Никак не могу привыкнуть к неравному распределению богатств.

– А как насчет неравного распределения мозгов? – осведомился Бенедикт. – Судя по тому, что я читал о деле Глори Гилд,¹⁷ не упоминая уже о д-других чудесах твоего ума, ты троюродный брат Эйнштейна. – Что-то в лице Эллери изгнало шуточные нотки из голоса Бенедикта. – Я с-сказал что-то не то?

– Эллери переутомился, – быстро объяснил его отец. – Дело Гилд оказалось нелегким, а до того он совершил кругосветное путешествие с исследовательскими целями, побывав в таких местах, где не принимают жалобы на клопов и пищу, вызывающую понос. В результате он выбился из сил. У меня скоро отпуск, и мы подумывали о том, чтобы отдохнуть пару недель в каком-нибудь тихом местечке.

– Обратитесь к Джонни, – сказал Марш. – Он знает все такие места – особенно те, которые не фигурируют в рекламных проспектах.

– Нет уж, спасибо, – промолвил Эллери. – Места Джонни мне не подойдут.

– У тебя сложилось обо мне превратное мнение, Эллери, – запротестовал Бенедикт. – Какой сегодня день?

– Понедельник.

– А число?

– 23 марта.

– Перед тем как полететь в Лондон – это было 19-го, если хочешь проверить, – я побывал в Валенсии на празднике святого Иосифа. К-клево? До того я посетил весеннюю ярмарку в Вене, а еще раньше – кажется, 3-го числа – был в Токио на кукольном фестивале. Как тебе это? Вполне к-культурно, не так ли? Эл, я опять хвастаюсь?

– Продолжай в том же духе, Джонни, – посоветовал Марш. – Такое хвастовство поддерживает твой имидж. Это может пойти на пользу.

– Мы с папой подумывали о чем-то менее... э-э... изысканном, – сказал Эллери.

– Свежий воздух, долгие прогулки, рыбная ловля, – подхватил инспектор Квин. – Вы когда-нибудь ловили рыбу, мистер Бенедикт? Я имею в виду – в одиночестве, в горной речке, с удочкой, которая не стоит триста долларов. Простые удовольствия для бедных – вот что нам нужно.

– Тогда можете называть меня доктором, инспектор, так как у меня имеется рецепт для вас обоих. – Бенедикт посмотрел на Марша. – Догадываешься, о чем я, Эл?

– Еще бы, – усмехнулся Марш. – А вот Эллери ни за что не догадается.

– О чем? – спросил Эллери.

– У меня имеется поместье в Новой Англии, – объяснил Джонни Бенедикт, – о котором известно очень немногим. Никакого шика, много д-деревьев, чистая речка, где полно рыбы, – я наловил кучу удочкой, которую сам сделал из еловой ветки, инспектор, – и уютный коттедж для гостей примерно в четверти мили от главного дома. Я уверен, Эллери, что вам с отцом там понравится. Можете пользоваться коттеджем сколько хотите. Обещаю, что никто вас не побеспокоит.

¹⁷ См. роман «Лицом к лицу».

– Не знаю, что и сказать... – начал Эллери.
– Зато я знаю, – прервал инспектор. – Огромное спасибо!
– А где именно в Новой Англии?
Бенедикт и Марш обменялись ироничными взглядами.
– В маленьком городке, – ответил Бенедикт. – Сомневаюсь, Эллери, чтобы ты когда-нибудь слышал о нем. Он называется Вайтсвилл.
– Вайтсвилл? – Эллери сделал паузу. – Ты имеешь в виду Райтсвилл? И у тебя там поместье, Джонни?
– Уже много лет.
– Но я никогда не знал...
– Я же говорил, что не распространялся об этом. Купил его через подставное лицо, чтобы было где отращивать волосы, когда мне все это осточертеет, – а такое бывает чаще, чем ты думаешь.
– Прости, Джонни. – Эллери виновато хлопнул себя по груди. – Я был форменной вонючкой.
– Местечко скромное и вполне буржуазное – в стиле моего прадеда, который, между прочим, был плотником.
– Но почему именно Райтсвилл?
Бенедикт усмехнулся:
– Ты достаточно его разрекламировал.
– Райтсвилл служит мне личным рецептом от недуга, который периодически меня беспокоит.
– Как будто он этого не знает! – сказал Марш. – Джонни шел по следам твоих приключений, Эллери, как Марк Антоний за Цезарем. Особенно его интересуют райтсвиллские истории. Он постоянно проверяет их в поисках ошибок.
– Это, джентльмены, похоже на возобновление прекрасной дружбы,¹⁸ – сказал Эллери. – А ты уверен, что мы не потесним тебя, Джонни?
Они прошли через освященный веками ритуал протестов и заверений, обменялись рукопожатиями, а тем же вечером посыльный доставил конверт с двумя ключами и запиской:

Дорогой брюзга! Меньший ключ от гостевого коттеджа, а больший – от большого дома на случай, если вам понадобится войти туда за жратвой, выпивкой, одеждой или еще чем-нибудь (впрочем, это добро имеется и в коттедже, хотя и не в таком изобилии). Можете пользоваться чем хотите в обоих домах. Сейчас там пусто (у меня нет управляющего, хотя старикашка по имени Моррис Ханкер временами навевывается из города проверять, все ли на месте), а судя по мрачному настроению, в котором ты пребывал сегодня, тебе пойдет на пользу целительное одиночество, которое может предоставить мое убежище в Райтсвилле. *Bonne chance*,¹⁹ и не ворчи на твоего старика – он выглядит так, как будто ему тоже не помешает отдых.

Твой Джонни

P. S. Возможно, я вскоре туда нагрюну, но вас не побеспокою, если вы сами того не захотите.

* * *

В начале первого следующей ночи Квины приземлились в райтсвиллском аэропорту. Беда Райтсвилла – а Райтсвилл, по мнению Эллери, генерировал беду – заключалась в том, что он предательски шагал в ногу с двадцатым веком.
В том, что касалось его любимого городка, Эллери был крайним консерватором, практически реакционером. Он привык к вечерним концертам духового оркестра по четвергам в Мемориальном парке со свистульками из арахиса и попкорна, чирикающими, как возбужденные птички, к улицам, где ребята поглядывали на застенчивых девушек, к фермерам, приехавшим на собрание в лучших

¹⁸ Эллери перефразирует заключительные слова Рика Блейна – героя знаменитого американского фильма «Касабланка» (1943): «Это похоже на начало прекрасной дружбы».

¹⁹ Удачи (*фр.*).

костюмах, к субботним рыночным дням, когда черно-красные фабрики Лоу-Виллидж закрывались, а торговля в Хай-Виллидж была ключом.

Особую привязанность Эллери испытывал к круглой главной площади с окружающими ее двухэтажными зданиями (за исключением пятиэтажного отеля «Холлис» и гостиницы «Апем-Хаус», построенной еще в период Войны за независимость и располагавшей тремя этажами с мансардой) и с потрепанным временем памятником Джезрилу Райту, основавшему Райтсвилл на месте покинутого индейцами поселения в 1701 году, – бронзовой статуе, давно покрывшейся ярь-медянкой и таким количеством птичьего помета, что стала напоминать современную скульптуру, с поилкой у основания, откуда пило полдюжины поколений райтсвиллских лошадей. Площадь походила на колесо с пятью спицами, отходящими от ступицы: Стейт-стрит, Лоуэр-Мейн, Вашингтон, Линкольн, Аппер-Дейд-стрит, наиболее впечатляющей из которых была Стейт-стрит с ее почетным караулом вековых деревьев, увенчанной золотым куполом ратушей из красного кирпича, зданием окружного суда (сколько раз Эллери шагал по переулку к боковой двери, ведущей в полицейское управление Райтсвилла!), библиотекой Карнеги на другой стороне улицы (где все еще можно было отыскать книги Хенти, Ричарда Хардинга Дейвиса и Джозефа Хергесхаймера), Торговой палатой, зданиями Райтсвиллской электрокомпании и телефонной компании севера штата, а в самом конце, у входа в парк, мемориалом павшим на мировых войнах и помостом для духового оркестра Американского легиона. В эти дни площадь демонстрировала некоторые прекраснейшие плоды городского наследия – надписи маленькими золотыми буквами «Президент Джон Ф. Райт» на пыльных окнах Райтсвиллского национального банка, старый магазин Блуфилда, указатель с надписью «Миникин-роуд», видимый из углового окна магазина «Бон-Тон», и полдюжины других имен, происходящих от семейств основателей.

Аппер-Уистлинг-авеню, которая пересекала Стейт-стрит в одном квартале в северу от площади, тянулась к Хилл-Драйв, где находились старейшие в городе жилые дома (еще более древние строения, ветхие уже во время первого визита Эллери, располагались в дальнем конце Стейт-стрит). Аппер-Дейд-стрит поднималась на северо-запад к Норт-Хилл-Драйв, где размещались поместья райтсвиллских нуворишей (такowymi, с точки зрения Райтов, Блуфилдов, Дейдов, Грэнджонов, Миникинов, Ливингстонов *et al*,²⁰ являлись те, кто накопил состояние после президентства Ратерфорда Б. Хейса).

От всего этого оставалось очень мало. Фасады магазинов на площади напоминали торговые здания на бульваре Вентуры в долине Сан-Фернандо, отходящей от Голливуда, всегда повергавшие Эллери в ужас – высокомерные модернистские сооружения из стекла, штукатурки, красного дерева и неона, полностью подавляющие лавчонки, которые теснились позади. «Холлис», рискнувший установить новый навес над входом только перед Второй мировой войной, опрометчиво предпринял косметический ремонт фасада, сделавший его (по мнению Эллери) до отвращения современным. Универмаг «Нью-Йорк» и аптека в Хай-Виллидж исчезли, а «Бон-Тон», захвативший все пространство между Вашингтон- и Линкольн-стрит, также осуществил перестройку и, к ужасу Эллери, стал напоминать «Корветтс»²¹ в миниатюре. Склада оборудования на случай атомной войны, разумеется, больше не существовало, и восточная дуга площади обновилась почти полностью.

На возвышенностях к северу дела обстояли еще хуже. Прекрасная старая Хилл-Драйв пала под натиском застройщиков (несколько домов удалось спасти в качестве «исторических мест» благодаря битве, которую Райтсвиллское историческое общество вело до последнего окопа); величавый Холм порос многоквартирными зданиями, хмуро вззирающими на город внизу, словно охрана концентрационного лагеря. Многие из обширных имений на Норт-Хилл-Драйв были проданы, и их места заняли частные дома представителей среднего класса с одноакровыми участками. Более скромные пригороды Райтсвилла дотянулись до аэропорта, где появились новые районы с названиями вроде Нью-Виллидж и Махогани-Эйкрс. По крайней мере тридцать пять ферм, которые знал и любил Эллери, были уничтожены. Вместо них появились аккуратные маленькие заводы, изготавливающие электронное оборудование по субконтракту с министерством обороны. Даже у

²⁰ И другие (*лат.*).

²¹ «Корветтс» – супермаркет на Пятой авеню в Нью-Йорке.

Твин-Хилл и Скайтоп-роуд, где укрылись наиболее состоятельные жители города, начали отрастать щупальцы.

Большинство старинных семейств исчезли вовсе, или же потомки их капитулировали, обрубили корни и рассеялись кто куда.

Тем не менее для Эллери это был все тот же Райтсвилл. Мощные улицы Лоу-Виллидж почти не изменились – бедняки оставались последними хранителями американской старины. Река Уиллоу, обслуживавшая мельницы, по-прежнему катила красно-желто-бирюзовые воды без заметного эффекта на бессмертных старых ивах и ольхах, растущих по берегам и впитывающих ее ядовитую влагу. Кафе-мороженое Эла Брауна и здание райтсвиллской газеты стояли на прежнем месте. Вокруг благожелательно улыбались холмы, за которыми высились горы Махогани, обещающие отразить любое посягательство человека, за исключением атаки водородными бомбами, которая казалась невероятной. Райтсвилл был слишком незначителен (как уверяли себя его жители) для подобного оборота событий.

Поэтому для глаз Эллери город, несмотря на все недостатки, оставался вполне жизнеспособной Шангри-Ла.²²

В агентстве по прокату автомобилей возле аэропорта Эллери взял «кугуар», и Квины, радостно вдыхая свежий воздух, покатали к убежищу Бенедикта.

* * *

На основании рассказа Бенедикта Эллери ожидал увидеть участок в двадцать-тридцать акров. Вместо этого они с отцом обнаружили территорию в две сотни акров с лесом, водой и пастбищем – целую освобожденную от ферм часть долины, где она начинала вторгаться в северо-западные холмы, между Райтсвиллом и Шинн-Корнерс. Поместье было защищено высокой стальной оградой; прикрепленные к ней таблички грозно предупреждали о запрете охоты, рыбной ловли и вторжения на территорию вообще.

– Раньше здесь были молочные фермы, – пожаловался Эллери, выйдя из машины, чтобы открыть главные ворота. – С лучшими коровами, каких я когда-либо видел.

– Только не упрекай Бенедикта, – отозвался его отец. – Вероятно, фермы перестали существовать до того, как он купил поместье. Мелкие фермы исчезают по всей Новой Англии.

Эллери что-то буркнул и вернулся в автомобиль, хлопнув дверцей.

Грязная дорога провела их мимо главного здания, находящегося в нескольких сотнях ярдов от ворот и, очевидно, являвшегося ранее одним из фермерских домов. Это было старое дощатое двухэтажное строение с полудюжиной труб, по внешнему виду вмещающее от двенадцати до пятнадцати комнат. Проехав еще четверть мили, они оказались у гостевого коттеджа в стиле тех, которые сооружали на полуострове Кейп-Код, выглядевшего сравнительно новым. Он стоял на лесной поляне, где деревья вырубали, чтобы не затеняли солнечный свет. Выйдя из «кугуара», они услышали шум водного потока.

– Похоже, мы сможем закидывать удочку прямо из окна спальни, – заметил инспектор. – Вот это жизнь!

– Да, если кто-то печет для тебя хлеб, – мрачно произнес Эллери.

– Что, черт возьми, с тобой творится? – воскликнул его отец. – Если ты думаешь, что я намерен две недели терпеть рядом с собой примадонну, то нам лучше сразу уехать. Со стороны твоего друга было чертовски достойно предложить нам этот коттедж. Так что, если у тебя болит живот, будь любезен держать это при себе, иначе я полечу следующим самолетом назад в Нью-Йорк!

Инспектор Квин уже давно не говорил с сыном таким образом, и Эллери был настолько удивлен, что предпочел промолчать.

Внутри коттедж оказался таким уютным, как его рекламировал Бенедикт. Здесь явно не работал декоратор с Парк-авеню. Мебель – Эллери взглянул на ярлыки – была прислана от А.А. Гилбуна в Хай-Виллидж, а домашнее оборудование и скобяные изделия приобретены в магазине Клинта

²² Шангри-Ла – вымышленная райская обитель в Гималаях из романа английского писателя Джеймса Хилтона (1900–1954) «Потерянный горизонт». В переносном смысле – земной рай.

Фосдика или «Хант и Кекли». На всем остальном красовались ярлыки «Бон-Тон». Мебель была обита ярким ситцем, на полу лежали лоскутные коврики, а камин в гостиной пробуждал желание развести огонь. На полках стояли книги, рядом находился стереомагнитофон с коллекцией кассет, а в углу скромно примостился цветной телевизор, словно давая понять, что пользоваться им не обязательно.

Инспектор вызвался распаковывать вещи, покуда Эллери съездит в город за покупками. В холодильнике они обнаружили солидные запасы мяса, птицы и консервов, но не хватало скоропортящихся продуктов – молока, хлеба, масла, яиц, свежих овощей и фруктов.

– Купи какую-нибудь выпивку у... как бишь его... Данка Маклина, сынок, – сказал инспектор. – Ржаное виски, скотч, водку – что-нибудь, чтобы согреть кости.

– В этом нет надобности, – отозвался Эллери. – Ты не заметил вмонтированный в стену гостиной бар, папа. Там есть все – от абсента до зубровки.

Эллери предпочел лавке Логана на Слоукем-стрит между Аппер-Уислинг и Вашингтон-стрит, где его знали, супермаркет на другой стороне улицы, где он мог рассчитывать остаться незамеченным. Тем не менее ему пришлось отвернуться, дабы избежать взглядов двух женщин, показавшихся знакомыми. Поездка в город лишь усилила депрессию Эллери – слишком много было перемен, и, на его взгляд, только к худшему. Он поспешил вернуться в коттедж, где застал отца, в рубашке с расстегнутым воротом и слаксах, сидящим у камина со стаканом, наполненным коричневой жидкостью.

– Да, – мечтательно произнес инспектор, – это жизнь!

* * *

Старик предоставил Эллери полную свободу. Он ни на чем не настаивал, ограничиваясь предложениями, и не протестовал, когда Эллери от них отказывался. Большую часть среды инспектор посвятил рыбалке (несмотря на хвастовство Бенедикта относительно самодельной удочки, старик обнаружил кладовую со спортивными принадлежностями, включающими несколько первоклассных удочек) и вернулся с великолепной форелью к ужину. Эллери провел день лежа на спине и слушая Баха и Моцарта, иногда перемежая их ансамблем «Тихуана брасс» и время от времени подремывая. Ночью он впервые за много недель спал без снотворных таблеток и кошмарных снов. В четверг Квины обследовали поместье, пройдя пешком большую часть двух сотен акров и вернувшись проголодавшимися. Они пообедали парой стейков, которые Эллери поджарил на углях на заднем дворе, с печеной картошкой, сметаной и луком. Инспектор притворился не заметившим того, что его сын не оставил на тарелке ни кусочка, – такого старик не видел уже давно.

Едва включив посудомойку, Эллери услышал резкий звонок, который издавал аппарат, похожий на внутренний телефон.

– Кто это, черт возьми? – осведомился он, сняв трубку.

– Джонни, – послышался голос Бенедикта. – Как пациент?

– Только начинаю расслабляться.

Неужели Бенедикт последовал за ними?

– Эта штука соединяет с большим домом?

– Да. Я помню, Эллери, что обещал не беспокоить вас...

– Когда ты приехал?

– В конце дня. Послушай, я должен к-кое-что тебе рассказать. Не возражаешь, если я загляну на несколько минут?

– Не болтай вздор.

Эллери положил трубку и направился в спальню инспектора. Старик уже переоделся в пижаму.

– Папа, здесь Бенедикт – хочет поговорить с нами или со мной. Сейчас он придет из большого дома. Хочешь при этом присутствовать?

Отец и сын посмотрели друг на друга.

– Звучит таинственно, – заметил инспектор Квин.

– Видит бог, я не ищу неприятностей, – сказал Эллери. – Но я их чую.

– Надеюсь, сынок, ты не прав.

Спустя десять минут Эллери впустил Джонни-Би, который выглядел озабоченным. «Что бы это ни было, – заверил себя Эллери, – я не стану в это вмешиваться».

– Входи, Джонни.

– Прошу прощения за пижаму и халат, мистер Бенедикт, – сказал инспектор. – Я провел утомительный день, бродя по вашему поместью, и как раз собирался ложиться.

– Выпьешь, Джонни?

– Не сейчас, спасибо. – Бенедикт опустил на стул и огляделся. Его улыбка казалась вымученной. Что-то явно было не так. Квины не смотрели друг на друга.

– Тебе здесь нравится?

– Хочу еще раз поблагодарить тебя, Джонни. Я в полном восторге. Это как раз то, что мне было нужно.

– И ему и мне, – добавил инспектор.

Бенедикт колебался, и Эллери с тоской подумал:

«Сейчас начнется».

– Эллери...

– Да, Джонни?

– Я хотел сообщить тебе, что на этот уик-энд у меня будут гости.

– Вот как?

– Нет-нет, я вас не выставляю! Они останутся в большом доме – там полным-полно места. Эл Марш прибывает завтра, а его секретарша – девушка по имени Сьюзан Смит – в субботу вечером. Кроме того... – Бенедикт скорчил гримасу и пожал плечами, – завтра также придут три мои бывших.

– Бывших жены?

– Да.

– Это что, ежегодная встреча?

Инспектор решил разрядить ситуацию легкомысленной ноткой:

– Я читал, что вы ведете необычайно интересную жизнь, мистер Бенедикт, но это уже чересчур!

Все засмеялись.

– Хорошо, если бы это было так забавно, – вздохнул Бенедикт. – Я ни в коем случае не хочу причинять вам неудобства. В этой встрече нет ничего сентиментального и ностальгического. Она строго д-деловая, если вы п-понимаете, что я имею в виду.

– Не понимаю, Джонни, но все в порядке. Ты не обязан давать нам объяснения.

– Но я не могу позволить, чтобы вы меня считали человеком, который дает и тут же отбирает назад. Д-даю вам слово, что вас не побеспокоят.

Все это казалось настолько излишним, что у Эллери невольно пробудилось любопытство. После Гарварда прошло много времени, и он внезапно осознал, что ему очень мало известно о Джонни-Би. Эллери считал приглашение искренним, но что, если у Бенедикта была тайная цель?..

Дав слово, Бенедикт умолк. Казалось, он решал какую-то проблему. Молчание становилось угнетающим.

– Что-нибудь не так, Джонни? – спросил Эллери, проклиная самого себя.

– Это очень з-заметно? Пожалуй, теперь я выпью, Эллери... Нет, я сам налью. – Он подошел к бару, налил себе неразбавленного виски и вернулся назад. – Я должен попросить вас обоих об одолжении, хотя терпеть не могу это делать...

– Мы у вас в долгу, а не вы у нас, мистер Бенедикт, – улыбнулся инспектор.

– Мы едва ли можем в чем-то отказать тебе, Джонни, – сказал Эллери. – В чем проблема?

Бенедикт поставил свой стакан, достал из нагрудного кармана сложенный втрое лист белой бумаги и развернул его.

– Это мое з-завещание. – Он произнес эту фразу странным ледяным тоном, и для чувствительных ушей Эллери она прозвучала как приговор за тяжкое преступление. Бенедикт ощупал карманы. – Вечно забываю ручку. Могу я позаимствовать твою, Эллери? – Он склонился над кофейным столиком. – Сейчас я подпишу завещание, поставлю дату и прошу вас обоих его засвидетельствовать. Вы с-согласны?

– Естественно.

– Конечно, мистер Бенедикт.

Квины обратили внимание, что Джонни, ставя подпись, заслонял рукописный текст предплечьем. Закончив, он сложил бумагу таким образом, что открытым оставался только низ, и указал Квинам,

где им подписываться. Они повиновались, Джонни вернул ручку Эллери, спрятал завещание в конверт, запечатал его и, поколебавшись, неожиданно протянул инспектору Квину:

– Могу я попросить вас, инспектор, с-сохранить завещание у себя? На короткое в-время?

– Ну... разумеется, мистер Бенедикт.

– Я не порицаю вас за то, что вы выглядите озадаченными, – продолжал Бенедикт. – Но тут нет ничего особенного. Марш собирается в этот уик-энд составить для меня официальное завещание – вот почему приезжает его секретарша, – но я хотел, чтобы до тех пор самое основное было зафиксировано на бумаге. – Он снова натужно засмеялся. – Я приближаюсь к возрасту, когда жизнь становится все более неопределенной. Сегодня я здесь, а завтра...

Квины должным образом улыбнулись, а Бенедикт допил скотч, пожелал им доброй ночи и удалился. Казалось, он испытывал облегчение.

Но этого нельзя было сказать об Эллери.

– Что ты обо всем этом думаешь, папа? – спросил он, тщательно закрыв дверь.

– Тут множество вопросительных знаков. – Инспектор уставился на конверт, который держал в руке. – Учítывая его капиталы и юристов вроде Марша, он наверняка должен был располагать официальным завещанием практически со дня рождения. Таким образом, то завещание, которое мы только что засвидетельствовали, аннулирует предыдущее.

– Не только аннулирует, папа, – сказал Эллери, – но и изменяет, иначе зачем писать новое? Вопрос в том, что и как оно изменяет.

– Ни то ни другое тебя не касается, – указал его отец.

– Очевидно, это касается его бывших жен, – пробормотал Эллери, начав ходить взад-вперед, что с неудовольствием отметил инспектор. – Деловой уик-энд... Это скверно пахнет.

– Очевидно, мне придется отложить сон. – Инспектор направился к бару. – Думаю, сынок, и тебе не грех им воспользоваться. Что тебе налить?

– Спасибо, ничего.

– Кто эти везучие леди?

– Что-что?

– Женщины, на которых он женился. Тебе это известно?

– Конечно. Сага о Бенедикте всегда меня интересовала. Его первая жена выступала в кордебалете в Лас-Вегасе. Рыжая грудастая бабенка по имени Марша Кемп, которая путалась с крутыми ребятами, пока Джонни не увез ее из штата и не женился на ней.

– Марша Кемп... – Старик кивнул. – Теперь я припоминаю. Сколько времени продолжался этот брак? Три месяца?

– Ближе к четырем. Миссис Бенедикт номер два была Одри Уэстон – блондинка с актерскими амбициями, но с недостаточным талантом, чтобы реализовать их на Бродвее или в Голливуде. Иногда она получает маленькие роли – в основном на коммерческом телевидении. Но Джонни, очевидно, думал, что она подходящий материал для «Оскара» или «Эмми» – по крайней мере пять или шесть месяцев.

– А номер три? – спросил инспектор, потягивая «Чивас».

– У меня есть особая причина помнить номер три. – Эллери продолжал мерить шагами комнату. – Причина, по которой я уделял особое внимание Элис Тирни, заключалась в том, что, как писали газеты, она из Райтсвилла. Естественно, меня это приятно возбуждало, хотя фамилия Тирни была мне незнакома. Эта девица – судя по фотографиям, довольно невзрачная брюнетка – была медсестрой. Джонни разбил свой «мазерати», или что он тогда вел на сельской дороге, – должно быть, это произошло где-то около Райтсвилла – и в результате был вынужден проваляться долгое время в своем «сельском доме» – как я теперь понимаю, имелся в виду здешний большой дом. Если Райтсвилл упоминался, я это упустил, но думаю, Джонни выложил изрядную сумму за то, чтобы газеты помалкивали о его убежище. Как бы то ни было, сестру Тирни наняли ухаживать за знаменитым пациентом, а вынужденная близость женщины – пусть даже невзрачной – в течение нескольких недель оказалась достаточной, чтобы сломить сопротивление Джонни. После обычного ухаживания в бенедиктовском стиле он женился на Элис Тирни. Этот брак оказался самым долгим – девять с половиной месяцев. Джонни получил официальный развод только около месяца назад.

– Рыжеволосая девица из Вегаса, путавшаяся с гангстерами, неталантливая актриса-блондинка, невзрачная медсестра-брюнетка, – пробормотал инспектор. – Едва ли между ними много общего.

– Кое-что есть. Все они очень крупные женщины. Амазонки.

– Ах вот оно что! Маленький человечек, который метит на гору Эверест. Парням вроде Бенедикта это, должно быть, придает ощущение силы – такое же, как когда они сидят за рулем мощного автомобиля.

– Мой невинный старичок, – усмехнулся Эллери. – Придется дать тебе пару книжек по сексуальной психологии... Джонни пригласил всех трех на уик-энд вместе со своим адвокатом для изменения завещания – по крайней мере, так он говорит, – и это явно его нервирует. Знаешь, папа, мне это не нравится.

Инспектор взмахнул стаканом:

– Знаешь, сынок, прекрати-ка свою беготню, садись и посмотри какой-нибудь фильм. А в уик-энд оставайся подальше от дел твоего друга Бенедикта – что бы они собой ни представляли!

* * *

Эллери держался молодцом, оступившись только один раз. В пятницу вечером, после обеда, он ощутил здоровое желание прогуляться.

– Я с тобой, – заявил инспектор, моментально поставив диагноз.

Когда они вышли из дому, Эллери устремился в сторону дичи, как гончая, но отец схватил его за руку.

– Сюда, – твердо сказал он. – Послушаем музыку ручья.

– Поэзия тебе не идет, папа. А если бы я хотел общаться с Эвтерпой,²³ то воспользовался бы стереомагнитофоном.

– Эллери, ты не пойдешь к большому дому!

– Слушай, папа, я не собираюсь вторгаться к ним.

– Будь все проклято! – рявкнул старик и шагнул назад к коттеджу.

* * *

– Ну? – осведомился он, когда Эллери вернулся.

– Что «ну», папа?

– Что там происходит?

– Я думал, что тебя это не интересует.

– Я не говорил, что не интересует. Я только сказал, что мы не должны в это впутываться.

– Дом освещен, как Таймс-сквер. Но девичьего смеха не слышно. На вечеринку не слишком похоже.

– По крайней мере, тебе хватило ума повернуться и уйти, – буркнул инспектор.

В субботу сразу после полудня, когда старик собирался вздремнуть, в дверь постучали. Открыв ее, Эллери увидел очень высокую худощавую блондинку с пустым лицом манекенщицы.

– Я миссис Джонни Бенедикт Вторая, – сообщила она тягучим голосом, как показалось Эллери, имитируя произношение жителей Юга.

– Разумеется. Вы Одри Уэстон, – отозвался он.

– Это мое профессиональное имя. Могу я войти?

Эллери посмотрел на отца и отошел в сторону.

Инспектор быстро шагнул вперед.

– Я Ричард Квин, – представился он. Старик всегда замечал хорошеньких девушек, а эта была красивее многих, несмотря на черты словно вылепленные по шаблону, как у куклы.

– Инспектор Квин, не так ли? Джонни рассказал нам, что вы двое остановились в гостевом коттедже, но пригрозил свернуть нам шеи, если мы не оставим вас в покое. Поэтому я, конечно, пришла. – Она устремила на Эллери серые, почти бесцветные глаза. – Вы не собираетесь предложить мне выпить, доогой?

²³ Эвтерпа – в греческой мифологии муза лирики.

Одри Уэстон вовсю использовала свои глаза и руки. Очевидно, кто-то сказал ей, что она похожа на Теллулу Бэнкхед,²⁴ и это произвело на нее неизгладимое впечатление.

Эллери протянул ей «Джек Дэниелс», и Одри опустилась на стул, закинув ногу на ногу и держа длинную тлеющую сигарету длинными пальцами с длинными ногтями вместе с бокалом. На ней были свободная шелковая блузка модной яркой расцветки и мини-юбка из телячьей кожи. Жакет из такой же кожи был наброшен на плечи.

– Вас не интересует, почему я не послушалась Джонни? – осведомилась она.

– Я не сомневался, что до этого дойдет, мисс Уэстон, – улыбнулся Эллери. – Должен сразу предупредить вас, что мы с отцом находимся здесь по любезному приглашению Джонни с целью оказаться подальше от проблем. У вас проблема, не так ли?

– Если так... – начал инспектор.

– Пропало мое вечернее платье, – сообщила Одри Уэстон.

– Что значит «пропало»? – спросил Эллери. – Потерялось?

– Исчезло.

– Украдено?

– Хотите услышать подробности, дорогой?

– Ну, раз уж вы здесь...

– Это платье стоило мне бешеных денег. Копия «Орбах»²⁵ по оригиналу Живанши, черное с блестками и с вырезом до пупка. Я хочу получить его назад! Уверена, что его украли. Такое платье не теряют – во всяком случае, я.

Ее речь сопровождалась энергичными жестами и позами, от которых Эллери почувствовал усталость.

– Вероятно, этому есть простое объяснение, мисс Уэстон. Когда вы видели платье последний раз?

– Вчера вечером я надевала его к обеду. Джонни любит соблюдать формальности, когда в доме женщины, даже если это его бывшие жены.

Очевидно, она намеревалась вытянуть что-то из Джонни-Би в этот уик-энд – а может, и все три... Эллери постарался выбросить это предположение из головы. Ведь он не расследует дело, да и дела никакого нет. Или есть?

– Перед тем как лечь спать, я повесила платье в свой стенной шкаф, и утром, когда я одевалась, оно еще висело там. Но когда я поднялась после завтрака, чтобы переодеться, платья уже не было. Я обыскала всю комнату, но оно исчезло.

– Кто еще находится в доме?

– Эл Марш, разумеется, Джонни и две других бывших жены – эта бродяжка Кемп и Элис Тирни, деревенщина из Райтсвилла, – не знаю, что Джонни в ней нашел... Да, и двое из города – как бы горничная и дворецкий, но вчера вечером они отправились домой, когда все убрали. Утром они вернулись, и я спросила обоих о моем платье. Они посмотрели на меня так, словно я из ума выжила.

«Если один из них Моррис Ханкер, беби, – усмехнулся про себя Эллери, – ты еще ничего не видела».

– А других вы спрашивали?

– По-вашему, я прямоком из страны дураков? Что хорошего из этого бы вышло, дорогой? Тот, кто стянул платье, стал бы это отрицать, а остальные... о, это было бы слишком неловко! Не могли бы вы найти для меня это платье, не поднимая суеты? Я бы сама пошарила в спальнях Марши и Элис, но меня бы наверняка застучали, а я не хочу, чтобы Джонни думал... Ну, вы понимаете, что я имею в виду, мистер Квин.

Эллери понятия об этом не имел, но кивнул из вежливости. Что касается инспектора, то он наблюдал за Эллери, как психиатр за пациентом, который то ли свернется в позу зародыша, то ли бросится на врача.

– Больше у вас ничего не пропало?

– Нет, только платье.

²⁴ Бэнкхед, Теллула (1903–1968) – американская актриса.

²⁵ «Орбах» – ателье, изготавливающее дешевые копии образцов высокой моды.

– Мне кажется, – сказал инспектор Квин, – что его по какой-то причине позаимствовала мисс Кемп или мисс Тирни, и если вы спросите у них...

– Вижу, вы ничего не знаете о парижских фасонах, инспектор, – протянула модель-актриса. – Такое платье – как картина Рембрандта. Его нельзя надеть, не выдав себя. Так зачем же его красть? Вот в чем тайна.

– Как насчет горничной? – спросил Эллери.

– Этой бочки? В ней пять футов два дюйма роста и двести фунтов веса.

– Я подумаю, что могу сделать, – пообещал Эллери.

Одри Уэстон разыграла сцену ухода соблазнительно и эмоционально, оставив за собой аромат духов «Мадам Роша». Как только она удалилась, инспектор рявкнул:

– Не вздумай, Эллери, портить свой и мой отпуск поисками какого-то дурацкого вечернего платья!

– Но я обещал...

– Значит, ты не сдержишь слово, – прервал инспектор, усаживаясь с местной газетой, которую Эллери купил в Хай-Виллидж.

– Мне казалось, ты собирался вздремнуть.

– Эта бабенка вышибла из меня весь сон. Надеюсь, больше нас не потревожат.

Но надежда оказалась тщетной. В тринадцать минут второго в дверь снова постучали, и глазам Эллери представилось видение, состоящее из округлости, изгибов и натуральных рыжих волос. Видение отличалось солидными размерами. Женщина была почти такой же высокой, как Эллери, и с фигурой шоу-герл, танцующей в задних рядах, – с длинными мускулистыми ногами, крутыми бедрами и бюстом мэнсфилдских²⁶ пропорций. Для пущего эффекта она набросила пальто поверх трусиков и бюстгальтера, демонстрируя изрядную долю прелестей. Зато пламенеющие волосы были скромно повязаны косынкой.

– Вы Марша Кемп, – сказал Эллери.

– Откуда вы знаете? – отозвалась посетительница глубоким, хриплым, чисто нью-йоркским голосом – из самого сердца Бронкса, догадался Эллери. В ее зеленых глазах сверкал гнев.

– Я получил заблаговременное описание, мисс Кемп, – усмехнулся Эллери. – Входите. Это мой отец, инспектор Квин из нью-йоркского полицейского управления.

– Дедуля, легавый – как раз то, что мне нужно! – воскликнула Марша Кемп. – В жизни не догадаетесь, что со мной случилось! Да еще в доме Джонни-Би!

– Что именно? – осведомился Эллери, игнорируя взгляд отца.

– Какой-то гад спер мой парик!

– Ваш парик? – невольно переспросил инспектор.

– Зеленый парик! Этот кусок пакли обошелся мне в полтора баксов! Сегодня утром я спустилась к завтраку или ленчу – не знаю, как это называется, – а когда поднялась, парика как не бывало! Можете себе представить? Я чуть с ума не сошла от злости. Мне нужно выпить. Чистый бурбон, малыш Квини, и поскорее!

Эллери налил ей порцию бурбона, способную заставить пошатываться кентуккийского полковника. Женщина выпила его залпом, как молоко, и протянула стакан. Эллери налил вторую порцию, и она схватила стакан сильными руками.

– Когда вы последний раз видели ваш парик, мисс Кемп?

– Вчера вечером я надевала его к обеду с зеленым платьем из ламе.²⁷ Джонни нравится, когда его женщины ходят разодетыми в пух и прах. Парик был на моем туалетном столике, когда я спускалась сегодня утром, а когда поднялась, он словно испарился. Не знай я, как Джонни ненавидит скандалы, я бы распотрошила весь багаж этих сучек! Можете потихоньку отыскать мой парик, Эллери? Так, чтобы Джонни не знал?

– А вы не могли потерять его? – с надеждой спросил инспектор.

– Вот еще! Как можно потерять зеленый парик?

– Платье и парик... – пробормотал Эллери, когда дверь закрылась за рыжеволосой

²⁶ Мэнсфилд – гора на севере штата Вермонт.

²⁷ Ламе – орнаментальная ткань с вплетением металлических нитей.

посетительницей. – У каждой из первых двух жен что-то исчезло. Возможно, и у третьей...

– Сынок, – с не слишком убедительным упреком прервал его отец. – Ты же обещал...

– Да, папа, но ты должен признать...

Теперь Эллери куда больше походил на себя – к нему вернулись пружинистая походка и искорки в глазах. Инспектор утешался мыслью, что, вероятно, это одна из тех маленьких проблем, имеющих простейшее объяснение, которая займет Эллери, пока время и река не смоют окончательно пятна, оставленные делом Глори Гилд.

– Послушай, папа, – внезапно сказал Эллери во второй половине дня. – Если во всем этом есть хоть какая-то логика, у третьей жены тоже должно что-то пропасть. Пожалуй, я пройдусь...

– Ладно, сынок, – вздохнул инспектор. – Я буду у ручья с удочкой.

За большим домом находился шестидесятифутовый плавательный бассейн. Он все еще был покрыт брезентом, но летняя мебель уже стояла на каменных плитках террасы, возникшей при реконструкции старого фермерского дома. Там Эллери обнаружил Элис Тирни, загорающую в шезлонге. Весеннее солнце пригревало, дул легкий ветерок, и ее щеки покраснелись, словно она пролежала здесь уже немало времени.

Эллери узнал ее с первого взгляда. Во время одной из поездок в Райтсвилл ему пришлось побывать в больнице. Ухаживая за объектом его визита, Элис Тирни носила униформу медсестры, – это была крупная девушка с торсом солидных пропорций и чертами лица такими же невзрачными, как бульжники, которыми вымощены улицы Лоу-Виллидж, и столь же приятными для глаза.

– Едва ли вы помните меня, мисс Тирни.

– Конечно помню! – Девушка выпрямилась в шезлонге. – Вы великий Эллери Квин, божий дар Райтсвиллу.

– Не смейтесь надо мной. – Эллери опустился на стальной стул.

– Я и не думаю смеяться.

– Вот как? И кто же меня так называет?

– Очень многие. – Ее холодные голубые глаза поблескивали на солнце. – Конечно, я слышала, как некоторые говорят, что вы скорее дар дьявола, но брюзги есть повсюду.

– Вероятно, причина в том, что, когда я начал приезжать сюда, здесь возросла преступность. Закурите, мисс Тирни?

– Конечно нет. И вы тоже не должны курить... Проклятие! Никак не могу отделаться от профессиональной привычки читать нотации.

На девушке были жакет и слаксы мышинового цвета, которые ее не украшали, и Эллери подумал, что длинные прямые волосы тоже не подходят к ее лицу и габаритам. Однако это компенсировалось дружелюбием, которое, как он подозревал, она тщательно культивировала. Эллери мог понять, что Джонни Бенедикт с его поверхностным взглядом на женщин нашел ее привлекательной.

– Я так рада, что вы решили выйти из убежища, – оживленно продолжала Элис Тирни. – Джонни грозил нам всеми карами, если мы не оставим вас в покое.

– Вообще-то я пришел сюда только по одной причине: задать вопрос, который может показаться вам странным.

– Вот как? – Элис выглядела озадаченной. – Какой вопрос, мистер Квин?

Эллери склонился к ней:

– У вас сегодня что-нибудь пропало?

– Пропало? Что именно?

– Что-нибудь личное. Скажем, предмет одежды.

– Нет...

– Вы уверены?

– Ну, вообще-то я не проводила инвентаризацию. – Элис Тирни засмеялась, но умолкла, так как Эллери не засмеялся вместе с ней. – Вы серьезно, мистер Квин?

– Вполне. Не могли бы вы потихоньку подняться к себе в комнату, мисс Тирни, и проверить ваши вещи? Я бы предпочел, чтобы никто в доме не знал, что вы делаете.

Девушка встала, пригладила жакет и устремилась к дому.

Эллери ждал с терпением, обусловленным ситуацией, когда впереди маячит какая-то загадка, еще не приобретшая четких очертаний.

Элис вернулась через десять минут.

– Странно, – промолвила она, опускаясь в шезлонг. – Исчезла пара моих перчаток.
– Перчаток? – Эллери посмотрел на ее руки. – Каких именно, мисс Тирни?
– Белых длинных вечерних перчаток. Единственная пара, которую я взяла с собой.
– Вы уверены, что они у вас были?
– Я надевала их к обеду вчера вечером. – Ее щеки стали пунцовыми. – Джонни предпочитает, чтобы его женщины одевались безукоризненно. Он ненавидит неопрятность.
– Значит, белые вечерние перчатки. А еще что-нибудь пропало?
– Вроде бы нет.
– Вы проверили?
– Я просмотрела все вещи. Зачем кому-то могло понадобиться красть вечерние перчатки? В Райтсвилле от них мало толку. Я имею в виду – среди людей, которые воруют.
– Это, конечно, проблема. Прошу вас, мисс Тирни, никому не рассказывать о краже и о моих вопросах.
– Разумеется, если вы просите.
– Кстати, где все?
– Собираются ехать в аэропорт встречать мисс Смит – секретаршу Эла Марша. Она должна прилететь в половине шестого. Энни и Моррис готовят обед на кухне.
– Моррис Ханкер?
– Разве есть еще один Моррис? – Элис усмехнулась. – Очевидно, вы его знаете?
– Да. Но кто такая Энни?
– Энни Финдли.
– Финдли?..
– Ее брат Хомер держал гараж на Плам-стрит. Знаете, где граничат Хай-Виллидж и Лоу-Виллидж.
– Господи, Хомер Финдли и его «Эх, прокатитесь!». Как он поживает?
– Покоится в мире, – ответила мисс Тирни. – Сердечный приступ. Я закрыла ему глаза в больничной палате шесть лет назад.
Эллери удалился, размышляя о бренности всего земного и других вещах.

* * *

Инспектор Квин отправился на «кугуаре» в город и вернулся, гордый своей находкой. Он обнаружил неизвестный Эллери магазин, где продавали свежую рыбу и моллюсков.

– Не мороженных, сынок, – когда морозишь рыбу и особенно моллюсков, половина вкуса пропадает. Подожди, пока увидишь, какое меню я запланировал на сегодняшний вечер.

– Какое, папа?

– Я же сказал, подожди. Не будь таким любопытным.

То, что его отец подал к столу вечером, он сам назвал «ирландским буайесом»,²⁸ по мнению Эллери, ничем не отличавшимся от средиземноморской разновидности, за исключением того, что был приготовлен ирландцем, который исключил шафран («Терпеть не могу эту желтую гадость!»). Обед был великолепным, и Эллери воздал ему должное. Но когда инспектор предложил отправиться в город и посмотреть «один из этих фильмов, где все бегают голыми», Эллери стал менее общительным.

– Почему бы тебе не пойти без меня, папа? Этим вечером я не в том настроении, чтобы смотреть кино, даже «где все бегают голыми».

– Ну и чем же ты займешься?

– Послушаю музыку. Может, выпью сливовицы, аквавита или еще чего-нибудь из запасов Джонни.

– Может, я доживу до завтра, – проворчал его отец, но, как ни странно, удалился.

«У старика еще есть либидо», – с удовлетворением подумал Эллери.

Он не собирался общаться с Моцартом, тремя «Б»²⁹ или интернациональным содержимым бара

²⁸ Буайес – суп из рыбы и моллюсков с оливковым маслом, томатами и шафраном.

²⁹ Имеются в виду «три великих «Б» немецкой музыки» – Бах, Бетховен и Брамс.

Бенедикта. Как только звук мотора «кугуара» замер вдали, Эллери надел темный пиджак поверх белого свитера, взял фонарик в кладовой с инструментами, оставил свет в комнатах и играющую кассету в магнитофоне и выскользнул из коттеджа.

Луна только народилась, и тьма была такой глубокой, какой она может быть только в райтсвиллских лесах. Идя по тропинке к большому дому, Эллери прикрывал рукой свет фонаря. Вечер был сырым, и Эллери бы с удовольствием послушал симфонию лягушачьего кваканья, но, очевидно, сезон еще не наступил или же земноводных отпугивала прохладная погода, хотя официально весна началась уже неделю назад. Если бы инспектор спросил, чем он сейчас занимается, Эллери бы не смог дать исчерпывающий ответ. Он понятия не имел, какова его цель, но не мог выбросить из головы три кражи. А коль скоро они произошли в доме Бенедикта, его тянуло туда, как хиппи к марихуане.

В этих кражах ощущалось нечто чертовски логичное. Вечернее платье, модный парик и вечерние перчатки. Они соединялись друг с другом, как фрагменты картинки-загадки. Но трудность заключалась в том, что, собранные воедино, они не представляли собой ровным счетом ничего. Конечно, все три предмета обладали определенной ценностью, поэтому кражу по чисто материальным причинам не следовало сбрасывать со счета, но собеседник, сидящий в голове у Эллери, упрямо покачивал своей маленькой головой. То, что вещи украли с целью их носить, выглядело еще менее вероятным – если вором была одна из бывших жен, это означало, что она включила в число пропаж собственную вещь, дабы отвести от себя подозрения (абсурдная мысль, учитывая саму природу исчезнувших вещей), а если похитительницей была какая-то женщина из Райтсвилла, то где она могла бы носить украденное, не вызывая подозрений?

Морриса Ханкера Эллери исключил сразу же – старый янки не отобрал бы хлебной крошки у воробья, даже умирая с голоду. Энни Финдли, разумеется, была для него неизвестной величиной, и напрашивался простейший ответ, что толстая коротышка горничная, не ночующая в доме, не смогла противостоять искушению в виде платья с блестками, фантастического парика и нарядных перчаток. Но Эллери понимал, что Энни, как и Ханкер, зарабатывала на жизнь благодаря нанимателям типа Джона Бенедикта и в маленьком городке вроде Райтсвилла едва ли могла постоянно снисходить к подобным слабостям, не будучи быстро разоблаченной. Кроме того, вороватая наемная прислуга была явлением, практически неизвестным Райтсвиллу. Нет, Энни не годилась на роль виновной.

Тогда кто? Если это был какой-то бродяга, то он мог бы найти в доме Бенедикта куда более ценную и легко сбываемую с рук добычу, нежели платье с чужого плеча, зеленый парик и пара дамских вечерних перчаток (наверняка не первой свежести). Однако три женщины больше не сообщали ни о каких пропажах. А если бы что-то исчезло у Бенедикта или Марша, он бы уже слышал об этом.

Подобные внешне тривиальные загадки всегда приводили Эллери в отчаяние.

Он двинулся вокруг дома, стараясь ступать неслышно. Фасад и боковая сторона, где должны были находиться кухня и буфетная, были темными – очевидно, Ханкер и Финдли уже убрали после обеда и ушли домой. Но на террасу проникал свет сквозь французское окно, которое Бенедикт установил в задней стене гостиной, реконструируя фермерский дом.

Эллери прошел по краю внутреннего двора, держась подальше от освещенного участка, и занял позицию на террасе под ветками сорокалетнего кизилового дерева рядом с домом, откуда он мог заглядывать в гостиную, оставаясь невидимым. Очевидно, в комнате было тепло, так как створка французского окна была приоткрытой. Эллери четко различал голоса.

Все были в гостиной: Бенедикт, его бывшие жены, Марш и девушка, которая могла быть только секретаршей Марша, мисс Смит. Она сидела на краю дивана, закинув ногу на ногу, с блокнотом на колене и карандашом наготове. На ней были белая блузка и скромная ярко-голубая юбка средней длины, а на плечи был наброшен белый кардиган, застегнутый на шее. В ней отсутствовало что-либо юное и даже женственное, если не считать стройных ног, – скорее ее можно было назвать мужеподобной, а косметика придавала и без того лошадиному лицу аккуратность цирковой лошади. Облик мисс Смит поведал Эллери кое-что о Марше. Мужчина, выбравший подобную женщину в качестве личной секретарши, наверняка посвящал все время в офисе только работе.

Две из бывших жен, казалось, состязались в роскоши вечерних туалетов, пробуждая мысль о стартовом пистолете, возвещающем начало регаты.

Светлые волосы Одри Уэстон оттеняли черный креповый жакет и черные брюки с широким

красным атласным поясом выше талии, подчеркивающим грудь, и красными атласными туфлями на шпильках, увеличивающих и без того внушительный рост. На запястье красовался браслет из золотых звеньев, выглядевший достаточно тяжелым, чтобы служить якорной цепью, а в ушах – золотые серьги.

Если Одри «плыла под всеми парусами», то Марша Кемп ограничилась минимумом. Бирюзовое вечернее платье рыжеволосой дамы из Лас-Вегаса так тесно прилегало к телу, что Эллери удивлялся, как она может сидеть, не разорвав его по швам. Его интересовало, планировали ли совместно стратегию гонок первые две жены и достигли ли они консенсуса.

В противоположность им, природную смуглость Элис Тирни подчеркивали белые платье и аксессуары – она выглядела в них целомудренно-чистой и почти ослепительной. Казалось, Элис сознавала, что природные данные не позволяют ей соперничать с предшественницами, и намеренно избрала тактику простоты.

Но если изощренность Одри и Марши и сознательная безыскусность Элис были рассчитаны на пробуждение старых страстей в либидо Бенедикта, то глаза Эллери не замечали эффекта. По крайней мере внешне Джонни оставался столь же безучастным к их чарам, как евнух. Доказательством презрения к дамскому трио могла служить одежда Бенедикта. Можно было ожидать, что миллионер, такой придирчивый к облачению своих женщин, появится в смокинге, но, в отличие от Марша, Бенедикт надел обычный коричневый костюм – словно, будучи Джонни-Би, он мог позволить себе пренебрегать условностями, требуемыми от бывших жен. Это заставило Эллери увидеть старого друга в новом свете.

Подслушивая, Эллери не испытывал угрызений совести – с ним никогда этого не случилось, если было возбуждено его любопытство. Впрочем, он рекомендовал подобное не в качестве общей практики, а только – как и при установлении подслушивающих устройств – экспертам, служащим правосудию, к коим считал вправе относить и себя.

Насколько мог понять Эллери, они говорили о «новом завещании», которое Бенедикт поручил Маршу составить для него «завтра». Очевидно, он не сообщил бывшим миссис Бенедикт о рукописном документе, который подписал в присутствии Квинов в четверг вечером и который в данный момент лежал в кармане инспектора.

– Но это форменное мошенничество! – заявила Одри Уэстон.

– Мошенничество? – Рыжеволосая дама из Лас-Вегаса от души крепко выругалась. – Это просто убийство!

Элис Тирни выглядела расстроенной.

– Знаешь, Марша, твоя вульгарность удручающе неоригинальна, – сказал Эл Марш, стоя у бара и наливая себе выпивку. – Хотя признаю, она сразу дает людям понять, чего можно от тебя ожидать.

– Хочешь, чтобы я прямо сейчас прочла тебе персональную лекцию, Эл?

– Боже упаси, дорогая. – Он быстро выпил.

Эллери прижался к стволу кизилового дерева. Мошенничество? Убийство? Но потом он решил, что это гипербола.

– Пиявки! – Хладнокровия Бенедикта как не бывало. – Вы отлично знаете, что собой представляли наши браки. Сугубо деловые контракты, включающие постель. Но я п-покончил с этими глупостями!

– Спокойно, – предупредил его Марш.

– Вам же известны условия сделки! Они одинаковы в каждом случае – тысяча в неделю вплоть до вашего нового брака или моей смерти, а когда я умру, каждая из вас, если она не будет замужем, получает по моему завещанию...

«Интересно, которому?» – подумал Эллери.

– ...кругленькую сумму в миллион долларов.

– Да, но вспомни, от чего мы отказались, – заговорила Элис Тирни негромким рассудительным голосом. – Ты заставил нас подписать добрачное соглашение, по которому мы должны были отказаться от вдовьих и всех прочих прав на твое состояние.

– Угрожая, если я помню правильно – а я помню, братец, – ядовито добавила Одри Уэстон, – что, если мы не подпишем, брак не состоится.

– Это фирменный стиль Джонни-Би, голубушка, – сказала Марша Кемп.

Эл Марш засмеялся:

– Тем не менее, девочки, вы совершили не такую плохую сделку, предоставив Джонни право пользоваться вашими впечатляющими телами в течение нескольких месяцев. – Он слишком часто подходил к бару – его улыбка была деревянной, а язык слегка заплетался.

– Но впечатлять они должны были не только видом, но и действием, верно, Эл? – Бенедикт изящно взмахнул рукой. – Д-дело в том, малышки, что я подумал как следует и пришел к выводу, что от вас я не получил ничего равноценного затраченным мною д-деньгам. Поэтому я изменил решение. Кроме того, в сюжете появился новый элемент, к которому я п-пе-рейду через минуту. Как я уже говорил, завтра Эл составит для меня новое з-завещание, и мне все равно, нравится это вам или нет.

– Погоди, доогой! – Теллула Бэнкхед появилась вновь. – Ты не можешь изменить подобное соглашение. У оскорбленной девушки есть права в стране дяди Сэма!

– Очевидно, ты плохо прочитала текст, Одри, – сказал Бенедикт. – Соглашения не ставят ваш отказ от вдовьих и других прав на мое состояние в зависимость от того, что я предпочту вам завещать. Прочти документы снова, Одри, и ты сэкономишь на гонораре нотариусу. Правильно, Эл?

– Правильно, – ответил Марш. – Соглашение никак не связано с завещанием.

– И если я передумаю насчет этих т-трех миллионов, вы ничего не сможете сделать. – Бенедикт сверкнул зубами в усмешке. – Уверяю вас, что наши планы абсолютно з-законны. А если возникнут сомнения, можете не сомневаться, что моя борзая обойдет ваших на любой беговой дорожке.

– Иными словами, ты прибегнешь к силе? – осведомилась рыжеволосая леди.

– Если буду вынужден.

– Но, Джонни, ведь ты дал мне слово... – заговорила бывшая медсестра.

– Чепуха.

Марша зажгла сигарету.

– Ладно, Джонни, каковы новые условия?

– Вы по-прежнему б-будете получать тысячу в неделю, пока не выйдете замуж и пока я не умру, но на миллион после моей смерти можете не рассчитывать.

– Почему? – Марша словно выплюнула вопрос.

– Вообще-то это не ваше д-дело, – ответил Бенедикт, – но я собираюсь жениться снова.

– Не валяй дурака, – сказала Одри. – У тебя каждую весну появляется брачная болезнь, как простуда. Какое отношение имеет к этому твоя очередная женитьба?

– Ты не можешь так поступить! – воскликнула Элис. – Миллион долларов – это не шутка.

– Ты провозишься с этой бабенкой несколько месяцев, – буркнула Марша, – а потом...

– Теперь все иначе. – Бенедикт улыбнулся. – На сей раз я влюблен.

– Влюблен? Ты? – захохотала Одри. Остальные две присоединились к ней.

– Повлияй на него, Эл, – сказала Марша, – пока он не пустил на ветер все оставшиеся деньги. Последняя вещь, в которую ты был влюблен, малыш, – это титьки твоей мамочки. Что ты знаешь о любви?

Бенедикт пожал плечами:

– Называйте это как хотите, но ф-факт остается фактом. Я хочу остепениться – смейтесь, сколько душе угодно! – завести детей и жить нормальной ж-жизнью. Больше никаких охот за цыпочками и скоротечных браков. Моя следующая жена будет последней женщиной в моей жизни.

Они уставились на него, застыв, словно три курицы на насесте, разинувшие клювы.

– Это г-главная причина моих действий. Если я намерен стать отцом, т-то должен обеспечить будущее моих детей и их матери. И я не изменю своего решения.

– А я повторяю, что это мошенничество, – огрызнулась блондинка. – Выходит, завещание, которое ты показал мне перед бракоразводным процессом, и по которому я получала миллион долларов, было очередным обманом?

– В таком случае он обманул и меня, – подхватила рыжеволосая. – И я снова говорю, что это форменное убийство – лишать нас наследства после того, что мы тебе дали...

– Знаю, Марша, – лучшие м-месяцы вашей жизни, – усмехнулся Бенедикт. – Но вы трое никак не даете мне закончить приговор. Я собирался объявить, что для вас это не станет полной п-потерей. Более т-того, у вас есть время до завтрашнего полудня, чтобы принять решение. Ваш б-богоподобный супруг справедлив и милосерден. Эл, черный кофе по-русски, если не возражаешь.

Напиток был новым для Эллери, и он наблюдал, как Марш хлопчет у бара, смешивая водку с

кофейным ликером и добавляя лед.

– Какое решение, Джонни? – упавшим голосом спросила Элис.

– Сообщу через минуту. Если вы трое согласитесь, Эл составит новое завещание – и делу конец.

– Какие... условия? – Одри отбросила актерские замашки.

– Тысяча в неделю, как и сейчас, с п-прекращени-ем в случае замужества, а после моей смерти каждая получит сто тысяч долларов. Конечно, это не миллион... спасибо, Эл... но г-гарантированный корм даже для таких редких птичек. Так что думайте, леди. Если решите затевать тяжбу, говорю при с-свидетелях, что по новому завещанию вам не достанется ни ц-цента! Я могу даже передумать насчет тысячи в неделю. Доброй ночи.

Джон Леверинг Бенедикт Третий допил «кофе по-русски», поставил пустой бокал, махнул рукой бывшим женам и отправился наверх спать, словно провел утомительный, но плодотворный день.

* * *

Бенедикт оставил за собой атмосферу гнева, разочарования и любопытства, где доминировало последнее.

– Кто та куколка, на которой Джонни собирается жениться?

– Наверняка ты знаешь!

– Расскажи нам, Эл!

Амазонки окружили Марша, со всех сторон напирая на него своими мягкими телесами.

– Пожалуйста, девочки, не перед мисс Смит... Нелегко вести корабль в семейных водах, не так ли, мисс Смит? Кстати, на сегодня вы свободны. Можете совершить налет на кухню, если хотите перекусить.

– Я на диете, – неожиданно отозвалась секретарша.

Адвокат выглядел удивленным, и Эллери понял, что ремарки личного порядка не были характерны для профессионального поведения мисс Смит. Она захлопнула блокнот, пожелала Маршу доброй ночи и отправилась наверх, как если бы бывших жен не существовало вовсе. Эллери обратил внимание, что секретарша стенографировала каждое слово, произнесенное в комнате.

– Я уверена, Эл, что ты знаешь, кто она, – настаивала Одри, игриво тормоша адвоката.

– Не та гардеробщица, за которой он, говорят, последнее время волочился? – допытывалась Марша.

– Второй раз он бы не совершил такой ошибки, дорогая, – сказала Элис.

– По крайней мере, я не сосала из него кровь, как ты, когда он подобрал тебя в дыре, которую вы называете городом, – огрызнулась рыжая. – Что может быть хуже вампириши?

– Кто бы говорил!

– Перестань кобениться, Эл, – захныкала блондинка. – Я хочу выпить, дорогой. И подкинь нам информацию.

Марш стряхнул всех троих и отошел к бару.

– Я здесь не для того, чтобы что-то вам подкидывать, а чтобы выполнять распоряжения. Искренне советую вам принять предложение Джонни. Если откажетесь, то останетесь ни с чем, как девушка по вызову в баре для геев. Сто тысяч каждой – самое большее, что вы можете вытянуть из Джонни, и у вас есть около двенадцати часов, чтобы согласиться. Подумайте как следует. А утром сообщите мне о своем решении.

– Пошел ты к черту, дорогой, – сказала Одри. – Как насчет моей выпивки?

– Почему бы тебе не пойти спать?

– Я еще не отчаялась полностью. Ладно, налью себе сама. – Блондинка встала и направилась к бару.

– Знаешь, кто ты такой? – обратилась к адвокату Марша. – Паршивый лизоблюд. Смешай мне «Гибсон», ладно, Одри?

– Смешай сама.

– Ты сама любезность. Не думай, что я этого не сделаю. – Рыжеволосая присоединилась к блондинке у бара.

– Эл... – начала брюнетка из Райтсвилла.

– Ты не сможешь вытянуть из меня больше, чем они, Элис. Спокойной ночи.

– А ты не сможешь отделаться от меня, как от мисс Смит! Или как от ребенка! – По пути к бару Элис бросила на него холодный взгляд.

Эллери сосредоточил внимание на адвокате. Очевидно, с него было достаточно алкоголя – стакан, который он поставил, был полон больше чем наполовину. Однако с тех пор, как Эллери начал подслушивать, Марш не переставал курить ментоловые сигареты. Ну, теперь-то, подумал Эллери, адвокату, компаньону и доверенному лицу человека вроде Джонни-Би нечего рассчитывать на спокойное существование. Бенедикт изрядно заездил верного жеребца, наградив его не только мозолями, но и неврозом, если не агорафобией.³⁰

Изучая массивные черты лица и большие чувствительные руки адвоката, Эллери задумался, понимает ли Марш, какую банку с порохом так беспечно открыл его друг к клиент. Юридическое образование должно было упорядочить природную смекалку Марша – наверняка он умел анализировать возможности. «Хотя, – думал Эллери, – у него нет моего опыта возни с убийствами. А чтобы предвидеть такое, нужен не только опыт, но и достаточно грязный ум».

Отойдя от террасы, Эллери двинулся назад к коттеджу, иногда используя фонарь и размышляя об услышанном. Приходящие мысли не забавляли, не провоцировали и даже не поглощали его целиком. Как обычно, разведка ситуации оказалась тщетной. Потенциальную жертву нельзя убедить беречься, пока не будет слишком поздно, а предостерегая потенциальных убийц, можно подстегнуть их к более коварному и изощренному методу или же посеять дурные мысли, которых ранее не было. Жертва, как и все смертные, считает себя бессмертной, а убийца, как и большинство убийц, думает, что он неуязвим. Против этих болезней нет лекарств.

Когда инспектор Квин вернулся из кинотеатра, Эллери что-то бормотал во сне.

* * *

Все произошло по расписанию, как если бы Эллери сам это спланировал.

Услышав телефонный звонок, он включил ночник, посмотрел на часы, которые показывали три минуты четвертого, нащупал телефон и снял трубку, толком не проснувшись. Но хрипы и стоны в трубке подействовали освежающе, как морская волна.

– Кто это?

– Дж... Дж...

– Это ты, Джонни?

– Да. – Собеседник с трудом набрал воздух в легкие. – Эллери...

– Что случилось?

– Я... я умираю...

– Что?! Подожди, я сейчас приду.

– Не успеешь...

– Не клади трубку!

– М-м-м... – Послышалось бульканье, потом Бенедикт произнес вполне обыденным тоном: – Убийство...

– Кто это сделал, Джонни? Говори!

На сей раз послышался бесконечный выдох. Затем Джонни Бенедикт с трудом выговорил нечто вроде «дома...» и снова умолк.

«Почему Джонни хочет, чтобы я знал, где он? – подумал Эллери. – Я и так знаю, что он в большом доме. По крайней мере, должен быть там. И звонит по внутреннему телефону. Это не имеет смысла. Если Джонни смог мне позвонить, значит, он в здравом уме».

– Я имею в виду, кто на тебя напал?

Ответом послужили нечленораздельные звуки.

– Говори, Джонни! Кто это сделал? – Это было все равно что уговаривать упрямого ребенка. – Постарайся сообщить мне. – Он едва не сказал «папе».

Судя по звукам, Джонни старался изо всех сил. Он еще дважды произнес «дома...», каждый раз

³⁰ Агорафобия – патологическая боязнь открытого пространства.

менее отчетливо, чем предыдущий. Наконец попытки прекратились, и послышался стук, как если бы Джонни-Би отшвырнул трубку или, что более вероятно, уронил ее.

– В чем дело, сынок?

Эллери положил трубку. К своему удивлению, он почувствовал, что зевает. В дверях стоял его отец. Эллери рассказал инспектору о звонке Джонни.

– Так чего же ты тут стоишь? – рявкнул старик и скрылся в своей спальне.

Спешить некуда, подумал Эллери, быстро натягивая брюки. Джонни унес ветер, который он сам посеял.

Райтсвилл снова нанес удар.

* * *

«Кугуар» преодолел четверть мили в одно мгновение. В большом доме было темно, светились лишь два окна наверху, где, очевидно, находилась спальня Бенедикта. Эллери выпрыгнул из машины.

– Ты захватил ключ, который дал тебе Бенедикт? – крикнул инспектор ему вслед.

– Черт, забыл! – отозвался Эллери. – Но кто когда пользовался ключами в Райтсвилле?

Он оказался прав – парадная дверь была закрыта, но не заперта.

Они побежали наверх. Дверь хозяйской спальни была распахнута настежь.

На Бенедикте были красно-коричневые шелковые пижамные брюки, шелковое кимоно с полосками цвета молочного шоколада и японские шлепанцы. Тело бесформенной грудой лежало на полу у кровати, напоминая пирог, который только что вытащили из духовки, украсили и поставили остывать. Телефон стоял на ночном столике, трубка свисала к полу. Крови было удивительно мало, учитывая размер ран на голове Бенедикта.

Оружие валялось на полу в шести футах от тела, между кроватью и дверным проемом. Это была массивная статуэтка, изображающая трех обезьян, отлитая из железа в современном стиле. Символизируемая ею проповедь «Не видь зла, не слышь зла, не говори о зле»³¹ выглядела жуткой иронией. Никто из Квинов не притронулся к ней.

– Конечно, он мертв, – сказал Эллери. – А ты как думаешь?

– Лучше удостовериться.

Инспектор присел на корточки и пощупал сонную артерию Бенедикта.

– Мертв. Не понимаю, как ему хватило сил снять телефонную трубку.

– Очевидно, хватило, – холодно отозвался Эллери. – Но толку от этого было мало.

Обернув правую руку носовым платком, он поднял трубку, нажал кнопку, переключающую аппарат на внешнюю связь, и набрал номер полицейского управления Райтсвилла, который помнил слишком хорошо.

– Пройдет некоторое время, прежде чем Ньюби доберется сюда, – сказал Эллери отцу, положив трубку. – Вероятно, это к лучшему. Кстати, гости Джонни спят как убитые. Может, нам стоит пощупать и их сонные артерии?

– Успеется, – проворчал инспектор. – Пусть пока спят. А почему ты считаешь, что задержка к лучшему?

– Ночной дежурный, парень по фамилии Пиг – бьюсь об заклад, что это Миллард Пиг, который держал слесарную мастерскую на углу Кросстаун и Фоуминг, – говорит, что накануне шеф был на вечеринке в «Красном человеке» и только лег спать, так что ему не так легко будет подняться и отправиться сюда. Три радиофицированные машины выехали в Файфилдскую артиллерийскую школу – какие-то учащиеся перебрали наркотиков и крушат административное здание. Там сейчас полиция штата и патрульные машины из Слоукема, так что, по словам Пига, местные полицейские смогут прибыть сюда только через несколько часов. Пока мы ждем Ньюби, можем сами здесь пошарить.

На лице инспектора отразилось сомнение.

³¹ Буддийский символ в виде трех обезьян с закрытыми глазами, ушами и ртом.

– Ненавижу залезать на территорию другого копа.

– Ньюби не станет возражать. Мы с ним часто сражались плечом к плечу. Давай посмотрим, есть ли тут какие-нибудь письменные принадлежности.

– Зачем?

– Каким бы Джонни ни был суперменом, он бы скорее оставил письменное сообщение, чем стал бы звонить по телефону, – если бы мог. Думаю, мы ничего не найдем.

Так оно и оказалось, к мрачному удовлетворению Эллери.

Одну тайну удалось раскрыть. В противоположной от окон стороне комнаты они обнаружили валяющимися на полу, как если бы их туда бросили, три пропавших предмета туалета бывших жен Бенедикта: черное с блестками платье Одри Уэстон, зеленый парик Марши Кемп и белые вечерние перчатки Элис Тирни.

Эллери внимательно обследовал их. Вечернее платье было достаточно длинным, чтобы волочиться по полу, растрепанный парик походил на сердитого дикобраза, перчатки были изготовлены из высококачественной лайки. Ни на одном предмете не было ни пятнышка крови.

– Значит, ими не пользовались при нападении, – заметил инспектор. – Ложная улика?

– Целых три. – Эллери прищурился. – Если бы убийца Джонни хотел навлечь подозрение на Маршу, он бы оставил только парик, если бы на Одри – только платье, а если бы на Элис – только перчатки. Но, оставив все три предмета, он навлекает подозрение на всех троих.

– Почему?

– В том-то вся и загвоздка.

– Не понимаю, Эллери.

– С удовольствием просветил бы тебя, но не могу.

– Пожалуй, нам было бы лучше оставаться на Манхэттене, – мрачно произнес инспектор.

В кровать, безусловно, ложились – покрывало было аккуратно сложено в ногах, простыня сморщена, а на подушке еще оставалась вмятина от головы Бенедикта.

– Он, безусловно, не стал бы ложиться в халате, – сказал Эллери. – Значит, что-то его разбудило, он встал и надел халат и шлепанцы. Возникает следующий вопрос: что именно его разбудило?

– Нет никаких признаков борьбы, – промолвил инспектор. – Как будто убийца не хотел нарушать порядок в комнате.

– Ты становишься эксцентричным, папа.

– Я говорю то, что есть. Одежда не разбросана, на стуле ничего не валяется, и я уверен, что если заглянуть в бельевую корзину... – Инспектор Квин метнулся в ванную, поднял крышку корзины и торжествующе воскликнул: – Что я говорил? Прежде чем лечь спать, Бенедикт аккуратно положил туда рубашку, носки и нижнее белье. – Старик вышел и огляделся. – Должно быть, его оставили умирать на кровати или на полу, а когда убийца ушел, Бенедикт смог подползти к телефону и позвонить тебе.

– Согласен, – кивнул Эллери. – Отсутствие признаков борьбы подталкивает меня к выводу, что Джонни знал своего убийцу. Хотя, конечно, это мог быть взломщик или другой посторонний, который атаковал Джонни, как только тот поднялся с кровати и надел халат и шлепанцы. Такую альтернативу нельзя полностью исключать.

– Но почему он его убил? – Инспектор просматривал содержимое толстого, как зоб страсбургского гуся, бумажника, обнаруженного на ночном столике. Рядом с ним лежали золотые часы «Ролекс» с браслетом, украшенным тридцатью бриллиантами, которые, должно быть, стоили больше тысячи долларов.

– Из-за денег – вот почему, – ответил Эллери. – Но не из-за тех купюр в бумажнике, которые ты пересчитываешь. Я ложился спать, беспокоясь об этом.

Квины тщательно обследовали просторный стенной шкаф с одеждой. На вешалках аккуратно, как в ателье, висело около дюжины сшитых на заказ костюмов из дорогих тканей и самых разнообразных оттенков синего и серого, два летних смокинга – один белый, другой бордовый, множество слаксов и спортивных курток пастельных тонов, белая униформа яхтсмана, костюмы для гольфа, охоты и рыбной ловли, четыре демисезонных пальто – темно-серое, светло-серое, бежевое и коричневое, три зимних пальто – черное с бархатным воротником, двубортное синее и коричневое кашемировое. На нижних полках стояло множество пар обуви – обычные, из кордовской конской и крокодиловой кожи, замшевые, черные, коричневые, бордовые, серые и двуцветные, сапоги и спортивные туфли.

На верхней полке лежали черные и темно-коричневые шляпы, а также спортивные головные уборы. Большая вращающаяся вешалка предлагала ассортимент галстуков – самовязов, бабочек – и шарфов многообразных цветов, рисунков и тканей, который не посрамил бы любой магазин.

– Зачем ему столько тряпок в Райтсвилле? – удивлялся инспектор.

– Причем в убежище, где он не устраивал приемов и не наносил визитов, – добавил Эллери. – Можешь себе представить, как выглядят платяные шкафы в его нью-йоркских, парижских и прочих квартирах.

Ящики комода были набиты изготовленными на заказ рубашками всех цветов и фасонов – суконными, хлопчатобумажными, шелковыми, синтетическими, фланелевыми, белыми, голубыми, серыми, зелеными, бежевыми, коричневыми, даже фиолетовыми, однотонными, в полоску и в клетку, с пуговицами и петлями для запонок на манжетах, с отложными и пристежными воротничками, гофрированными и отделанными кружевом. Другие ящики содержали трикотажные изделия, третьи – майки, тенниски, в основном шелковые, и носовые платки, простые и с замысловатым рисунком, четвертые – рейтузы, шерстяные, нейлоновые и шелковые, черные, коричневые, серые и синие. В одном из ящиков находились булавки, запонки и зажимы для галстуков.

Инспектор качал головой. Эллери молчал, но взгляд его был озадаченным.

Казалось, он что-то потерял и никак не может вспомнить, что и где именно.

В ожидании шефа Ньюби Квины начали будить гостей Бенедикта. Причина крепкого сна бывших жен и Марша была понятна любому, не страдавшему сильным насморком. Воздух в спальнях был насыщен парами алкоголя – очевидно, после того, как Эллери покинул свой наблюдательный пост у террасы, три женщины и адвокат успели выпить достаточно, так что разбудить их было крайне затруднительно.

Что касается мисс Смит, секретарши Марша, то она заперла дверь спальни, и Эллери пришлось стучать несколько минут, чтобы добиться ответа. В ее комнате алкоголем не пахло.

– Я спала как убитая, – пояснила мисс Смит, явно пожалев об использованной риторической фигуре, когда Эллери сообщил, почему разбудил ее.

Судя по звукам, донесшимся из ее ванной, желудок мисс Смит прореагировал так, как скорее должны были бы прореагировать желудки трех других женщин. Эллери спешно удалился.

Насколько поняли он и его отец, Марша Кемп, Одри Уэстон и Элис Тирни остолбенели от изумления, услышав о насильственной смерти Бенедикта. Они казались слишком ошарашенными, чтобы осмыслить происшедшее, не впадали в истерику и почти не задавали вопросов. Марш уставился на Квинов с посеревшим лицом и дрожащими руками.

– Полиция уже здесь? – спросил он.

– Скоро будут, Эл, – ответил Эллери.

– Бедный старина Джонни, – пробормотал адвокат, опускаясь на кровать, после чего попросил выпить.

Эллери принес ему бутылку и стакан. Инспектор Квин велел всем участникам квинтета оставаться в своих комнатах и занял пост у двери спальни Бенедикта.

Эллери был внизу, когда шеф Ньюби, без галстука и в накинутом поверх униформы пальто, вошел в дом.

Анселм Ньюби был преемником шефа Дейкина, который так долго воплощал закон и порядок в Райтсвилле, что только редующие ряды старожилов помнили его предшественника – толстого, постоянно отплевывающегося бывшего фермера по имени Хорас Суэйн. Дейкин, всегда напоминавший Эллери Эйба Линкольна, был типичным старомодным и неподкупным полицейским из маленького городка. Анс Ньюби принадлежал к новому поколению – молодому, агрессивному и вооруженному научными методами. Тем не менее ему пришлось проявить себя дюжину раз, прежде чем город нехотя признал, что он способен выполнять обязанности Дейкина. К несчастью, Ньюби был маленьким, хрупким на вид человечком, а в городе, подобном Райтсвиллу, любое указание на женоподобность вызывало даже не отвращение, а ненависть. Что уж говорить о шефе полиции. В его случае это считалось просто преступлением. Но когда слухи достигли ушей Ньюби, он проследил их источник, сбросил мундир и так отдубасил оскорбителя, хотя тот располагал преимуществами в виде лишних шести дюймов роста и тридцати пяти фунтов веса, что в райтсвиллских барах об этом вспоминали и спустя много лет. После этой демонстрации мужества у Ньюби больше не было

неприятностей с распространителями слухов. А его язвительный голос и немигающие голубые глаза безотказно и не всегда благотворно действовали на окружающих.

– Очень сожалею, шеф... – начал Эллери.

– Вы всегда сожалеете, – огрызнулся Ньюби. – Я предложу секретарю городской управы оторвать задницу от стула, отправиться в столицу штата и попытаться уговорить нашего представителя в законодательном собрании протолкнуть закон, запрещающий пребывание в Райтсвилле всем, кто носит фамилию Квин. Как только вы появляетесь в городе, тут же происходит убийство! Я не знал, что вы приезжаете, иначе раздал бы всем подчиненным ваш словесный портрет! Как поживаете, Эллери?

– Мне все это нравится еще меньше вашего, Анс, – отозвался Эллери, пожимая маленькую руку. – Я намеренно держал наш визит в тайне...

– Наш? Кто вас сопровождает?

– Мой отец. Он наверху – присматривает за комнатой Бенедикта и телом. Мы здесь на отдыхе по приглашению Джонни Бенедикта.

– Отец или нет, вероятно, он не знает ваш райтсвиллский «послужной список» так хорошо, как я, иначе он никогда бы сюда не поехал. Для копа ваша компания – верная гарантия испорченного отпуска. Ну, рассказывайте.

– Давайте поднимемся.

Наверху инспектор и Ньюби, никогда раньше не встречавшиеся, обменялись рукопожатиями, как противники перед боем.

– Надеюсь, вы не возражаете, шеф, что мы тут немного пошарили, ожидая вас, – сказал старик. – Я сам терпеть не могу, когда офицеры полиции суют нос на чужую территорию.

Ньюби сразу же оттаял.

– Мне повезло, что вы здесь, инспектор, – ответил он, и Эллери облегченно вздохнул.

Понадобилось почти три четверти часа, чтобы описать шефу райтсвиллской полиции ситуацию с очередным браком и завещанием жертвы, по-видимому приведшим к убийству. Ньюби тем временем осматривал труп и комнату.

– Я оставил распоряжение поднять с постели моих экспертов, – сказал он. – Куда, черт возьми, они запропалились? Если не возражаете, Эллери, приведите в гостиную этих пятерых, пока я позвоню полицейскому врачу, чтобы он поскорее притащил сюда свою задницу. У нас ведь нет такой организации и такого количества людей, какими располагаете вы, инспектор, – виновато добавил шеф и вышел к телефону в прихожей.

– Кажется, он считает себя обязанным произвести на меня впечатление, – заметил сыну инспектор.

– Не знал, что Ансу не чуждо ничто человеческое, – усмехнулся Эллери и поспешил вниз.

Три бывшие супруги, адвокат и секретарша вошли в гостиную со смешанными чувствами недоверия и облегчения. Каждый из них знал только то, что Бенедикт убит; все были изолированы друг от друга, не имея возможности обмениваться предположениями и взаимными обвинениями. Интересно, что жены старались держаться поближе друг к другу, хотя до смерти Бенедикта каждая из них застолбила в гостиной отдельный участок.

Мисс Смит демонстрировала явные признаки нервозности, совсем не похожие на былую секретарскую отчужденность. После бунта, устроенного ее желудком, она выглядела бледной и больной, хнычущим голосом попросила бренди, удивив даже Марша, поглощенного своими мыслями. Мисс Смит продолжала жаловаться, в основном обращаясь к своему боссу, как будто он был виноват в создавшейся ситуации, и твердя, что еще никогда не имела дела с убийством, покуда Марша Кемп не потрянула рыжими волосами и не произнесла свирепым тоном:

– Ради бога, заткнись!

Мисс Смит повиновалась, испуганно вцепившись в стакан с бренди.

– Слушайте внимательно, – заговорил Ньюби, когда инспектор представил ему всех пятерых. – Пока что мне известно очень мало, хотя уверяю вас, что вскоре буду знать гораздо больше. Но в данный момент я понятия не имею, кто убил мистера Бенедикта. Поэтому мой первый вопрос: может ли кто-то из вас сообщить что-нибудь, способное облегчить мне работу?

Казалось, никто не был готов это сделать.

– Надеюсь, шеф, – заговорил Марш голосом таким же безжизненным, как и его лицо, – вы не

думаете, что кто-то из нас имеет отношение к смерти Джонни?

– Сейчас речь не об этом. Кто-нибудь слышал что-то после того, как лег спать? Ссору, борьбу или хотя бы просто шаги?

Никто ничего не слышал. Во время убийства все крепко спали под действием бурбона и водки. Исключением была мисс Смит, которая заявила, что не пьет, и попросила бренди исключительно с целью восстановления сил.

Однако три бывшие миссис Бенедикт, как выяснилось, заснули не сразу.

– Я металась в постели и решила почитать, – сказала Одри Уэстон. – Поэтому...

Эллери ожидал слова «доогой», но блондинка, очевидно, решила, что шеф Ньюби не одобрит такую фамильярность.

– ...я спустилась за книгой.

– Куда именно спустились, мисс Уэстон? – спросил Ньюби.

– В эту комнату – к книжным полкам.

– Кто-нибудь здесь был тогда?

– Нет.

– Как долго вы оставались в гостиной?

– Ровно столько, чтобы взять книгу.

– А потом вы вернулись наверх?

– Да.

– Сколько времени вы читали, мисс Уэстон, прежде чем снова попытались заснуть?

– Я не смогла читать. Буквы расплывались у меня перед глазами.

– Что это была за книга? – спросил Эллери.

– Я не помню название, – высокомерно отозвалась блондинка. – Новый роман писателя по фамилии Рот.

– Филип Рот?

– Кажется, да.

– Харри Голден был бы рад это слышать. Это не была «Жалоба портного»?

– Я забыла, – еще более высокомерным тоном ответила Одри.

– Если бы вы читали «Жалобу портного», мисс Уэстон, буквы вряд ли расплывались бы у вас перед глазами. Вы ведь читали некоторое время, не так ли?

– Мерзкая книжонка меня настолько возмутила, доогой, что я отшвырнула ее и спустилась за другой книгой, но, как только начала ее читать, у меня стали слипаться глаза, поэтому я погасила свет и сразу отключилась. Не спрашивайте меня, мистер Квин, что это была за книга, так как я этого не помню. Она все еще у меня в комнате, если вы считаете это важным.

– Значит, вы спускались вниз дважды за ночь?

– Если вы мне не верите, это ваша проблема.

– Она может стать и вашей, – задумчиво промолвил Эллери и шагнул назад, махнув рукой Ньюби. – Я не хотел монополизировать свидетеля, Анс. Продолжайте.

– В котором часу все это происходило, мисс Уэстон?

– Понятия не имею. Я не смотрела на часы.

– Даже не взглянули на ваши наручные часы, когда раздевались?

– Представьте себе, нет.

– Но вы можете предположить, сколько тогда было времени? Час? Два? Три?

– Говорю вам, не знаю. Марша, в котором часу я пошла спать?

– Отвечай на свои вопросы, дорогая, – сказала Марша Кемп, – а я отвечу на мои.

– Я скажу, сколько было времени, когда ты пошла спать, – внезапно заговорила Элис Тирни. – Около двух.

– Неужели так поздно? – воскликнула Одри.

– Да.

– Вы металась в постели, – продолжал Ньюби, – потом спустились за книгой «Жалоба портного», которую читали... как долго?

– Право, не знаю, – ответила блондинка. – Очень недолго.

– Пятнадцать минут? Полчаса?

– Может быть. Не знаю.

– Или час? – пробормотал Эллери.

– Нет! Скорее полчаса.

– Иными словами, опус мистера Рота возмутил вас, но вы читали его полчаса или больше. По вашим словам, у меня сложилось впечатление, что вы отшвырнули книгу с отвращением, едва начав читать. Ваши ответы не слишком последовательны.

– Почему вы цепляетесь ко мне, мистер Квин? – воскликнула блондинка. – Что вам от меня нужно? Хорошо, я читала эту грязную книжонку достаточно долго, а во вторую едва заглянула. Но это ничего не меняет, так как я крепко спала задолго до того, как убили Джонни.

Ньюби встрепенулся:

– Откуда вы знаете, когда убили мистера Бенедикта, мисс Уэстон? Никто здесь не упоминал об этом.

Одри смутилась:

– Разве?.. Ну... я просто предположила...

Ньюби не настаивал.

– Во время ваших обоих походов вниз и вверх вы никого не видели?

– Никого. Двери всех спален были закрыты. Естественно, я подумала, что все, кроме меня, спят.

– Как насчет вас, мисс Кемп? – Ньюби внезапно повернулся к рыжеволосой.

Но она была к этому готова.

– Насчет меня?

– Вы заснули, как только легли?

– Хотела бы я так сказать, – отозвалась Марша, – но в таком деле, если вам нечего скрывать, лучше говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды. Я порядочно выпила и так шаталась, что с трудом поднялась по лестнице, но, едва легла, сна как не бывало...

– Погодите. В котором часу вы отправились в спальню?

– Я была не в том состоянии, чтобы замечать время, шеф. Помню только, что это было после того, как Одри пошла наверх.

– Насколько после?

Марша Кемп пожала плечами.

– Я могу вам сказать, – заговорила Элис Тирни. – Было около половины третьего.

– Ты у нас ходячий хронометр, – буркнула рыжая. – Как бы то ни было, у меня кружилась голова, и я подумала, что еда утихомирит мой желудок, поэтому спустилась в кухню, приготовила себе сэндвич с курицей и чашку теплого молока и отнесла их к себе в комнату. Дедуля видел тарелку с крошками и грязную чашку, когда разбудил меня. Верно, дедуля?

Инспектор Квин молча кивнул. Он стоял у французского окна, глядя на террасу.

– Вот видите?

Под распахнувшимся пеньюаром на Марше была короткая ночная рубашка. Эллери хотелось, чтобы она застегнула пеньюар, дабы он мог сосредоточиться на деле. Под прозрачной тканью Марша походила на гигантский бутон, который вот-вот распустится.

– Должно быть, теплое молоко мне помогло, так как вскоре я отключилась. Больше я ничего не помню вплоть до того, как старая ищейка меня разбудила.

– Во время похода в кухню и обратно вы никого не видели?

– Нет.

– И очевидно, ничего не слышали во время убийства?

– Вам меня не подловить. Я не знаю, когда произошло убийство. Как бы то ни было, я ничего не слышала ни в какое время.

Сну Элис Тирни также помешал алкоголь.

– Я не привыкла пить, – сказала бывшая медсестра, – а прошлой ночью выпила слишком много. Я поднялась в свою комнату следом за Маршей, а когда не смогла заснуть, пошла в ванную принять что-нибудь от головной боли. Но я ничего не нашла в аптечке, поэтому спустилась в нижнюю уборную, где днем видела буфферин. Я приняла пару таблеток и вернулась в спальню. Буфферин не слишком помог, и я попробовала холодные компрессы, а потом, от отчаяния, приняла пилюлю снотворного из пузырька, который нашла в аптечке. Я ненавижу снотворные, так как слишком часто имела с ними дело, но это сразу подействовало, и я заснула.

Как Одри и Марша, Элис никого не видела и ничего не слышала.

– Странно, – заметил шеф Ньюби. – Казалось, при такой беготне вниз и вверх по лестнице кто-то должен был на кого-то наткнуться. Как насчет вас, мистер Марш? Зачем вы спускались вниз?

– Я не спускался и вообще не выходил из комнаты. Прошлой ночью я тоже выпил лишнего, особенно после ухода Джонни, заснул минуты через две после того, как лег, и проснулся, почувствовав, что Эллери меня трясет.

– В котором часу вы пошли спать?

– Точно не знаю. Мне кажется, сразу после Элис Тирни, но я не уверен.

– Так оно и было, – сказала Элис.

– А вы, мисс Смит?

Услышав свое имя, секретарша вздрогнула и допила остатки бренди.

– Не понимаю, почему вы вообще меня расспрашиваете. Я всего лишь здоровалась с мистером Бенедиктом, когда он посещал офис мистера Марша.

– Вы покидали вашу комнату прошлой ночью после того, как пошли спать?

– Нет.

– Вы не слышали ничего, что могло бы помочь нам, мисс Смит? Постарайтесь вспомнить.

– Я говорила мистеру Квину перед вашим приходом, шеф Ньюби, что спала очень крепко.

«Как убитая», – молча напомнил ей Эллери.

– Я думала, что у меня будет напряженное воскресенье, и хотела выспаться, чтобы работать как следует. В конце концов, меня приглашали в этот дом не в качестве госты. Я здесь только как секретарь мистера Марша.

– Мисс Смит не может иметь к этому никакого отношения, – довольно резко, как показалось Эллери, заговорил Марш. – Я не собираюсь учить вас вашей работе, шеф, но не является ли все это пустой тратой времени? Должно быть, Джонни убил какой-то грабитель, который забрался в дом среди ночи, чтобы украсть что-нибудь, и потерял голову, когда Джонни проснулся и застиг его врасплох.

– Я бы хотел, чтобы все оказалось так просто, мистер Марш. – Ньюби посмотрел на Эллери, который быстро вышел и вернулся, неся в руках платье с блестками, парик и вечерние перчатки.

– Поскольку вы все миссис Бенедикт, – сказал он бывшим женам, – мне будет легче обращаться к вам по именам. Одри, вчера днем вы приходили ко мне сообщить о краже платья из вашей комнаты. Вы имели в виду это платье?

Он показал черное платье блондинке, которая с подозрением его обследовала, потом медленно поднялась и приложила к себе.

– Похоже на то... Да, это оно. Где вы его нашли?

Эллери забрал у нее платье.

– Марша, это тот парик, который, как вы говорили мне вчера, у вас украли?

– Вы сами это знаете. Если в городе найдется еще один зеленый парик, я его съем. – Рыжеволосая женщина примерила парик. – Это он.

– Элис, это ваши вечерние перчатки?

– На указательном пальце левой перчатки должна быть маленькая дырочка, – сказала брюнетка. – Да, вот она. Это мои перчатки, мистер Квин. Но у кого они были?

– Мы не знаем, у кого они были, – ответил Ньюби, – но знаем, где они оказались. Мы нашли их в спальне Бенедикта, рядом с его телом.

Наступило гнетущее молчание.

– Но что это значит? – воскликнула наконец Элис. – Зачем было кому-то красть мои перчатки, а потом класть их практически на труп Джонни?

– И мое вечернее платье?

– И мой парик?

– Ничего не понимаю. – Марш отошел к бару, но, казалось, забыл о стакане в руке. – Такие вещи по твоей части, Эллери. В чем тут дело? Или ты не согласен, что грабитель или бродяга...

– Боюсь, что нет, – вздохнул Эллери. – Возможно, ты в состоянии помочь нам в этом разобраться, Эл.

– Я?

– Анс, вы не возражаете?

Ньюби махнул рукой:

– Вы знаете о здешней ситуации куда больше меня, Эллери. Забудьте о протоколе.

– Тогда позвольте мне объяснить, – сказал Эллери. – Вчера вечером я был на террасе, слушая, как Джонни произносил речь о своем намерении написать новое завещание. Полагаю, Эл, что, поскольку ты был нотариусом, составившим первое завещание Джонни, а целью этого уик-энда было составление нового завещания, ты привез с собой копию старого?

– Да. – Марш воинственно выпятил массивный подбородок. – Значит, ты подслушивал, Эллери? Почему?

– Потому что меня беспокоила создававшаяся ситуация, и дальнейшие события подтвердили мои опасения. Я бы хотел взглянуть на первое завещание.

Марш поставил стакан. Его подбородок не возвещал перемирия.

– Формально я вправе отказаться...

– Мы это знаем, мистер Марш, – резко прервал шеф полиции. – Но при расследовании убийства нам не до формальностей. Пожалуйста, покажите завещание Бенедикта.

Адвокат колебался. Наконец он пожал плечами:

– Оно в «дипломате» в моей комнате. Мисс Смит...

– Не беспокойтесь, – неожиданно сказал инспектор Квин. – Я его принесу.

Они успели забыть о его присутствии. Старик вышел и быстро вернулся.

– Я не открывал «дипломат», мистер Марш.

Адвокат бросил на него странный взгляд, затем подошел, открыл «дипломат», вынул документ на нескольких листах в прозрачной папке и передал его шефу. Ньюби извлек завещание, полистал его и вручил Эллери, который уделил ему куда больше времени.

– Вижу, Эл, это завещание составили давно, но после каждого брака и развода в него включали дополнительные пункты.

– Совершенно верно.

– Согласно этим пунктам, каждая разведенная жена получает еженедельно тысячу долларов вплоть до смерти Джонни, а потом, если она к тому времени не выйдет замуж снова, крупную сумму в миллион долларов.

– Да.

– В таком случае, – продолжал Эллери, – у каждой бывшей жены имелись веские основания позаботиться, чтобы это завещание осталось в силе после смерти Джонни.

– Ты выразил это довольно странным способом, но полагаю, так оно и есть. Ну и что?

– Я понимаю, Эл, что юристу твоего масштаба и с твоей репутацией не нравится впутываться в такие скверные истории, но ты в этом замешан, и тебе лучше смотреть в лицо фактам. То, что я вчера вечером подслушал на террасе, учитывая дальнейшие события, подтверждает все мои опасения. Если бы Джонни пережил эту ночь, то написал бы сегодня новое завещание, согласно которому все три леди продолжали бы получать по тысяче в неделю до повторного брака, но после смерти Джонни получили бы вместо миллиона по сотне тысяч – всего десять процентов от того, на что они могли бы рассчитывать, если бы он не написал или не смог написать новое завещание. Джонни предупредил их, что не оставит им ни цента, если они затеют тяжбу. Я спрашиваю тебя, Эл: не является ли для Одри, Марши и Элис удачей то, что Джонни не пережил эту ночь?

Марш глотнул из стакана. Объекты монолога Эллери сидели неподвижно и едва ли потревожили хотя бы один атом в атмосфере.

– Выходит, – нарушил паузу шеф Ньюби, – у трех бывших жен Бенедикта имелись и мотив, и возможность. А также доступ к орудию убийства.

– Я даже не знаю, что это за оружие! – Одри Уэстон вскочила со стула. – Вы ничего нам не рассказывали. Господи, да я просто не в состоянии совершить убийство! Возможно, Элис Тирни могла бы это сделать – медсестры привыкли к крови. Но меня тошнит от одной мысли...

– Я это запомню, Одри. – Голос Элис был подобен игле шприца.

– Ради сотен тысяч долларов, мисс Уэстон, – заметил шеф, – большинство способно на что угодно. К тому же ваше вечернее платье нашли на месте преступления.

– Но я говорила вчера мистеру Квину, что его у меня украли! – воскликнула Одри. – К тому же вы ведь нашли там и перчатки Элис, и парик Марши. Почему вы обвиняете меня?

– Я не обвиняю, мисс Уэстон. В этом деле все относится к вам троим – пока что. Находка этих вещей в комнате Бенедикта ни о чем не говорит, но они были там, а присяжные склонны

руководствоваться не фантазиями, а простыми фактами.

– В этом деле есть факт, неизвестный всем вам, – сказал Эллери. – Папа?

Инспектор Квин шагнул вперед.

– В четверг вечером – еще до вашего приезда сюда – Бенедикт пришел к нам в коттедж. Он сообщил, что Марш во время уик-энда должен составить для него новое завещание, но, желая защитить себя, набросал текст собственноручно и попросил нас засвидетельствовать его.

Старик извлек продолговатый конверт, который Бенедикт доверил его попечению.

– Мой сын и я видели, как Бенедикт подписал и датировал это завещание, а когда мы его засвидетельствовали, он положил его в этот конверт и попросил меня временно хранить его.

– Текст нам неизвестен, – сказал Эллери. – Джонни не прочитал его и не дал прочитать нам – но мы предполагаем, что там содержатся те же условия, которые Джонни намеревался поручить Элу Маршу изложить сегодня более официальным языком. Мне кажется, Анс, при сложившихся обстоятельствах у вас есть полное право вскрыть конверт немедленно.

Инспектор передал конверт Ньюби, который посмотрел на Марша. Адвокат пожал плечами:

– Вы уже ввели меня в курс местных законов, шеф. – Он отошел к бару наполнить стакан.

– Бенедикт говорил вам, мистер Марш, что написал завещание еще до уик-энда? – спросил Ньюби.

– Ни слова. – Марш сделал солидный глоток и взмахнул стаканом. – Хотя, если подумать, он задавал мне вопросы относительно формы и фразеологии рукописного завещания. Но мне в голову не приходило, что он примеряет это к себе.

Ньюби вскрыл конверт перочинным ножом и вынул завещание. Квины заглядывали ему через плечо. Читая текст, все трое выглядели все более удивленными и озадаченными.

– Вам лучше взглянуть на это, мистер Марш, – резко сказал шеф.

Отмахнувшись от наседавших на него бывших жен, он передал документ Маршу, который держал бумагу, стакан и дымящуюся сигарету как мальчишка, учащийся жонглировать. Наконец он отложил стакан и сигарету и начал читать, выглядя при этом столь же озадаченным.

– Прочти вслух, Эл. – Эллери наблюдал за Одри, Маршей и Элис. Все трое тянули шею, как жирафы. – Но только относящийся к делу параграф.

Марш нахмурился.

– Джонни аннулирует все предыдущие завещания – это обычная процедура – и оставляет свое состояние «Лоре и детям». «Если по какой-либо причине, – пишет он далее, – я не буду женат на Лоре ко времени моей смерти, то завещаю свое состояние моему единственному родственнику – Лесли». Это основное. – Адвокат пожал плечами. – Текст составлен довольно небрежно, но завещание, по-моему, вполне законно. – Он вернул его Ньюби и снова взял стакан и сигарету.

– Лора... – пробормотала Марша. – Кто она, черт возьми?

– Это не может быть та гардеробщица, с которой его видели недавно, – сказала Одри. – Судя по колонкам сплетен, ее зовут Винсентина Астор.

– Он никогда не упоминал мне ни о какой Лоре, – промолвила Элис.

– И мне тоже, – подхватила Одри. – Возможно, двуногая крыса женилась тайком, прежде чем приехать сюда.

– Нет, – возразил Эллери. – В этом случае Джонни написал бы, что оставляет состояние «моей жене Лоре» – это обычная формулировка, – а не просто «Лоре». Если бы он умер, не успев жениться на ней, то фраза «моей жене Лоре» в завещании, предшествующем браку, поставила бы под вопрос законность документа и повлекла бы за собой многолетнюю судебную тяжбу. Нет, Джонни только предвидел брак с Лорой – об этом говорит фраза «Если по какой-либо причине я не буду женат на Лоре» и так далее. Эл, ты знаешь, кем может быть эта Лора?

– Он никогда не упоминал мне о женщине с таким именем.

– Я согласен с вами, Эллери, – заговорил шеф Ньюби. – Бенедикт намеревался вскоре жениться на этой Лоре и думал, что ускорит события, заранее упомянув ее в завещании, но на всякий случай защитил себя пунктом «если по какой-либо причине».

– Бедная старушка Лора, – саркастически усмехнулась Марша. – Кто бы ни прикончил Джонни, он оставил ее без русских соболей, изумрудов и парижских платьев.

– Совершенно верно, – кивнул Эллери. – Теперь Лора не унаследует ничего, кем бы она ни была. Состояние переходит к родственнику Джонни, Лесли. Ты знаешь, кто это, Эл?

– Лесли Карпентер. Больше никого из семейств Бенедикт и Карпентер не осталось. Я должен немедленно уведомить Лесли.

– Прочтите раздел о нашей сотне тысяч долларов, мистер Ньюби, – попросила Элис.

Ньюби заглянул в завещание:

– Не могу.

– Что вы имеете в виду?

– В завещании не упомянуты ни вы, ни мисс Кемп, ни мисс Уэстон. В нем ничего не говорится ни о сотне тысяч, ни о десяти долларах для кого-либо из вас. – Когда крики смолкли, шеф добавил: – Он не собирался заблаговременно оставлять вам даже один цент.

– Весьма умно со стороны Джонни, – усмехнулся Марш.

– Скорее прощательно, – сказал Эллери. – Джонни намеревался предложить сделку, как потом и поступил, и не видел причин оглашать свою роль, не договорившись с вами о вашей. К тому же думаю, что, когда он писал это завещание, его единственной заботой было обеспечить Лору или Лесли.

– Иными словами, – сухо произнес инспектор, – если одна из вас, леди, уколошила Бенедикта, никто из вас ничего от этого не выиграл.

Уже в начале рассвета прибыли эксперты Ньюби и полицейский врач. Шеф отправил бывших миссис Бенедикт, мисс Смит и Марша в их комнаты и пошел к телефону уведомить о случившемся прокурора округа Райт и офис шерифа. Квинам остались несколько часов сна.

Когда они медленно ехали назад к коттеджу, Эллери, нахмурившись, промолвил:

– Интересно, насколько Марш прав относительно законности рукописного завещания?

– Ты говорил мне, что он знает свое дело, – отозвался инспектор. – Значит, его мнение чего-то стоит. Но тебе известно, Эллери, что бывает с подобными многомиллионными завещаниями. Эти три дамочки наверняка найдут голодных адвокатов, которые за солидный гонорар затянут дело на годы.

Эллери пожал плечами:

– Марш и другая юридическая фирма, которая работала на Джонни, безусловно, пользуются большим влиянием. Нам нужно исходить из того, что рукопись аннулирует более раннее завещание и, как ты заметил раньше, что, кто бы ни совершил это убийство, он ничего на нем не заработает. Все достанется Лесли Карпентеру.

– Можно представить, что сейчас чувствуют эти стервятницы! Особенно та, которая прикончила Бенедикта... Что-то не так, сынок?

Эллери выглядел рассеянным.

– Ты словно внезапно перенесся на сотню миль.

– Кое-что не дает мне покоя с тех пор, как мы покинули спальню Джонни.

– Что?

– Не знаю. Чувство, что мы что-то упустили.

– Что именно?

Эллери остановил «кугуар» и выключил мотор.

– Если бы я мог ответить, папа, меня бы это не беспокоило. Выходи. Пора спать.

* * *

Начало второй половины понедельника ознаменовал приезд Лесли.

К удивлению всех, кроме Марша, из такси вышла женщина.

– Мне и в голову не пришло, что вы считаете Лесли мужчиной, – сказал Марш Квинам. – Я познакомился с ней через Джонни, когда она еще носила пластины на зубах. Как поживаешь, Лес?

Женщина радостно улыбнулась Маршу. Лесли была гораздо моложе Джонни-Би, и Квины вскоре поняли, что она отличается от своего покойного кузена не только полом. Если Бенедикт с детства привык к роскоши, то Лесли всегда приходилось во многом себе отказывать.

– Мою мать, тетю Джонни – сестру его отца, дедушка лишил наследства в добром старом стиле викторианского романа. Она была слишком своевольной и не испытывала должного почтения к капиталу, а потом влюбилась в мужчину, не имеющего ни денег, ни положения в обществе. – Лесли озорно улыбнулась. – Бедный дедушка абсолютно не понимал маму, а папу обвинял, что он охотится за состоянием. Это папа, который думал о деньгах еще меньше мамы!

– Вы весьма колоритно живописуете своих родителей, – с улыбкой заметил Эллери.

– Благодарю вас, сэр. Папа был типичным «рассеянным профессором». Он преподавал в сельской школе за нищенское жалование и страдал от тирании школьного совета, который считал каждого прочитавшего более двух книг коммунистом, выплачивающим членские взносы. У мамы было больное сердце – хотя это и похоже на мыльную оперу, я не виновата, все так и было, – и мне пришлось бросить колледж и устроиться на работу. Только после смерти матери я смогла продолжить учебу и получить диплом по социологии. С тех пор я тружусь на ниве всеобщего благосостояния и просвещения.

Джонни, очевидно, испытывал чувство вины, так как его отец унаследовал все дедушкино состояние, которое передал ему. Бедный старина Джонни постоянно навещал нас и предлагал деньги. Мама и папа не брали у него ни цента, но я не была такой гордой и после смерти мамы с благодарностью принимала финансовую помощь Джонни, иначе никогда бы не смогла вернуться в колледж – у меня было слишком много долгов. Мне кажется, – задумчиво добавила Лесли, – то, что Джонни помог мне завершить образование, поощряло его делать со своими деньгами что-то полезное, а не тратить их на его девиц. Если я пытаюсь оправдать себя, пусть будет так. – И Лесли выпятила маленький подбородок.

– Мисс Карпентер, – заговорил инспектор Квин, скрывая улыбку, – ваш кузен Джон когда-нибудь упоминал, что собирается сделать вас своей главной наследницей при определенных обстоятельствах?

– Никогда! Я не думала, что он оставит мне даже дедушкины часы. Мы все время спорили на социальные и политические темы – Эл может вам подтвердить.

– Это верно, – кивнул Марш, – но Джонни многому у тебя научился, Лес, – возможно, больше, чем у кого-либо еще. Он очень тебя уважал – может быть, даже был в тебя влюблен.

– Брось, Эл. Вряд ли я даже нравилась ему. Я была для него как кость в горле – постоянно твердила, что являюсь голосом его второго, лучшего «я». На мой взгляд, Джон Леверинг Бенедикт Третий был абсолютно бесполезным паразитом, живущим только ради собственных удовольствий, и лишь мне хватало смелости говорить ему это. Ведь он мог сделать столько хорошего со своими деньгами!

– По-моему, ты кое-что упустила, Лес, – сухо заметил Марш. – Он сделал это теперь.

Лесли Карпентер выглядела смущенной.

– Совсем забыла! Это правда, Эл. Теперь я сама смогу сделать столько чудесного...

Краткая автобиография девушки понравилась Эллери, и он разглядывал ее с не вполне профессиональным интересом. Внешне она выглядела как хрупкая фарфоровая статуэтка, которую можно видеть насквозь, поднеся к свету, но опыт в изучении характеров подсказывал Эллери, что Лесли сделана из куда более крепкого материала. Гордо вскинутая головка и блеск в глазах предполагали *Sturm und Drang*³² для каждого, кого она не одобряла.

Но Эллери казалось, что он видит в Лесли нечто большее, чем силу, обусловленную бедностью и необходимостью давать отпор миру, который сокрушал пацифистов. Его привлекали в ней скрытая женственность, отсутствие хитрости и лицемерия, а также теплые голубые глаза – редкое в природе сочетание.

Лесли повернулась к Маршу и резко осведомилась:

– Сколько я унаследую, Эл?

– Ответ на это восходит к отцу Джонни. По завещанию Бенедикта Старшего после смерти его наследник или наследники получают весь доход от состояния Бенедиктов. Я имею в виду доход, Лесли, а не основной капитал. Мистер Бенедикт не одобрял разделения капитала даже после его смерти – он остается нетронутым в виде траста.

– Это разочаровывает, – заметила Лесли. – И каков же будет доход?

– Ну, Лес, с его помощью ты сможешь творить добрые дела и даже оставлять несколько долларов для себя. Дай мне подумать... Очевидно, ты будешь получать около трех миллионов долларов в год.

– Боже мой! – прошептала Лесли и, плача, бросилась в объятия Марша.

Пресса, радио и телевидение начали атаку к вечеру воскресенья, когда новость об убийстве

³² Буря и натиск (нем.).

Джонни-Би вышла за пределы Райтсвилла. Вторжение принесло с собой обычную оргию сенсационности и грязи. Ньюби и его маленький департамент, очумевшие после усмирения накачавшихся наркотиками учащихся Файфилдской артиллерийской школы, не знали, что делать. В конце концов шефу пришлось призвать на помощь полицию штата, после чего особо докучливых репортеров и кликуш выдворили из поместья. Порядок был восстановлен, когда приняли решение о создании «комитета трех», включающего по одному представителю прессы, радио и телевидения. Единственное интервью с бывшими женами и Лесли Карпентер состоялось в гостиной большого дома. Квины и Ньюби наблюдали за происходящим из уголка вне досягаемости камер, надеясь на случайную оговорку, которая поможет им. Но если их «дичью» являлась одна из лишенных наследства жен, то она была слишком осторожна, чтобы выдать себя. Женщины всего лишь согласились предстать перед камерами и выразили печаль по поводу кончины их лорда Баунтифула.³³ (Очевидно, они договорились не чернить Бенедикта публично по тактическим причинам, по крайней мере до консультаций с юристами относительно трюка с завещанием.) Лесли Карпентер ограничилась выражением удивления по поводу неожиданного наследства, заявив, что у нее имеются «планы насчет денег», которые она откроет «в свое время».

– Которое никогда не наступит, беби! – прошипела в этот момент Марша Кемп.

К счастью, ее слышали только Квины и шеф Ньюби. Когда пресса удалилась, они расспросили рыжеволосую женщину о ее замечании. Марша быстро объяснила, что имела в виду грядущую тяжбу по поводу рукописного завещания, которую она, Элис и Одри, несомненно, выиграют, и не намеревалась угрожать мисс Карпентер. Тем не менее Ньюби поручил одному из своих подчиненных присматривать за Лесли.

Это было единственной диссонирующей нотой.

* * *

Затем последовал удивительный эпизод с маленьким холмом и тем, что на нем стояло.

Во время идиллической «предубийственной» части их пребывания в поместье Квины наткнулись на то, что походило на античное сооружение в миниатюре – нечто вроде древнего храма для кукол, с маленьким фронтоном, фигурками в буколическом стиле, маленькими дорийскими колоннами и двумя окошками из витражного стекла. Сооружение находилось на верхушке холмика, окруженного лугом, и выглядело приятно, хотя и не слишком гармонировало с сельской местностью Новой Англии.

Квины, *pere et fils*,³⁴ бродили вокруг загадочной конструкции, гадая об ее предназначении. Она выглядела не старой, но и не слишком новой. Эллери попытался открыть бронзовую дверь, но та оказалась неподвижной, как вход в штаб-квартиру САК.³⁵

– Игрушечный дом для маленькой дочки какого-то богача? – предположил наконец инспектор.

Если так, то игрушка была дорогой, будучи сделанной из настоящего мрамора.

Квинам и в голову не пришло, что ее мог соорудить Джон Леверинг Бенедикт Третий для своих бранных останков.

Но это действительно оказался мавзолей.

– Джонни оставил соответствующее письмо на этот счет, – сказал им Эл Марш в понедельник вечером. – Он хотел, чтобы его там похоронили. Джонни испытывал ужас перед перспективой оказаться погребенным в одном из витиеватых семейных склепов – в Сиэтле или в Райнбеке, штат Нью-Йорк. Не знаю почему – сомневаюсь, что сам Джонни это знал. В глубине души он был мятежником, как его тетя Оливия – мать Лесли, – но в нем было слишком много от отца, над которым, в свою очередь, всю жизнь доминировал дед. «Я унаследовал отцовскую болезнь, –

³³ Здесь Джонни-Би назван лордом Баунтифулом по аналогии с леди Баунтифул богатой и щедрой дамой в пьесе английского драматурга Джорджа Фаркуара (1678–1707) «Стратегия щеголей», В переносном смысле – великодушная женщина.

³⁴ Отец и сын (фр.).

³⁵ САК – стратегическое авиационное командование.

говорил Джонни. – У меня кишка тонка». Похоже, он ненавидел все, причастное к созданию богатства Бенедиктов.

Как бы то ни было, вскоре после того, как Джонни купил поместье, он сделал чертеж этого мавзолея – вернее, поручил сделать одному архитектору по его указаниям – и нанял пару сельских каменщиков – практически вымершую породу, – которые соорудили мавзолей на этом холмике над лугом. Из Бостона Джонни привез скульптора для изготовления фигурок на фронтоне, так как не мог найти местного. Мрамор брали с гор Махогани. Кстати, Джонни оставил специальный фонд для содержания мавзолея. «Я намерен пролежать здесь долгое время», – говорил он.

– Но как ему удалось получить разрешение? – с любопытством спросил инспектор Квин. – Разве закон этого штата не запрещает захоронения на частной территории?

– К этому приложил руку я, инспектор. Я раскопал, что участок земли, где находятся эти холм и луг, уже сто семьдесят пять лет является предметом спора между Райтсвиллом и округом Райт в результате ошибки землемеров в восемнадцатом веке. Райтсвилл всегда утверждал, что луг расположен в пределах границ города, а округ Райт с таким же упорством заявлял, что он находится за их пределами. Спор так и не был толком урегулирован – это одна из тех библейских проблем, которые иногда возникают в старинных общинах, где нет Соломона, чтобы их решить. Я посоветовался с местной юридической фирмой «Данциг и Данциг», после чего мы просто заняли «ничью землю», поставив спорящие стороны перед свершившимся фактом. Все настолько запутано, что я заверил Джонни, что он сможет покоиться в мире в этом миниатюрном храме вплоть до дня после Армагеддона. Поэтому он осуществил свои планы.

В среду тело Бенедикта было официально выдано офисом коронера (присяжные, которым было не на что опереться, кроме скудного медицинского заключения о вскрытии, вынесли вердикт, что смерть наступила «в результате убийства, совершенного тупым орудием, описанным ниже, и рукой неизвестного лица или лиц»), и в пятницу 3 апреля Джонни похоронили в его храме на лугу.

В связи с этим возникла яростная конкуренция. Погребальные нужды Райтсвилла обслуживали три бюро: «Данканс» (старейшее в городе), «Вечный покой» и «Кладбище Твин-Хилл». Их офисы находились рядом на восточной стороне Аппер-Уислинг-авеню (напротив магазина «Нутте» и «Чайной мисс Салли»). Мрачные обстоятельства смерти покойного, которые в былые времена только оттолкнули бы консервативных мастеров похоронного дела, лишь усилили интерес их преемников – не каждый день местному бюро поручали хоронить Бенедикта, а тем более ставшего жертвой убийства.

Определяющим фактором в выборе заведения Данкана стало свободное предпринимательство. Нынешний его владелец, Филберт Данкан, постигал мастерство на коленях у отца, которого завистливые клеветники именовали «самым пронырливым гробовщиком к востоку от Лос-Анджелеса». Письмо Джонни Бенедикта с инструкциями относительно его погребения предписывало заключить останки в контейнер из нержавеющей стали внутри бронзового гроба особой конструкции. Поскольку таких гробов не было ни в одном из райтсвиллских похоронных бюро, пошли разговоры о том, что погребение отложат до тех пор, пока подходящий гроб не доставят из Бостона. Но Филберт Данкан в ночь со среды на четверг (предположительно, после захода луны) поехал в Конхейвен и на рассвете вернулся с триумфом, привезя требуемый гроб. Оказалось, что его кузен, некий Данкан Данкан, вел аналогичный бизнес в Конхейвене – достаточно крупном городе, где гробы стоимостью пять тысяч долларов пользовались некоторым спросом.

Инструкции Бенедикта требовали также епископальную заупокойную службу,³⁶ поскольку он был крещен и конфирмован в англиканской общине. Эту обязанность пришлось исполнять престарелому отцу Хаймаунту, уже удалившемуся на покой, так как его преемник, молодой преподобный Бойджиян (к ужасу Эрнеста Хаймаунта, он не только принадлежал к Низкой церкви,³⁷ но и был армянского происхождения!), находился с женой на Багамах, в отпуске, финансируемом налогоплательщиками прихода вместо ожидаемого повышения жалованья.

³⁶ То есть англиканскую.

³⁷ Низкая церковь – направление англиканской церкви, полностью отвергающее католические обряды (в отличие от Высокой церкви).

В качестве единственного родственника Лесли Карпентер решила обойтись без официальной службы в церкви по причине назойливости прессы и любопытства публики. Делегация ближайших друзей Бенедикта, отобранных Лесли по совету Марша, прибыла по приглашению с юга, востока и запада. Компания, собравшаяся на лугу перед маленьким греческим храмом в пятницу в два часа дня, была небольшой, даже с учетом представителей СМИ, поэтому подчиненные шефа Ньюби без труда обеспечивали порядок, а полицейские штата надежно охраняли границы поместья от городских зевак.

Нельзя сказать, что отец Хаймаунт оперативно провел службу. Он всегда мямлил, и этот недостаток не исправился с возрастом, а также страдал от весенней простуды и имел затруднения с вставными челюстями, поэтому его монолог перед мавзолеем в основном состоял из бормотания, фыркания, сопения и плевков. Квины четко расслышали только «воскресение и жизнь», «*Dominus illuminatio* – Господь свет мой», «моя душа плывет», «Святой Иоанн, глава четырнадцатая, стих первый» и заключительное «один Бог, мир без конца, аминь!».

Но день был погожий, ветерок ерошил серебристую шевелюру старого священника, и никто, казалось, не возражал против неразборчивости его речи. Ибо в поведении отца Хаймаунта над гробом невидимого незнакомца (учитывая характер кузена, Лесли благоразумно решила не подвергать испытанию косметическое искусство Филберта Данкана службой над открытым гробом) ощущались искренность и воодушевление, невольно впечатлившие даже Эллери.

Он размышлял о том, что все это: никчемная жизнь Бенедикта, отсутствие каких-либо достижений, несмотря на неограниченные средства, его неискупленные грехи, неспособность дать что-либо, кроме денег, алчным женщинам, которые быстро их тратили, и, наконец, жестокая смерть накануне того, что могло стать его преображением, – напоминало театр абсурда. Или, учитывая мавзолей, театр Софокла.

Все же Джонни частично искупил свою бесполезность. Помимо таинственной Лоры, Бенедикт на тот случай, если он не переживет уик-энд – невероятная сила предвидения, если подумать об этом, – позаботился о Лесли Карпентер, обладавшей, как она часто говорила ему, вполне конкретными идеями насчет того, что можно сделать с тремя миллионами в год.

Значит, его жизнь не была абсолютно напрасной.

Эллери не исключал, что злополучная Лора появится на похоронах – разумеется, под драматической черной вуалью – плача перед сочувствующими камерами и, возможно, договариваясь о платном интервью с «Лайф ор лук» или одной из бульварных газет. Но никакая таинственная женщина не приехала в Райтсвилл и не прислала телеграмму или письмо Лесли, Маршу или полиции; никакой неопознанный венок не прибыл, чтобы возбудить интерес прессы, Ньюби или Квинов.

На лугу оставались только Лесли, Марш, мисс Смит, три бывших жены, шеф Ньюби и Квины, когда помощники Данкана поместили гроб в мавзолей, искусно расположили венки и корзины с цветами и вышли, заперев дверь и передав ключ шефу Ньюби, который в свою очередь вручил его Маршу, как душеприказчику, на хранение вплоть до урегулирования ситуации с наследством.

На обратной дороге через поле к дому все молчали. Оглядываясь, Эллери видел блестящие на солнце витражные стекла маленького храма и надеялся, что Джонни Бенедикт обретет покой, хотя неортодоксальные взгляды заставляли его сомневаться в этом.

Процессия такси и частных автомобилей отбыла восвояси, оставив двух полицейских штата охранять дорогу. Несмотря на солнце и ветерок, в воздухе ощущалась сырость, вынуждая ежиться не только женщин.

В доме их ожидал молодой Лу Шалански – помощник прокурора округа Райт и сын популярного бывшего прокурора, Джадсона Шалански. Посоветовавшись о чем-то с шефом Ньюби, он улыбнулся знаменитой отцовской улыбкой, моментально завоевывающей голоса избирателей, и удалился.

Ньюби казался озабоченным.

– Насколько я понимаю, все присутствующие, кроме Элис Тирни, живут в Нью-Йорке. Можете отправляться домой.

– Это означает, что против нас у вас ни черта нет, – сказала Марша Кемп, потрянув рыжими волосами, как танцовщица фламенко. – Иначе вы бы не выпустили нас за пределы штата.

– Не совсем, мисс Кемп, – возразил шеф. – Это означает, что в настоящее время у нас нет достаточных доказательств в отношении какого-либо конкретного лица, чтобы представить их суду

присяжных. Но я хочу подчеркнуть, что расследование продолжается и вы трое являетесь главными подозреваемыми. Кто-нибудь из вас планирует покинуть Нью-Йорк в ближайшем будущем?

Обе леди ответили отрицательно.

– Превосходно. Если ситуация изменится, свяжитесь в первую очередь с инспектором Квином в его офисе на Сентр-стрит. Инспектор согласился действовать в качестве нашего связного.

– Как удобно! – фыркнула Одри Уэстон.

– Мы, копы, держимся вместе – иногда, – сказал Ньюби. – Ну, леди и джентльмены, пока это все. Дом, являющийся местом преступления, будет опечатан, поэтому я бы попросил вас уехать как можно скорее.

* * *

– Почему ты все время молчишь, Эллери? – спросил инспектор в самолете из Бостона.

– Не могу решить, восхищаться умом или удивляться тупости?

– О ком ты говоришь?

– О том, кто оставил эти три предмета в спальне Джонни рядом с его телом. Каждый из них указывает на одну из бывших миссис Бенедикт.

– Мы уже это обсуждали. Ясно, что кто-то хотел оклеветать их.

– Похоже на то.

– Хотя зачем сваливать вину в убийстве сразу на трех женщин? А кроме того, подтасовка улики имеет смысл только в том случае, если способна одурачить копов. Какой следователь в здравом уме поверит, что три женщины посетили эту спальню, очевидно в разное время, и каждая обронила там предмет туалета – от возбуждения или случайно? Ожидать, что такая «подтасовка» сработает, мог только сбежавший из психушки.

Эллери кивнул, глядя в окно на облака, над которыми они летели.

– Куда вероятнее, что мы имеем дело с весьма смысленной особой, которая украла вещи у двух других и намеренно поместила их – вместе со своей – на месте преступления с целью распространить неизбежные подозрения и, так сказать, разделить свою вину на троих. Она знала, что станет вместе с двумя другими бывшими женами наиболее вероятной подозреваемой. Так как все трое обладали одинаковым мотивом, возможностями и доступом к орудию убийства, она сделала себя подозреваемой только на одну треть.

– Если это не был сговор, – пробормотал инспектор Квин. – Все трое, осознав, что они в одной лодке, могли прикончить Бенедикта.

– В таком случае они не стали бы вовсе оставлять улики против себя, – возразил Эллери. – Нет, это была одна из них.

– Но ты не удовлетворен.

– Нет, – признался Эллери.

– И что же тебя гложет?

– Все.

Самолет монотонно гудел.

– И еще одно, – продолжал инспектор. – Почему я позволил тебе убедить меня обещать Ньюби, что я стану разыскивать эту загадочную Лору? Видит бог, у меня и без того достаточно дел. Даже если мы ее найдем – что из того? Не вижу, каким образом она может быть в этом замешана.

– Возможно, Джонни что-то ей рассказал.

– Что именно? Объясни неграмотному старику.

– Комедиант из тебя никудышный! Ты отлично знаешь, папа, что ее нужно найти. Это не должно составить труда. Джонни наверняка видели с ней в общественных местах. Марш может сообщить тебе, где любил бывать Джонни.

– Ньюби также просил меня проверить бывших жен, – проворчал инспектор.

– *Noblesse oblige*.³⁸ Возможно, когда-нибудь Анс сумеет помочь тебе в расследовании

³⁸ Положение обязывает (*фр.*).

загадочного убийства на Манхэттене.

– Ты достойный сын никудышного комедианта, – сердито сказал старик, после чего оба замолчали.

Но за десять минут до аэропорта Кеннеди Эллери внезапно промолвил, как будто не прекращал говорить:

– Конечно, все основано на версии, что Джонни убила Марша, Одри или Элис. Но предположим, это не так.

– Предполагай ты, – отозвался его отец. – Моя предпологалка вышла из строя. Кто еще это мог быть?

– Эл Марш.

Инспектор повернулся на сиденье:

– За каким чертом Маршу было нужно убивать Бенедикта?

– Не знаю.

– Марш сам достаточно богат, а если бы испытывал финансовые затруднения, то все равно ничего не приобрел бы ни по одному из завещаний Бенедикта. К тому же он был его личным адвокатом, поверенным и ближайшим другом. Какая у Марша могла быть причина вышибить Бенедикту мозги?

– Говорю тебе, не знаю. Но у него имелись те же возможности и доступ к оружию, что и у трех женщин. Для того чтобы попасть в подозреваемые, ему не хватает только мотива. Если ты намерен помогать Ньюби, папа, предлагаю заняться Маршем и поискать возможный мотив. Моя догадка – женщина.

– Лора? – тут же спросил инспектор. Эллери молча смотрел в окно.

– Мне нравится твой способ давать поручения, – усмехнулся его отец. – Есть еще что-нибудь?

– Одна мелочь. – Эллери поморщился. – Но она заставляет меня чувствовать себя подлецом.

– Не валяй дурака. Говори.

– Лесли Карпентер. Конечно, вероятность этого предположения почти нулевая, но... проверь ее алиби на ночь убийства.

Когда самолет Квинов коснулся посадочной полосы в районе Куинз (что было любопытным совпадением), их отпуск подошел к концу и началось одно из самых странных дел Эллери.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

«Райтсвилл, 9 апреля (агентство АПИ).

В результате общенациональных поисков Лоры Доу сорок восемь женщин объявили себя таинственно исчезнувшей невестой покойного Джона Леверинга Бенедикта Третьего, миллионера-плейбоя, убитого в ночь с 28 на 29 марта в его уединенном поместье в Новой Англии.

Анселм Ньюби, шеф полиции Райтсвилла, штат... где произошло преступление, считает, что со стороны публики имело место недопонимание. «Доу – прозвище, которое полиция дает людям, чья фамилия неизвестна, – говорит он в заявлении, опубликованном сегодня. – Мы не знаем фамилии исчезнувшей Лоры, но она почти наверняка не Доу. Это было бы чудом».

ВЫДЕРЖКА ИЗ РАСШИФРОВКИ СТЕНОГРАММЫ

Главное полицейское управление Нью-Йорка

Сержант Томас Вели. Ваше имя?

Претендентка. Лора-Лу Лаверли.

С. В. Прошу прощения?

П. Вообще-то раньше моя фамилия была Подольски. Но я сменила ее на Лаверли.

С. В. Адрес?

П. Большой многоквартирный дом на углу Западной 73-й улицы и Амстердам-авеню. Никак не могу запомнить номер.

С. В. Нью-Йорк?

П. Где же еще?

С. В. В вашем письме говорится, что вы та Лора, на которой Джон Леверинг Бенедикт Третий обещал жениться. Расскажите об обстоятельствах, мисс Подольски.

П. Лаверли. Обратите внимание, как это похоже на Леверинг.

С. В. Давно вы называете себя Лаверли?

П. Задолго до того – не беспокойтесь.

С. В. Задолго до чего?

П. До того, как я встретила этого парня.

С. В. О'кей. При каких обстоятельствах вы встретились?

П. Ну, тем вечером он пришел ко мне в квартиру.

С. В. Зачем?

П. Зачем парни обычно приходят в квартиру к девушке?

С. В. Вот и расскажите мне, леди.

П. Не уверена, что мне нравится ваш тон, сержант. Вы не можете разговаривать со мной как с дешевой шлюшкой.

С. В. Как он оказался в вашей квартире?

П. Девушка может заводить знакомства, верно? Джонни позвонил мне и назначил свидание.

С. В. Он представился как Джон Леверинг Бенедикт Третий?

П. Шутите? Кто в моем бизнесе спрашивает имена?

С. В. Где он раздобыл номер вашего телефона?

П. У нас были общие друзья.

С. В. Например?

П. Ну нет. Так не пойдет. Я не втягиваю друзей в полицейские дела.

С. В. Ладно. Опишите этого Джонни.

П. Одежду?

С. В. Меня не интересует его гардероб. Я имею в виду цвет глаз и волос, рост, вес, телосложение, шрамы, родимые пятна и так далее.

П. По правде говоря, толком не помню. У меня столько друзей среди мужчин... Но это был тот самый парень. Я узнала его по фото в газетах. Тем вечером, сержант, он был пьян вдрызг. Хотел знать, как я дошла до жизни такой, – это всех интересует. Ну, я наплела ему какую-то душеспательную историю, и он начал плакать у меня на груди. «Не повезло тебе, бедняжка, –

сказал он. – Ты заслуживаешь лучшего. Знаешь что, Лора-Лу, я на тебе женюсь». Конечно, я не воспринимала его всерьез, пока не прочла...

С. В. Дата?

П. Чего?

С. В. Дата этого предложения руки и сердца?

П. Я ее где-то записала в книжечке... Вот! 22 марта. Видите?

С. В. 22 марта этого года, мисс Подольски... я имею в виду Лаверли?

П. Конечно этого.

С. В. Благодарю вас. Не звоните нам – мы сами с вами свяжемся.

П. Даете мне от ворот поворот? Что вы о себе воображаете? Тоже мне умник нашелся!

С. В. Еще одна выдумка, сестренка, и я арестую вас за то, что вы зря расходуете время представителя власти. 22 марта мистер Бенедикт был в Лондоне. Выход вон там.

– Винсентина Астор? Она здесь больше не работает... Просто не явилась однажды вечером и с тех пор даже открытки не прислала. Так всегда с этими бабами – на них нельзя положиться. Лучшие из них те, которые замужем и должны содержать бездельника мужа и пару детей, – они не могут позволить себе вот так взять и исчезнуть... Почему она уволилась? Откуда я знаю? Кто вообще знает, почему они что-то делают? Может, ей не понравился цвет гардеробной... Нет, я его не помню – во всяком случае, по этой фотографии... Конечно, я видел его другие фотографии в газетах и по телевизору – незачем выходить из себя...

Знаю, что говорят, будто он приходил в мой клуб несколько раз. Я и не утверждаю, что не приходил, – просто не припоминаю, что видел его... Выплаты кому?.. Не понимаю, о чем вы... А, вы имеете в виду, что Винсентина могла делиться заработком с какими-то гангстерами, задержала выплату и попала в передрагу?.. Слушайте, сержант, у меня приличный клуб, и я ничего не знаю ни о каких гангстерах... Что?.. Когда она не появилась?.. Сейчас посмотрю... Да, вот. Винсентина не пришла в воскресенье 29 марта... Да, у меня есть ее домашний адрес... Скажите, сержант, вы, случайно, не знаете какую-нибудь грудастую бабенку, которой нужна работа?.. Только надежную?..

– Нет, мисс Астор съехала в конце месяца... дайте подумать... да, 31-го числа... Нет, у нас меблированные комнаты, так что ей не пришлось заказывать перевозку – просто упаковала чемоданы и вызвала такси... Нет, я ничего не знаю о ее личной жизни. Я не подсматриваю за моими жильцами в замочную скважину, как некоторые хозяйки, если они ведут себя тихо и не создают моему дому дурную репутацию... Какой мужчина?.. Нет, сэр, я никогда его здесь не видела. Хотя по фотографии он кажется знакомым... Скажите, это не тот плейбой, которого... Ну и ну!.. Нет, она не оставила адреса – я спросила у нее, но она сказала, что в этом нет надобности и что она не ждет никаких писем. Неужели эта девушка путалась с ним?

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Главное полицейское управление Нью-Йорка

Детектив Пигготт. Ваше имя, мадам?

Претендентка. Мисс.

Д. П. Мисс какая?

П. Лора де Пейстер ван дер Кейпер.

Д. П. Погодите. Это пишется в одно слово или...

П. Де – Пейстер – ван – дер – Кейпер.

Д. П. Да, мэм. Адрес?

П. Конечно нет.

Д. П. Прошу прощения?

П. Я не обязана сообщать вам свой адрес. Я никому не даю такую информацию. Девушка должна соблюдать осторожность...

Д. П. Мисс Кейпер...

П. Мисс ван дер Кейпер.

Д. П. Мисс ван дер Кейпер, я должен вписать ваш адрес в этот рапорт. Таковы правила.

П. Не мои правила. Вы утверждаете, что вы полицейский...

Д. П. А кем еще я могу быть, сидя за этим столом в полицейском управлении и задавая вам

вопросы?

П. Я слышала о таких трюках. Потом к девушке влезают в квартиру и...

Д. П. Если вы подверглись нападению, мисс ван дер Кейпер, вам надо в другой отдел.

П. Не собираюсь рассказывать об этом ни вам, ни кому другому. Вам бы хотелось об этом услышать, верно? А потом меня бы размазали по всем грязным газетенкам.

Д. П. Возраст?

П. Можете записать, что мне больше двадцати одного.

Д. П. (пишет: «больше пятидесяти»). Мы получили от вас конфиденциальное сообщение, мисс ван дер Кейпер, где вы заявляете, что знаете, вернее, знали Джона Л. Бенедикта Третьего и что вы та самая Лора, на которой он якобы собирался жениться. Это правильно?

П. Абсолютно.

Д. П. Сколько времени вы были с ним знакомы?

П. Тысячу лет.

Д. П. Нельзя ли поточнее, мисс ван дер Кейпер?

П. Поточнее о чем?

Д. П. О времени вашего знакомства.

П. Разве в раю существует время? Наши брачные планы были предначертаны на небесах. Я не стыжусь заявить о них всей вселенной. Мы познакомились в тайном персидском саду.

Д. П. Где-где?

П. Этот вечер навсегда запечатлелся в моей памяти. Огромная, словно беременная, луна. Наши трепещущие ноздри щекочет пьянящий аромат жасмина, циннамона, корицы и тимьяна...

Д. П. Да, мэ. Говорите, тайный сад был в Персии? Где именно?

П. В Персии?

Д. П. Я так вас понял, мисс ван дер Кейпер. Ладно, мы свяжемся с вами через некоторое время... Не за что, мэ, это наша работа. Если вы будете любезны проследовать за сотрудницей...

– Ведомости поездок за какой день? Вторник, 31 марта. Одну минуту... Эй, Шлоки, я должен поговорить с тобой... Дайте мне несколько секунд, детектив. У нас тут работают одни чокнутые... Эти таксисты меня с ума сведут – на них приходит жалоб больше, чем в мэрию... Вторник, 31 марта... Вот. Джозеф Ливайн. Вам нужен его номер? Подобрал пассажирку по этому адресу в десять тридцать утра и высадил ее у вокзала Грэнд-Сентрал... Нет, сегодня Джо вернется не раньше пяти... Всегда рад оказать услугу департаменту полиции.

«Из Вашингтона просачиваются слухи, что подкомитет конгресса может начать расследование по поводу поисков таинственной Лоры, фигурирующей в деле об убийстве Джона Бенедикта, на том основании, что никакой Лоры нет и не было, что все это вымысел какого-то рекламного агента с целью продвижения фильма или телесериала. Это считается обманом публики и беспокоит наших законодателей, у которых, очевидно, нет более важных дел. Доброй ночи, Чок».

– Дорогой мой, я отлично знал Джонни-Би, хотя Элу Маршу не хватило элементарного приличия пригласить меня на похороны. Клянусь честью – можете это напечатать, – что, когда Джонни писал в завещании о какой-то Лоре, он просто пудрил мозги всему миру. Джонни твердо заявил мне, что с него достаточно браков. Это было сразу после того, как он окончательно отделался от деревенщины медсестры... как называется эта дыра? Тайтесвилл? Дуайтсвилл? «Маззи, – сказал мне Джо, – говоря строго между нами, я сыт этим по горло. Больше никаких свадебных маршей для Джонни-Би. Теперь я полностью свободен, и больше меня к алтарю калачом не заманишь». Вот вам его точные слова – можете меня цитировать... Нет, не Масси – Маззи, с двумя «З».

«Вокруг трагедии с Джонни Бенедиктом продолжается суета. Все хотят знать, кто такая Лора, – среди приятелей Джонни-Би она теперь известна как «последняя женщина в его жизни». Ситуацию делает еще более таинственной тот факт, что никто не может припомнить в кругу Джонни ни одной женщины по имени Лора...»

– Да, я Джозеф Ливайн... Какая пассажирка?.. Думаете, я помню дамочку, которую отвозил невесть когда?.. Знаю, я могу прочитать дату в ведомости... О'кей, допустим, она была фигуристая платиновая блондинка. Вы можете представить себе, сколько таких баб нью-йоркский таксист подбирает ежедневно?.. Слушайте, я бы хотел вам помочь, но не могу. Из каждых десяти пассажиров я троих отвожу к Грэнд-Сентрал, высаживаю их у входа, подбираю других и тут же уезжаю. А если они начинают рассказывать мне свою биографию, почему они покидают в Нью-Йорк и куда отправляются, я становлюсь глухим, как бревно, – какое мне дело, куда и почему они едут? И скажу прямо, вам, полицейским, надо быть покруче. Хотя кое-каким типам, с которыми мне иногда приходится иметь дело, и дубинкой мозги не вправишь, так как мозгов у них отродясь не бывало... За что спасибо? Я же ничего вам не сообщил.

– Слушай, Сидни, нам велено помалкивать о деле Бенедикта – приказ исходит от самого инспектора Квина... Я знаю, чем тебе обязан... О'кей, но, ради бога, не говори, кто тебе это рассказал. Мы начали поиски этой Винсентины Астор... Нет, у нас нет ничего против нее – разве только что она бросила работу в клубе «Бой-герл» 29 марта, но это, вероятно, совпадение... Нет, говорю тебе, Винсентина нужна нам только для рутинных вопросов. У нас нет доказательств, что Бенедикт не только брал у нее номерок в гардеробе... Да, мы знаем, что последние несколько месяцев он неоднократно посещал этот клуб. Если Винсентина была той гардеробщицей, с которой Бенедикт недавно ящался, то он наверняка сменил *modus operandi*³⁹ и встречался с ней тайком – подальше от излюбленных значных мест. У нас считают, что причина, по которой она ушла из клуба и через два дня покинула город, никак не связана с Бенедиктом. Подброшу тебе еще информацию, Сидни, а потом мне надо идти. Говорят, что начальство точит зуб на инспектора Квина за то, что он втравил нью-йоркскую полицию в историю с Бенедиктом ради какого-то полицейского шефа из заштатного городишки. Как будто нам мало своей головной боли!.. Кто?.. Нет, я уже несколько дней не видел Эллери. Очевидно, до него тоже дошел этот слух и он не хочет втягивать старика в еще большие неприятности.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Инспектору Ричарду Квину,

Главное полицейское управление Нью-Йорка

От Анселма Ньюби, шефа полиции Райтсвилла

Я бы хотел сообщить о каком-нибудь прогрессе, но не могу. Отпечатки пальцев, обнаруженные нами в спальне, принадлежат Бенедикту, Моррису Ханкеру и Энни Финдли, но они и должны там находиться. Пятна на халате и пижаме Бенедикта, а также в комнате той же группы крови, что и у него. По словам нашего эксперта, орудие убийства сделано из грубого металла, на котором обычно не остаются отпечатки, но ему кажется, что орудие к тому же тщательно вытерли. Мы не смогли найти следов пребывания каких-либо подозрительных лиц вблизи поместья Бенедикта в ночь убийства. Рапорт о вскрытии не добавил ничего нового к предварительному медицинскому заключению. Смерть наступила от ударов по голове, во внутренних органах нет никаких признаков токсичного или иного постороннего вещества, за исключением следов алкоголя, который Бенедикт употреблял вечером, прежде чем пойти спать. Вот и все. Надеюсь, вам повезло больше.

Анселм Ньюби.

Р. С. Есть какие-нибудь успехи в поисках Лоры? Что говорит Эллери? Я не получал от него никаких известий после вашего отъезда из Райтсвилла.

Прилагаю фотокопии отпечатков пальцев, анализ пятен крови и рапорт о вскрытии.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Шефу А. Ньюби, Райтсвилл

От инспектора Р. Квина,

Главное полицейское управление Нью-Йорка

С сожалением должен сообщить, что поиски Лоры не сдвинулись с места.

Мы продолжаем расследование, но Вы понимаете, что у нас полно своей работы, которая,

³⁹ Образ действий (*лат.*).

разумеется, обладает приоритетом над делами по долгу вежливости, вроде нашей теперешней помощи с райтсвиллским убийством.

Эллери почти не говорит об этом деле. Мне кажется, он в таком же тупике, как и все мы.

Ричард Квин.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Инспектору Ричарду Квину,

Главное полицейское управление Нью-Йорка

От Анселма Ньюби, шефа полиции Райтсвилла

Я понимаю Вашу позицию насчет дела Бенедикта и сожалею, что ваш отпуск в Райтсвилле вовлек в него Вас и Вашего сына. Но справедливость требует признать, что это не моя вина. Если память мне не изменяет, первое предложение о помощи нам со стороны Главного полицейского управления Нью-Йорка исходило от Эллери.

Если обилие работы не позволяет Вам оказывать помощь коллеге в расследовании убийства манхэттенского мультимиллионера и международного плейбоя, дайте мне знать, и я лично напишу Вашему начальству, освободив Вас от лишних хлопот.

Буду Вам благодарен, если Вы пришлете мне все накопившиеся рапорты по этому делу – если возможно, оригиналы, а если нет, фотокопии, – особенно касающиеся Одри Уэстон, Марши Кемп и Эла Марша.

Еще раз спасибо за помощь.

А. Ньюби.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Шефу Анселму Ньюби,

Райтсвиллское управление полиции

От инспектора Ричарда Квина,

Главное полицейское управление Нью-Йорка

В своей последней записке я не намеревался создать у Вас впечатление, будто пытаюсь отказаться от своего обещания. Я всего лишь указывал, что мы не можем себе позволить вкладывать столько времени, усилий и человеко-часов в расследование за пределами города и штата, как если бы убийство попадало под юрисдикцию Главного полицейского управления Нью-Йорка.

Я показал Вашу записку моему начальству, и мне и моим подчиненным разрешили продолжать оказывать Вам помощь в деле Бенедикта, поскольку, как я отметил на совещании в присутствии высших офицеров управления, ответвления этого дела ведут непосредственно в Нью-Йорк, а двое из троих главных подозреваемых являются жителями Манхэттена.

Мы произвели рутинную проверку местопребывания Лесли Карпенгер в ночь с 28 на 29 марта. На период преступления у нее железное алиби. С конца дня пятницы 27 марта до вечера воскресенья 29 марта она находилась в Вашингтоне на двухдневной конференции. Мы располагаем отчетами о каждом часе ее местонахождения в течение этих двух дней.

Об Одри Уэстон и Марше Кемп не могу сообщить ничего нового. Обе редко покидают свои манхэттенские квартиры. У нас нет сведений о том, консультировались ли они с адвокатом насчет ситуации с завещанием. Полагаю, у Вас также нет новой информации об Элис Тирни.

Вскоре пришлю Вам подробный отчет об Эле Марше, согласно Вашей просьбе. С наилучшими пожеланиями.

Ричард Квин.

– О Марше? – спросил Эллери, протягивая руку через стол инспектора.

Старик игнорировал руку.

– Можешь взглянуть на это позже. Там нет ничего, что бы ты не знал, кроме того, что Эл – не настоящее его имя. Об этом ты никогда не упоминал.

– Ты бы понял причину, если бы был другом Эла в наши гарвардские дни. Полагаю, в рапорте

говорится, что его называли Обри в честь Ч. Обри Смита,⁴⁰ да упокоится его упрямая душа. Любой, кто назвал Эла Обри, рисковал остаться с синяком под глазом или с разбитым носом.

– Согласно одному из источников, – продолжал инспектор, – ему дали имя Обри по желанию мамы. Не могу сказать, что порицаю его. Взрослому мужчине нелегко носить такое имя.

– Эл сразу рассказал мне, что в начальной и средней школе – разумеется, частных, о которых он вспоминал с горечью, – что ему пришлось отдубасить всех соучеников, чтобы приучить называть его Эл. Кстати, это не сокращение от Элберта, Элфреда или Элоизиуса – просто Эл, и точка.

– Должно быть, его знатные предки ворочаются в могилах.

– Ко времени поступления в Гарвард Эл был уже слишком силен, чтобы с ним связываться. Он был защитником в университетской футбольной команде и чемпионом по боксу в своем весе. Сомневаюсь, что кто-нибудь, кроме ближайших друзей, знал, что его настоящее имя Обри, а нам хватало ума об этом помалкивать. Но я мало знаю о его семье – Эл об этом не распространялся.

Инспектор заглянул в рапорт:

– В предках его отца целая вереница международных банкиров и великосветских джентльменов. Девичья фамилия его матери Вашингтон. Марш Старший разбился в своем самолете вскоре после рождения Эла.

– Это кое-что объясняет, – сказал Эллери. – Он говорил только о матери и не упоминал об отце.

– Миссис Марш вторично не выходила замуж, хотя была еще молодой во время смерти мужа, и посвятила остаток активной жизни Обри. Когда она стала инвалидом, сын вернул ей долг – ухаживал за ней, как сиделка. Друзья считают, что именно потому он так и не женился. Когда мать умерла, Эл был уже убежденным холостяком.

– Разумеется, мать все завещала ему?

– А кому же еще?

– И много?

– Достаточно. Марш не так богат, как был Бенедикт, но после первых нескольких миллионов разница становится незаметной.

– Значит, Эл в финансовом отношении твердо стоит на ногах?

– Как Национальный банк Чейса.⁴¹

– Никаких неприятностей с игрой, неудачными инвестициями и тому подобным?

– Нет. Марш очень консервативен в том, что касается денег. И он никогда не играет.

– Выходит, мотива у него нет?

– Никакого. Марш ничего не получает ни по одному из завещаний Бенедикта, а если бы получал, то не нуждался бы в этом. Согласно всем источникам, он пользуется репутацией адвоката с богатой клиентурой, в высшей степени компетентного и безукоризненно честного.

– Такие выводы зависят от надежности источников, – отозвался Эллери. – Ты смог выяснить, как он вел дела Джонни?

– Да, вроде бы там все абсолютно безупречно. Да и чего мог добиться Марш махинациями с капиталами Бенедикта? Только финансовой прибыли, а он никогда не нуждался в деньгах. К тому же основной частью состояния Бенедикта управляет не Марш, а старинная адвокатская фирма «Браун, Браун, Мэттаун, Браун и Лоринг».

– Как насчет женщин?

– В каком смысле?

– Я имею в виду возможное романтическое соперничество.

– Ничего подобного. Вся наша информация свидетельствует, что Марш был связан с хит-парадом Бенедикта только в качестве юриста, когда Бенедикт, устав от очередной девицы, хотел откупиться от нее или заключить с ней какое-нибудь соглашение.

– А бывшие жены?

⁴⁰ Обри Смит, сэр Чарлз (1863–1948) – англоамериканский актер, игравший упрямых, чопорных офицеров и джентльменов.

⁴¹ Банк, названный в честь Сэлмона Портленда Чейса (1808–1873), председателя Верховного суда США в 1864–1873 гг.

Инспектор Квин покачал головой:

– Тоже ничего. Марш знакомился с ними через Бенедикта, за исключением Марши Кемп, и контактировал с женами Джонни-Би только в качестве друга, а со временем и адвоката. К тому же он предпочитает женщин совсем иного типа, нежели Бенедикт, – маленьких и женственных.

Эллери усмехнулся:

– Эл однажды показывал мне фото матери. Она была маленькой и женственной.

Старик нахмурился:

– Может, ты наконец уберешься из моего офиса и дашь мне немного поработать? – Он был старомоден, и намеки на возможные нездоровые отношения между матерью и сыном его не забавляли. – Куда ты теперь? – спросил инспектор, когда Эллери открыл дверь.

– Хочу задать Элу пару вопросов о Джонни. Потом расскажу тебе об этом.

* * *

Мисс Смит сказала, что мистер Марш занят с клиентом и его нельзя беспокоить ни при каких обстоятельствах, да и в любом случае он принимает только по предварительной договоренности. Если, конечно, говорил ее враждебный взгляд, речь не идет о детективном бизнесе, который, как подсказывал ей опыт, постоянно ассоциируется с присутствием некоего Эллери Квина. Судя по мимике, мисс Смит, будь она босоногой и неопрятной, с удовольствием бросила бы ему в лицо слово «свинья», но, будучи леди и, несомненно, дочерью викторианской мамы, она могла выразить свое отвращение лишь посредством тона и взгляда.

Мистер Квин, всегда остававшийся джентльменом в присутствии леди, нацарапал несколько слов на листке бумаги и с предельной *politesse*⁴² осведомился, не передаст ли мисс Смит в качестве секретаря записку мистеру Маршу, невзирая на клиента.

– Я не могу этого сделать, – заявила мисс Смит.

– Вы меня удивляете. Я бы поверил, если бы вы сказали, что не хотите этого сделать, но поскольку вы выглядите вполне здоровой и не утратившей способности передвигаться...

– Считаете себя умником? Всегда готовы смеяться над другими.

– Ничего подобного. Просто я вижу свой долг перед семантической гигиеной в том, чтобы не оставлять без внимания речевую неряшливость.

– Должно быть, вам приходится нелегко, когда вы слушаете, как радио- и телереклама засоряют английский язык.

– Как чудесно, мисс Смит! У вас есть чувство юмора! Так вы передайте эту записку Элу?

– Вы тоже ошиблись! Сказали «передайте» вместо «передадите»!

– Увы! Это доказывает, что даже чистейшие из пуристов способны ошибаться. Как насчет записки, мисс Смит?

– Вы ошиблись нарочно! Вы просто морочите мне голову!

– Могу добавить, что восхищаюсь вашей головкой с первого взгляда... Ага, вы улыбаетесь! Это уже прогресс.

В этот момент из кабинета вышел Эл Марш и озадаченно посмотрел на секретаршу.

– Мисс Смит сама не своя, Эллери. Это результат твоего шарма или что-то случилось?

– Едва ли первое и, безусловно, не второе. Просто я хотел спросить у тебя кое-что о Джонни. Это не займет и минуты...

– Сейчас у меня даже минуты свободной нет. Старик в моем кабинете и так относится ко мне скептически. Он считает уголовным преступлением заставлять ждать человека его возраста – ему девяносто. Как насчет того, чтобы встретиться у меня дома около семи? Пообедаешь, если у тебя нет других планов. Луи раньше работал поваром в «Павильоне». Мисс Смит даст мой адрес, если у тебя его нет.

Марш жил в двойной квартире в пентхаусе на Саттон-Плейс. Оказавшись высоко над мрачным городом, откуда, несмотря на дату, еще не вполне ушла зима и где еще не совсем обосновалась

⁴² Вежливость (фр.).

весна, Элери купался в роскоши. Слуга по имени Эстебан проводил его в обширную холостяцкую гостиную, полную феодальными трофеями и оружием. В ожидании Марша Элери бродил по комнате, размышляя, в какую сумму все это могло обойтись.

В помещении не было следа модернизма – его антураж навевал воспоминания об эксклюзивном мужском клубе девяностых годов прошлого века. В маленьком спортзале, смежном с гостиной (дверь была открыта), виднелись гири, штанги, тренажеры, параллельные брусья, боксерская груша и другие атрибуты атлета не первой молодости. Но имелись и сюрпризы.

Половину короткой стены занимал музыкальный центр, предназначенный для высококачественного воспроизведения долгоиграющих пластинок и кассет, среди которых превалировали Чайковский и Бетховен, – подобные романтические пристрастия не ассоциировались у Элери с Маршем. В данный момент звучала ария князя Гремина из «Евгения Онегина». Элери узнал голос Шаляпина, в чьем великолепном баре он нередко искал ободрения.

Особенно очаровал его застекленный книжный шкаф, где стояли редкие американские, французские и английские издания Мелвилла, Рембо, Вердена, Генри Джеймса, Пруста, Уайльда, Уолта Уитмена, Жида, Кристофера Марло и многих других литературных гигантов, при виде которых Элери ощутил зуд в бумажнике. Столь же редкие художественные альбомы в основном содержали репродукции картин и фотографии скульптур да Винчи и Микеланджело. Ряд ниш в дубовых стенах занимали бюсты исторических личностей, очевидно восхищавших Марша, – Сократа, Платона, Александра Македонского, Юлия Цезаря, Вергилия, Горация, Катутла, Фридриха Великого, лорда Китченера, Лоренса Аравийского и Вильгельма фон Гумбольдта.

– Вижу, ты осматриваешь мои сокровища, – сказал вошедший Марш, выключая музыку. – Прости, что заставил тебя ждать, но старик не отставал от меня весь день. Выпьешь? – Он успел переодеться в домашний костюм, шелковую рубашку с открытым воротом и мексиканские сандалии.

– Только не бурбон.

– Не увлекаешься нашим туземным эликсиром?

– Однажды я им надрызгался и с тех пор не выношу его запаха.

Марш отошел за стойку огромного бара и начал исполнять обязанности бармена.

– Неужели ты напился?

– Ты говоришь так, словно это уголовное преступление. Тогда меня как раз покинул свет моих очей.

– У тебя был роман с девушкой?!

– Не с мужчиной же. За кого ты меня принимаешь, Эл?

– Ну, не знаю. Вот тебе джин со льдом – самое далекое от бурбона, что можно себе представить. – Марш опустился в массивное кресло, словно уменьшившее его в несколько раз, и понюхал приготовленную им смесь загадочных ингредиентов. – Просто я никогда не думал о тебе как о человеческом существе, Элери. Должен признаться, я испытываю облегчение.

– Спасибо на добром слове, – отозвался Элери. – Завидую твоим первым изданиям. Начинаю понимать все преимущества богатства.

– Аминь, – промолвил Марш. – Но ты ведь приходил в мой офис и пришел сюда не любоваться моими раритетами. Что у тебя на уме?

– Помнишь тот субботний вечер в Райтсвилле, Эл?

– Он выжжен у меня в памяти каленым железом.

– Как тебе известно, я подслушивал на террасе, когда Джонни произносил речь о своих намерениях, связанных с новым завещанием.

– Ну?

– Кое-что в его словах меня беспокоит. Я не вполне понимаю, что имел в виду Джонни, говоря, что его три брака были «сугубо деловыми».

Марш откинулся на спинку кресла со стаканом и ментоловой сигаретой.

– По условиям завещания его отца, состояние Бенедиктов оставалось в виде траста, и Джонни получал только триста тысяч долларов в год из дохода от состояния. Ну, мне незачем объяснять тебе, что для парня со вкусами, воспитанием и привычками Джонни триста тысяч в год никак не соответствовали жизненным стандартам.

– И он нарушил волю отца?

– Она была нерушимой. Но не непоколебимой. – Марш пожал плечами. – Джонни спросил меня, нельзя ли как-нибудь увеличить сумму. Я изучил завещание Бенедикта Старшего и нашел возможную лазейку. Скорее в шутку я указал Джонни на одно из условий, которое можно было интерпретировать так, как не входило в намерения его отца.

– Звучит любопытно. Что это было за условие?

– Один из пунктов завещания предусматривал выдачу Джонни пяти миллионов долларов из основного капитала, «когда мой сын Джон вступит в брак».

Эллери засмеялся.

– Конечно, ты понимаешь, в чем дело, – продолжал Марш. – Джонни, безусловно, понял. «Когда мой сын Джон вступит в брак» можно понимать и как «каждый раз, когда мой сын Джон вступит в брак». Иными словами, после каждой женитьбы он получает право на пять миллионов. Привлекая внимание Джонни к этому пункту, я не предполагал, что на его основе он переустроит всю свою жизнь. Но он именно так и поступил. Он настоял на том, чтобы обратиться в суд с аргументом о возможной трактовке слова «когда» как «каждый раз, когда», и ему, как всегда, повезло – суд согласился с нашей интерпретацией. Поэтому Джонни приступил к серии браков, разводов и повторных браков.

Эллери покачал головой:

– Вот уж действительно «сугубо деловые контракты». Его браки были ключами к сейфу. Еще один ключ – еще раз пять миллионов.

– Вот именно. Женщин Джонни не обманывал. Они прекрасно понимали, почему он на них женится и на что им можно рассчитывать. Должен добавить, Эллери, что я был категорически против намерения Джона отказаться от соглашения насчет выплаты миллиона долларов. – Большая рука Марша крепче стиснула стакан. – Полагаю, с моей стороны глупо в этом признаваться, но у нас произошла крупная ссора из-за решения Джонни уменьшить сумму выплаты до ста тысяч. Я говорил ему, что это абсолютно неэтично и что я не желаю в этом участвовать. В итоге мы так и не решили этот вопрос – я имею в виду мое участие.

– Когда имела место эта ссора?

– В самолете во время обратного полета из Англии, где он впервые изложил мне свой план.

– В тот вечер мне казалось, что ты на стороне Джонни, Эл. Ты уверен, что не пытаешься сбить меня с толку?

– Конечно уверен. Джонни ясно дал мне понять в тот уик-энд в Райтсвилле, что друзья мы или нет, но, если я его не поддержу, он обратится к другому адвокату. Это заставило меня все обдумать и взвесить. Я знал и любил Джонни с тех пор, как мы были подростками, и едва ли мог оправдывать женщин, которые хладнокровно вступили в брак исключительно ради денег. В итоге я встал на сторону Джонни, в чем он, разумеется, не сомневался. Хотя признаю, что испытывал угрызения совести.

Эллери молча потягивал джин. Марш поднялся, чтобы налить себе вторую порцию загадочного напитка.

– Ладно, – сказал наконец Эллери. – Полагаю, легко выносить суждение, находясь в вакууме. Теперь что касается этой Лоры, которую все ищут. Ты действительно понятия не имеешь, кто она?

– Ни малейшего. Начинаю думать – очевидно, вместе со многими другими, – что Лора существовала только в буйном воображении Джонни. Хотя, по какой причине он мог вписать в завещание воображаемую наследницу, выше моего понимания.

– Она существует на самом деле, Эл. И еще один вопрос. Каково было финансовое положение Джонни ко времени смерти?

– Так себе. Джонни постоянно становился жертвой своих мук совести из-за собственного богатства. Он никогда не мог отказать другу. Одним из его последних и весьма типичных подвигов была постройка где-то в Мэриленде фабрики по производству нового сорта кетчупа для так называемого старого приятеля, чья жена однажды явилась к нему с рецептом, который – ты не поверишь – придумала во сне. Джонни попробовал кетчуп, нашел его божественным и вложил восемьсот тысяч в заведомо убыточное предприятие. Может, ты хочешь приобрести несколько ящиков? Мы не смогли продать ни одного.

– Я имею в виду, Эл, не собирался ли он получить благодаря этой Лоре четвертый ключ к сейфу?

– Ну, по его собственным словам, он намеревался жениться снова, – сухо ответил Марш, – и пять

миллионов ему бы наверняка пригодились. Так что делай выводы сам.

– Значит, ты считаешь, что все его разговоры об истинной любви к Лоре были самообманом?

Марш снова пожал плечами:

– Хотел бы я знать... Джонни вполне мог думать, что впервые в жизни влюбился по-настоящему, – несмотря на все его беспутства, он в некоторых отношениях оставался подростком... Да, Эстебан?

– Луи говорить, что, если вы и гость не идти к столу сразу, он увольняться, – возбужденно сообщил слуга.

– Господи! – Марш вскочил на ноги – он выглядел испуганным. – Эллери, *vite, vite!*⁴³

Приготовленный Луи обед полностью оправдывал торопливость Марша. Он начинался с черной икры из Румынии и «Столичной», а также супа *petite mar-mite*⁴⁴ с мальмезийской мадерой 1868 года. Затем Эстебан подал кнели под нантским соусом с «Маркизом де Лагиш» 1966 года. В качестве основного блюда Луи приготовил восхитительные *noisettes de veau sautees*,⁴⁵ увенчанные *cepes*,⁴⁶ которые могли вырасти только на французских грибных грядках (круглые телячьи котлетки, как узнал Эллери, были доставлены самолетом из Парижа, – по мнению Луи, американская телятина никуда не годилась).

– Он питает величайшее презрение к кулинарам *les Etats-Unis*,⁴⁷ – объяснил Марш, – которые заменяют телячьими филе или почками *noisettes veritables*.⁴⁸ Фактически Луи презирает все нефранцузское.

– Прости его, Эл, – взмолился Эллери, – ибо он, по крайней мере у плиты, точно знает, что делает.

Noisettes сопровождали молодая картошка, салат латук, «Шато От Брион» урожая 1949 года и «Шато Шеваль Блан Сент-Эмильон» того же года. За ним последовали торт «Добош», побудивший Эллери принять решение съездить в Бухарест во время ближайшего визита в Европу, и, наконец, кофе эспрессо с коньяком «Монне» тридцатилетней выдержки.

– Это один из наилегчайших обедов Луи, приготовленный более-менее на скорую руку, – сказал Марш, – и тем не менее вполне сносный, не так ли?

– *Vive la France!*⁴⁹ – прошептал Эллери.

* * *

– Очевидно, это вопрос профессиональной гордости, – проворчал шеф Ньюби, откидываясь на спинку вращающегося стула и облизывая свежую сигару. – Закурите?

– Не курю этот табак, – отозвался Эллери. – Что вы имеете в виду?

– Я еще никогда не расследовал столь громкое убийство и не хотел бы потерпеть неудачу.

– Понимаю.

– Ничего вы не понимаете, Эллери. У вас слишком много удач. А я простой провинциальный коп, которому внезапно попало в руки сенсационное дело, и это меня нервнрует. Знаете, я думал...

– В этом занятии вы не одиноки, Анс. О чем именно вы думали?

– Мы предполагали, что мотив убийства Бенедикта связан с ситуацией с завещанием и тремя бывшими женами.

– Да?

– Может, и нет.

– Анс, – строго сказал Эллери, – я не приветствую ничьих загадочных замечаний, кроме своих собственных.

⁴³ Живей, живей! (фр.)

⁴⁴ Маленький горшочек (фр.) – суп из мяса, овощей и приправ, приготавливаемый и подаваемый в горшочках.

⁴⁵ Котлетки из жареной телятины (фр.).

⁴⁶ Белые грибы (фр.).

⁴⁷ Соединенные Штаты (фр.).

⁴⁸ Настоящие котлетки (фр.).

⁴⁹ Да здравствует Франция! (фр.)

- Я хочу сказать, предположим, мотив не имеет отношения к завещаниям Бенедикта.
- Допустим. Тогда к чему он имеет отношение?
- Не знаю.
- Благодарю вас, шеф Ньюби. Теперь вы присоединились к избранной группе.
- Не смейтесь, в этом может что-то быть.
- Безусловно, но что именно?
- Вы не обнаружили ничего в Нью-Йорке?
- Мы нигде ничего не обнаружили. Люди отца не нашли ничего и никого в жизни Джонни, что могло бы дать кому-то повод вломиться к нему в райтсвиллский дом и убить его. Кстати, Анс, ваши эксперты не нашли никаких следов взлома?
- Никаких. Либо это было «внутреннее дело», как мы и предполагали, либо посторонний проник в дом и покинул его, не оставив следов. Продолжайте, Эллери.
- Продолжать мне нечего. У меня нет никаких теорий. Какое-то время мы разрабатывали версию, что Джонни заказали в Лас-Вегасе, возможно, в какой-то связи с Маршей Кемп; тамошние ребята берут заказы, невзирая на классы и касты, – пример подлинной демократии. Правда, в наши дни эта публика сторонится насилия. Но мы вытянули пустой номер. Нет никаких свидетельств, что Джонни скрылся, не уплатив проигрыш в Вегасе или еще где-нибудь, – это подтверждают весьма надежные источники. Мы не нашли никаких связей с Корпорацией, Синдикатом, или как там еще называет себя мафия в этом месяце. Как бы то ни было, в этом убийстве не ощущается профессиональных штрихов. Киллеры обычно пользуются собственными рабочими инструментами – они не могут полагаться на то, что на месте преступления окажется статуэтка трех обезьян, которой можно вышибить жертве мозги.
- Значит, это могла быть любительская работа по личным причинам: например, кто-то затаил злобу на Бенедикта...
- Я уже говорил вам, Анс, что ничего похожего не обнаружено.
- Но это не означает, что такого не могло произойти.
- Эллери пожал плечами:
- Для дел, которые буксуют, у меня имеется подходящий убийца. Я называю его человеком из Миссинг-Форкса в штате Айова, когда вытаскиваю его из шляпы... Конечно, это могло произойти, Анс. Но и вы и я знаем, что большинство убийств совершают не сваливающиеся невесть почему парни из Миссинг-Форкса, а люди, прямо или косвенно связанные с жертвой, по причине, которая, по крайней мере им, кажется вполне разумной. Проблема в том, чтобы найти такого человека или такую причину. Пока что мы обшаривали территорию в поисках любых возможностей, но без всякого успеха. Придется продолжать в надежде, что рано или поздно – лучше рано – удача повернется к нам лицом.
- Выходит, все может свестись к этим трем женщинам и завещанию, – буркнул Ньюби из облака сигарного дыма.
- Кажется, вы не удовлетворены этой теорией.
- Она... Не смейтесь, Эллери, но она слишком уж проста.
- А кто смеется?
- Вы уверены, что не наткнулись здесь на что-то и не утаиваете это от меня?
- Эллери поднялся.
- Могу я получить ключ, Анс?
- Тогда почему вы хотите вернуться в дом Бенедикта?
- Не вам одному не по себе. Ключ, Анс.
- Если вы не возражаете, – шеф тоже встал, – я составлю вам компанию.
- Ньюби отвез Эллери к поместью Бенедикта в своем «додже» 1967 года без опознавательных полицейских знаков (по его словам, чтобы не привлекать внимания), отпер парадную дверь, пропустил Эллери вперед и последовал за ним. Эллери галопом взбежал наверх и бросился в спальню Джонни-Би, словно ожидал, что обнаружит там чудо или разгадку – по его выражению лица надежда на это была приблизительно одинаковой.
- Вы ведете себя так, Эллери, будто что-то забыли, – сказал шеф райтсвиллской полиции. – Что именно?
- Хорошо, если бы я мог вам ответить. – Эллери окидывал взглядом комнату, словно видел ее

впервые.

– Вы имеете в виду, что не хотите отвечать?

– Я имею в виду, что не знаю.

– Черт возьми, перестаньте говорить загадками! – огрызнулся Ньюби. – Вы напоминаете мне сборник кроссвордов и ребусов, который моя мама хранила в своей комнате.

– Но я действительно не знаю, Анс. Просто чувствую, как и вы, что три женщины и завещание – слишком простая версия.

– Но какого рода это чувство?

– Я испытывал его и раньше. – Эллери медленно двинулся по комнате. – Чувство, что я что-то упустил.

– Упустили? – Ньюби повернулся так резко, как будто услышал скрип открываемой двери. – Что?

– В этом весь вопрос. Что? Я прочесал свой мозг частым гребешком, ничего не нашел и решил, что возвращение на место преступления может оказаться подходящим средством. – Он задержался у кровати, посмотрел на ночной столик, подошел к окнам, заглянул в платяной шкаф и в ванную.

– Вы морочите мне голову, – пробормотал Ньюби. – Господи, из-за вас я чувствую себя как ребенок в доме с привидениями!

– Было бы неплохо, если бы я просто морочил вам голову, – со вздохом отозвался Эллери. – Но, Анс, дело не в том. Я что-то здесь видел, но не могу сообразить что... – Он обратился к обрисованным на полу мелом контурам человеческого тела. – Ну, Джонни, это был выстрел наугад, и, как большинство подобных выстрелов, он не попал в цель. – Эллери кивнул Ньюби. – Больше мне нечего тут делать, Анс.

* * *

Первый перелом в деле наступил, как обычно бывает, в ходе нудной полицейской работы.

Несмотря на отсутствие энтузиазма со стороны шефа Ньюби, инспектор Квин и его подчиненные сосредоточили свои усилия на трех бывших женах. Несколько интересных рапортов сообщали, что в связи с лишением после смерти Бенедикта еженедельного дохода в тысячу долларов и задержкой, если не полной отменой выплаты посмертной суммы согласно рукописному завещанию, по крайней мере две из них испытывали финансовые затруднения. Одри Уэстон и Марша Кемп тратили алименты полностью, в то время как Элис Тирни, скромно живя в захолустном Райтсвилле, как сообщал Ньюби, сберегла солидную сумму, хотя дальнейшие безрадостные перспективы сделали ее мрачной и необщительной. Блондинка и рыжеволосая были вынуждены снова подыскивать себе работу. Одри Уэстон без всякого успеха обивала пороги на Бродвее, а Марша Кемп прощупывала ночные клубы через своего агента с тем же результатом. Очевидно, времена изменились. Известность, которой они наслаждались в результате райтсвиллского убийства, не открывала для них золотые двери Сезама.

Новые сведения относительно Марши Кемп, полученные в процессе рутинного расследования ее прошлого и настоящего, казались многозначительными.

Эллери узнал о них в воскресенье 19 апреля. Поднявшись утром с кровати, он обнаружил отцовскую записку, сообщающую, что инспектор отправился на Сентр-стрит, и предлагающую Эллери последовать за ним. Он сделал это так поспешно, что даже отказался от своего любимого воскресного завтрака, состоящего из новошотландского лосося, масла, сливочного сыра и сладкого испанского лука на тостах и сопровождаемого свежесваренным кофе в щедрых дозах.

Эллери застал отца в обществе сержанта Вели. – Расскажи ему, Вели, – сказал инспектор.

– Думаю, мы набрели на кое-что, маэстро, – заговорил сержант. – Вы когда-нибудь слышали о Берни Фоксе?

– Нет.

– Его называют Лисом за удивительную способность уходить от ответственности. Фокса арестовывали множество раз за грабежи, взломы, разбойные нападения, но ему всегда удавалось выходить сухим из воды. Однажды его даже судили за убийство, но оправдали из-за неявки главного свидетеля. В результате этот тип и дня не провел за решеткой.

– Ближе к делу, Вели, – попросил Эллери. – Я из-за этого остался без завтрака.

– Дело в том, – продолжал сержант, – что мы копались в прошлом Марши Кемп в поисках

дополнительной информации и кое-что нашли.

– Не тяни резину, Вели, – устало произнес инспектор.

– Марша Кемп и Лис Фокс женаты.

– Понятно. – Эллери опустил в потрескавшееся черное кожаное кресло, которое он запретил отцу выбрасывать. – С каких пор?

– С удовольствием обвинил бы ее в двоемужии, – сказал инспектор, – но она вышла за Фокса только после развода с Бенедиктом.

– Насколько точна ваша информация, Вели?

– У нас есть копия брачного свидетельства.

Эллери потянул себя за нос, что, как знал его отец, свидетельствовало о бешеной работе мысли.

– Это представляет мисс Кемп в новом свете и рождает ряд интересных вопросов насчет мистера Фокса. Когда можно допросить счастливую пару?

– Я хотел вызвать их сегодня, – ответил инспектор, – но Лиса нет в городе. Он должен вернуться к ночи, не так ли, Вели?

– Так сообщает надежный источник, – отозвался сержант и добавил менее напыщенно: – Мой главный стукач.

– Постарайтесь, чтобы завтра в девять утра мистер и миссис Лис Фокс были у меня в офисе.

Войдя в отцовский кабинет в понедельник в пять минут десятого, Эллери обнаружил там инспектора, сержанта Вели (выглядевшего отомщенным), Марша (в качестве душеприказчика Бенедикта), сердитую Маршу Кемп (в пурпурном мини-платье и модной шляпе, подчеркивающих ее габариты амазонки) и незнакомого мужчину, которого Эллери, естественно, определил как Берни Лиса Фокса. Фокс оказался моложе, чем ожидал Эллери, – во всяком случае, обладал способностью выглядеть моложе. У него было одно из тех лиц, которые остаются юными до пятидесяти, а потом внезапно стареют за одну ночь. Он, безусловно, был красивым малым – Эллери вполне допускал, что девушка с прошлым Марши могла в него влюбиться. Мелкий уголовник напомнил ему молодого Рока Хадсона⁵⁰ – высокого, худощавого и с таким же мальчишеским лицом. Одет он был несколько крикливо.

– Ты знаешь здесь всех, кроме Фокса, – сказал инспектор Квин. – Лис, это мой сын Эллери, если тебя это интересует.

– Рад познакомиться, мистер Квин. – Фокс, очевидно, решил не протягивать руку, опасаясь, что ее отвергнут. У него был вкрадчивый маслянистый голос, подходящий для эротических фильмов. В течение следующих нескольких минут он то и дело косился на Квина Младшего.

– Мы как раз обсуждали брак мисс Кемп с мистером Фоксом. – Инспектор откинулся на спинку древнего вращающегося стула. – Обрати внимание, Эллери, что я пользуюсь ее девичьей фамилией – так она предпочитает. Верно, миссис Фокс... я имею в виду мисс Кемп?

– Так принято в шоу-бизнесе, – ответила рыжеволосая. Румянец на ее лице был слишком густым для обычного макияжа. – Но я все еще не понимаю... Берни, почему ты молчишь?

– Да, малышка. – Ее супруг переминался с ноги на ногу – он отказался от стула, словно готовясь к бегству. – Да, инспектор, мы не понимаем...

– Почему я пригласил вас сюда? – Инспектор продемонстрировал вставные челюсти, как большой злой волк. – Прежде всего, миссис Фокс, почему вы не сообщили шефу Ньюби, когда он допрашивал вас в Райтсвилле, что снова вышли замуж? Вы бы избавили нас от лишних хлопот.

– Я не думала, что это имеет отношение к... ну, к Джонни и прочему, – буркнула рыжеволосая.

– Вот как? Мистер Марш, – инспектор повернулся к адвокату, – получала ли миссис Фокс – в качестве Марши Кемп – тысячу долларов в неделю от мистера Бенедикта после их развода, а если так, то обналичивала или депонировала она чеки, согласно вашим сведениям?

– Безусловно. – Марш поднял свой «дипломат». – У меня здесь все погашенные чеки, прошедшие через банк мисс Кемп, – каждый выписан на имя Марши Кемп и подписан ею собственноручно.

– Эти погашенные чеки относятся и ко всему периоду ее тайного брака с Фоксом?

– Да. Включая неделю, когда погиб Джонни.

– Мисс Кемп когда-либо уведомляла Бенедикта или вас, как его поверенного, что выходит или

⁵⁰ Хадсон, Рок (Рой Харолд Шерер) (1925–1985) – американский актёр.

вышла замуж снова и, следовательно, по условиям ее соглашения с Бенедиктом, еженедельные тысячедолларовые выплаты должны прекратиться, так как она больше не имеет на них права?

– Нет, не уведомляла.

– Что вы на это скажете, миссис Фокс? У нас в полиции это именуют мошенническим присвоением денег. Думаю, окружная прокуратура посмотрит на это так же, если мистер Марш решит выдвинуть против вас обвинение.

– Позвольте мне вставить слово, – вежливо заговорил Фокс, как если бы он был всего лишь посторонним. Марша бросила на него угрожающий взгляд. – Я никогда не видел этого соглашения, поэтому не мог знать, что выплата Марше по штуке в неделю была незаконной...

Марша издала сдавленный звук.

– Но вы должны понимать, инспектор, что моя жена не разбирается в таких вещах – где уж Марше соперничать с мистером Маршем... (Марше с Маршем – никогда не догадывался о том, что я поэт!) Вероятно, она напрочь забыла об этом пункте, когда появился подходящий жених – верно, беби? – Он улыбался, поглаживая ей затылок.

Марша кивнула, и его рука стала поглаживать воздух.

– У вас понятливый муж, миссис Фокс, – одобрительно произнес инспектор. – Но думаю, вам лучше говорить от своего имени самой. Обратите внимание, здесь нет стенографиста, разговор не записывают на магнитофон и вас официально ни в чем не обвиняют. Нас интересует убийство Бенедикта, и хотя я не даю никаких обещаний, но, если окажется, что ваш повторный брак не связан с этим преступлением, вы, вероятно, сможете уладить дело с этими деньгами. Как вам кажется, мистер Марш?

– Конечно, я тоже не могу ничего обещать. Я, безусловно, не могу закрыть глаза на то, что миссис Фокс получала деньги от моего покойного клиента при обстоятельствах, весьма напоминающих мошенничество. Но меня также в основном заботит убийство, инспектор. Сотрудничество со стороны миссис Фокс, естественно, повлияет на мою позицию.

– Слушай, Эл, кто здесь кого запугивает? – сердито осведомилась Марша. – Что ты намерен делать: получать с меня назад эти деньги в виде пинты крови за один раз? Я без гроша, и у меня нет работы. Мой муж тоже на мели. Так что я не смогу выплатить эти деньги, даже если бы захотела. Конечно, вы можете предъявить мне обвинение, инспектор, но мне на это наплевать. А вашему окружному прокурору в суде придется нелегко. Берни знает нескольких толковых адвокатов...

– Кстати, о Берни, – заговорил Эллери, прислонившись к задней стене кабинета. – Где вы были, Фокс, в ночь с 28 на 29 марта?

– Забавно, что вы задаете этот вопрос, – отозвался супруг Марши своим сексуальным голосом. – К счастью, я могу быстро на него ответить, что, как вы знаете, джентльмены, бывает нечасто. В ночь с 28 на 29 марта – с субботы на воскресенье – я был одним из шести ребят, которых задержали в номере отеля около Таймс-сквер, когда они спокойно играли в покер. Не знаю, о чем думали эти тупоголовые копы, поднимая шум из-за дружеской игры в субботний вечер за пивом и сэндвичами с пастромой...

– Меню меня не интересует, – прервал инспектор Квин, сердито глядя на сержанта Вели, который, не проверив заранее алиби Фокса, старался казаться незаметным, что при его габаритах было истинным подвигом. – В какой участок вас доставили?

– Не знаю номер. В районе западных сороковых улиц.

– Фокс, вы знаете номера манхэттенских полицейских участков лучше меня – ведь вы провели в них полжизни! А ты чего ждешь, Вели?

Сержант быстро кивнул и вышел из кабинета.

– Сержант Вели проверит ваши показания. Надеюсь, вы не возражаете подождать?

«Папа, папа, – произнес про себя Эллери. – Как юморист ты все еще не знаешь себе равных!» Он понимал, что проверка – напрасный труд, и видел, что инспектор тоже это понимает.

Мистер Фокс дышал ровно, как крупье при игре в рулетку с заранее предопределенным результатом. Правда, на лице его жены виднелись легкие следы тревоги – Фокс даже похлопал ее по руке, более крупной, чем у него, – но это могло быть обусловлено отсутствием у этой пары мысленной связи, как у женатой не слишком давно. Когда Марша что-то тихо сказала мужу, он ладонью на миг ласково прикрыл ее рот.

Вернувшись, сержант что-то прошептал на ухо инспектору. Усы старика дернулись, что, как знал

Эллери, было признаком разочарования.

– О'кей, Лис, можешь уходить вместе со своей миссис.

Оба устремились к двери с грацией антилопы.

– Одну минуту, – остановил инспектор. – Я не хочу, чтобы кто-то из вас уезжал даже в Бруклин, не уведомив вначале мой офис.

– Его действительно задерживали в ту ночь? – спросил Эллери, когда пара удалилась.

– Да, – ответил сержант Вели, стараясь представить эпизод как незначительный. – Один конгрессмен поднял шум на телевидении – кажется, кого-то из вкладчиков в его кампанию здорово обчистили за игрой на Таймс-сквер, и он пожаловался мамочке. Начальство велело прикрыть лавочку, когда вы были в отпуске, инспектор, и отдел азартных игр этим занялся. Вот каким образом Лиса накрыли в этом отеле. Правда, они выставили дозорного, и тот подал им сигнал, поэтому, когда ребята вломились в номер, там шла игра в покер по грошовым ставкам. Очевидно, дозорный был заодно и казначеем, так как детективы не нашли у игроков крупных купюр. Всех шестерых продержали в участке пару часов, а потом отпустили, включая Лиса. Он пробыл в участке с двенадцати до двух ночи и мог поспеть к трем в Райтсвилл только на космическом корабле.

– Значит, мы снова вытянули пустой номер, – мрачно промолвил инспектор Квин. – Тем не менее, Вели, приставь к Фоксу двоих ребят. Мне не нравится его запах – он опасен. Куда ты, Эллери?

– Пройтись, – ответил Эллери. – На улице больше действия, чем здесь.

– Кто кого в это втянул, и чьему другу проломил башку? – проворчал его отец. – Ладно, иди гулять, но если на тебя нападут в каком-нибудь переулке, не прибегай ко мне с плачем.

* * *

– Ты в этом уверен, Барл? – спросил Ньюби, недоверчиво барабаня по рапорту указательным пальцем.

– Вы же знаете старика Ханкера, – ответил полицейский Барлоу. – Думаю, шеф, он околачивался там, проверяя, все ли в порядке. Если вы нанимаете Морриса, то можете на него положиться. А если он говорит, что видел в доме свет поздно ночью, я ему верю.

– Что-нибудь пропало?

– Вроде бы нет.

– Тогда зачем кому-то тайком забираться туда среди ночи?

Барлоу, который был новичком в райтсвиллской полиции, счел вопрос риторическим и промолчал.

– Лучше я съезжу туда сам, – решил Ньюби. – А пока, Барл, присматривай за этим местом и передай приказ другим.

На следующий день шеф написал инспектору Квину:

«Моррис Ханкер утверждает, что видел свет в большом доме Бенедикта в понедельник 20 апреля после полуночи. Старик пошел проверить – как и следовало от него ожидать! – но к тому времени, когда он вошел в дом, свет погас, и он никого не обнаружил. Я лично побывал в доме и не зафиксировал никаких пропаж – вроде бы ничего даже не передвинули. Либо этот тип действовал крайне осторожно, либо старику Ханкеру померещилось – ум у него уже не такой быстрый, как прежде. Тем не менее я подумал, что лучше сообщить об этом Вам и Эллери.»

* * *

– Она хочет меня видеть, – сказал по телефону Эл Марш. – Естественно, я не собираюсь встречаться с ней один. Не могли бы вы присутствовать, инспектор Квин?

– Одну минуту, – отозвался инспектор. – Эллери, Одри Уэстон звонила Маршу с просьбой о встрече. Она говорит, что должна сообщить ему нечто важное по поводу завещания Бенедикта. Хочешь принять участие?

– Теллула появляется вновь! – воскликнул Эллери. – Конечно хочу.

– Эллери тоже придет, – сказал инспектор в телефонную трубку. – Собираетесь пригласить кого-нибудь еще, мистер Марш?

– Лесли Карпендер. Если это связано с завещанием, значит, касается и ее.

– Когда состоится встреча?

– В среду в половине третьего у меня в офисе.

– Завтра?

– Да.

– Мы придем. – Инспектор положил трубку. – Интересно, что блондинка достанет из рукава?

– Я рад, что хоть кто-то что-то достанет, – сказал Эллери. – Дело движется в высшей степени неудовлетворительно.

Офис Марша находился неподалеку от Парк-роу в старинном квартале, от которого пахло древними поместьями и гусиными перьями.

Во время своего первоначального визита Эллери почти всерьез ожидал увидеть в коридорах старых джентльменов в длинных двубортных сюртуках, а в самом офисе клерков с бакенбардами, в кожаных нарукавниках и с зелеными козырьками над глазами, сидящих на высоких табуретах. Вместо этого он обнаружил притких молодых людей в сверкающем нержавеющей сталью интерьере, работающих при ультрасовременном скрытом освещении. Разумеется, мисс Смит была на месте.

– Они ждут вас в кабинете мистера Марша, мистер Квин, – сказала она, неодобрительно посапывая носом.

– Как им удалось добраться сюда вовремя? – осведомился Эллери, косвенно ссылаясь на транспортные пробки Манхэттена. – На «Боинге-52»?

Проводив его в личный кабинет Эла Марша, мисс Смит села в углу, закинула ногу на ногу и раскрыла блокнот.

Среди собравшихся Эллери обнаружил одного незнакомца – мужчину лет сорока пяти с острым как нож взглядом и лицом цвета жареной говядины, в облачении завсегдатая клуба «Плейбой». При виде Эллери незнакомец устремил обвиняющий взгляд на свои часы, и Эллери понял, что он присутствует здесь в интересах Одри Уэстон, рядом с которой стоял в данный момент.

– Думаю, ты не знаешь только этого джентльмена, Эллери, – сказал Марш. – Эллери Квин – Сэнфорд Эффинг, представляющий мисс Уэстон.

Эллери собирался протянуть руку, когда адвокат Одри произнес *staccato*:⁵¹

– Может быть, мы перейдем к делу?

Марш указал Эллери на стул, сел сам и зажег одну из своих ментоловых сигарет.

– Хорошо, мистер Эффинг. Предоставляю это вам.

Эллери наострил уши, улыбнувшись маленькой Лесли Карпендер и кивнув отцу.

– В рассказе мисс Уэстон о завещании Джона Бенедикта, – начал адвокат, – фигурировала довольно странная формулировка важнейшего пункта. Я бы хотел, мистер Марш, чтобы вы в точности процитировали мне пункт, касающийся этой Лоры.

Марш открыл верхний ящик стального стола, достал ксерокопию рукописного завещания Бенедикта и передал ее Эффингу.

– Ваши воспоминания были точными, мисс Уэстон, – с удовлетворением произнес Эффинг. – Бенедикт оставил основную часть состояния «Лоре и детям». Мистер Марш, что, по-вашему, означают слова «и детям»?

– Детям от Лоры, – ответил Марш.

– Но в завещании этого не сказано, верно?

– Что вы имеете в виду? – насторожился Марш.

– То, что, если бы Бенедикт подразумевал детей от Лоры, он так бы и написал.

– Но это чепуха, – запротестовал Марш. – Каких еще детей мог иметь в виду Джонни, кроме тех, которые должны были появиться в результате ожидаемого брака с этой Лорой?

– Тех детей, – ответил Эффинг, демонстрируя большие блестящие зубы, – которых Бенедикт мог иметь от любой женщины.

– Мы не знаем о таких детях, – твердо заявил Марш, но на его лице отразилось сомнение.

– Через три секунды вы узнаете об одном из них, мистер Марш. Мисс Уэстон, сообщите этим людям то, что сообщили мне.

⁵¹ Отрывисто (*ит., муз.*).

– У меня есть ребенок, – впервые заговорила блондинка. Ее актерский голос слегка дрожал. – Ребенок Джонни. – Она сжала кулаки и воинственно вскинула голову; ее бесцветные глаза сверкнули, как медузы, внезапно освещенные солнцем. – Не смотри на меня, Эл, как на космического монстра! Это правда.

– Эффинг может тебе подтвердить, что твое ничем не подкрепленное заявление для меня, как для адвоката, не значит ровным счетом ничего, – резко сказал Марш. – Суд по делам о наследстве потребует неопровержимых доказательств в столь важном вопросе. И даже если сможешь это доказать, то, учитывая остальную часть этого пункта завещания, я не уверен, что суд согласится с твоей интерпретацией его. Со своей стороны могу заявить, не только как адвокат Джонни, но и как его близкий друг, что он никогда даже не намекал мне, что у него есть от тебя ребенок.

– Джонни об этом не знал, – объяснила Одри. – Он так и умер, ни о чем не догадываясь. Кроме того, Дейви родился после нашего развода.

– Джонни не заметил, что ты беременна?

– Мы разошлись, прежде чем это стало заметным.

– И ты никогда не сообщала ему, что носишь его ребенка?

– Дейви был зачат, когда мы с Джонни были близки последний раз, – сказала Одри. – Вскоре мы расстались, и Джонни развелся со мной. У меня есть гордость, Эл, и... я хотела отомстить. Я была чертовски зла на Джонни за то, как он со мной обошелся, выбросив из своей жизни, как пару старых туфель! Я хотела сообщить ему позже – когда он уже не будет самодовольным жеребцом, – что все эти годы у него был сын, о котором он ничего не знал...

– Поистине, мистер Конгрив, на небесах сильнее гнева нет и так далее,⁵² – пробормотал Эллери, но никто его не слышал.

– Теперь, когда отец мертв, – спокойно заговорил Эффинг, – ситуация в корне изменилась. Почему сыну должно быть отказано в том, что полагается ему по праву рождения? Не стану вдаваться в юридическую рутину, Марш. Вы знаете, как суд по делам о наследстве относится к правам детей. Он защищает их, как тигрица детенышей. Я бы сказал, что у мисс Карпентер есть причины для беспокойства.

Эллери посмотрел на Лесли, но она выглядела беспечно – лишь слегка побледнела.

– Расскажите подробнее об этом ребенке, – сказал инспектор Квин. – Как его полное имя? Когда и где он родился? Если ребенок не находится под вашей опекой, то где и с кем он живет? Это для начала.

– Стойте, мисс Уэстон, – прервал Эффинг, действуя как уличный регулировщик. – Едва ли я позволю моей клиентке отвечать на эти вопросы сейчас, инспектор. Ограничусь заявлением, что мальчика зовут Дейви Уилкинсон. Арлен Уилкинсон – подлинное девичье имя моей клиентки. Одри Уэстон – артистический псевдоним...

– Этого Джонни тоже не знал, – заметил Марш. – Почему, Одри?

– Он никогда меня не спрашивал. – Она снова положила руки на колени и опустила голову.

Марш поджал губы.

– Мисс Уэстон чувствовала, что не может должным образом растить ребенка, продолжая при этом театральную карьеру, – сказал Эффинг. – Поэтому она сразу же отдала сына приемным родителям. Договор был заключен еще до его рождения, но она знает, где Дейви, и может предъявить его в случае необходимости. Люди, усыновившие его, безусловно, так же заинтересованы в том, чтобы обеспечить его законные права и будущее, как и его мать.

– То, что она может предъявить ребенка, – возразил Марш, – не доказывает, что Бенедикт был его отцом.

– Значит, вы собираетесь это оспаривать? – осведомился Эффинг с неприятной улыбкой.

– Оспаривать? У вас странные представления об ответственности поверенного. Я должен охранять состояние моего клиента. Как бы то ни было, вам придется убеждать не меня, Эффинг, а судью по делам о наследстве. Я поручу моей секретарше прислать вам расшифровку стенограммы этой встречи.

⁵² Имеется в виду популярная цитата из пьесы английского драматурга Уильяма Конгрива (1670–1729) «Утренний жених»: «На небесах сильнее гнева нет, чем та любовь, что ненавистью стала».

– Не беспокойтесь. – Сэнфорд Эффинг расстегнул три пуговицы пиджака, под которым висела маленькая черная коробочка. – Я записал на пленку весь разговор.

Когда Одри и ее адвокат удалились, Марш сразу расслабился:

– Не волнуйся из-за этого, Лесли. Не вижу, каким образом Одри может доказать, что этот Дейви сын Джонни, тем более признавшись при свидетелях, что она никогда ему о нем не рассказывала. Вот почему я так подчеркнул этот момент. Завещание четко свидетельствует о намерениях Джонни – если ко времени смерти он не был женат на Лоре, его состояние должно отойти, к тебе. И если эта Лора не объявится с доказательствами брака с Джонни, что крайне маловероятно, по-моему, тебе ничего не грозит.

– Это одна из трудностей, возникающих, когда любитель имеет дело с юристами, – сказала Лесли.

– О чем ты?

– О том, что нечего и пытаться вникнуть во все ваши увертки и софистику. Меня нисколько не интересует юридическая сторона дела, Эл. Если я буду убеждена, что эта женщина имеет ребенка от Джонни, то мне все ясно. Состояние отца должно перейти к сыну, а не ко мне. Конечно, я строила планы насчет этих денег – у меня был определенный проект в Восточном Гарлеме, – но я не собираюсь рвать на себе волосы. Я всю жизнь была бедна как церковная крыса, поэтому легко могу расстаться с мечтой, продолжать стирать чулки и вешать их на проволоке в ванной. Было приятно снова увидеться с вами, инспектор, мистер Квин. И с мисс Смит. Дай мне знать, Эл, чем все кончится. – И Лесли с улыбкой вышла из кабинета.

– Вот это девушка! – воскликнул инспектор Квин. – Будь я моложе лет на тридцать...

– Она слишком хороша, чтобы быть такой на самом деле, – буркнул Эллери.

– Что ты сказал, сынок? – спросил его отец.

Эллери покачал головой:

– Ничего важного.

Он начал возиться с трубкой и табаком, недавно присланным по заказу из сельской лавки в Вермонте. Всем известно, что мягкий трубочный табак не приносит особого вреда, если не затягиваться. Однако Эллери зажег трубку и наполнил легкие ароматным дымом.

– Это все, мисс Смит, благодарю вас, – сказал Марш.

Секретарша проследовала мимо Квинов к двери. Эллери показалось, что она шевельнула бедрами, проходя мимо него.

– Знаете, в этом обороте дела есть ирония судьбы. Как я говорил, завещание Бенедикта Старшего содержало двусмысленный пункт, позволивший Джонни получать пять миллионов при каждом вступлении в брак. А теперь выходит, что и в завещании Джонни имеется двусмысленность, о которой он не подозревал. Лучше бы люди прислушивались к советам своих адвокатов и не пытались сами писать завещания!.. Интересно, насколько правдива история с этим Дейви...

– Мы можем не сомневаться, что у Одри Уэстон есть ребенок, которого она отдала на усыновление, – сказал инспектор. – Она была бы полной идиоткой, если бы явилась с подобной историей, будучи не в состоянии ее подтвердить. Да и Эффинг не производит впечатления адвоката, который взялся бы за дело, способное разбираться в суде годами, не имея для этого достаточно твердых оснований. Но что это ребенок Бенедикта и что Одри никогда о нем ему не говорила... – Старик покачал головой. – Не знаю, мистер Марш, как эта история связана с убийством и связана ли она вообще, но мы должны ее учитывать. Как вы собираетесь установить, является ли ребенок сыном Бенедикта?

– Я не должен это устанавливать, – ответил Марш. – Это проблема Эффинга.

– Эффинга... – с отвращением повторил Эллери, поднимаясь со стула. – *Un type!*⁵³ Что – или кто – дальше? Пошли, папа?

* * *

В эти дни ограблений, разбойных нападений, изнасилований, убийств и прочих преступлений,

⁵³ Ну и тип! (фр.)

происходящих повсюду, редко обращают внимание на тот факт, что существует определенная категория граждан, которой ночные прогулки в почти безлюдных районах города не внушают страха. Напротив, для них подобные прогулки являются обычным делом.

Кто же эти смельчаки? Обладатели черного пояса по карате? Солдаты, только что вернувшиеся из Вьетнама с почетными медалями Конгресса и привыкшие к коварным трюкам вьетконговцев? Увы, нет. Это грабители, разбойники, насильники и убийцы, которые, подобно летучим мышам, висающим вниз головой в пещере, находят уют и безопасность там, где все остальные испытывают леденящий ужас.

Это объясняет, почему в пятницу 24 апреля – «около двух часов ночи», как позже отметил детектив в своем рапорте, – Берни Фокс вошел в восточную часть Центрального парка со стороны Пятой авеню, южнее Музея искусств, уверенно зашагал к кустам позади музея и скрылся за одним из них, растворившись в ночи.

Если супруг Марши Кемп и чувствовал страх, то, безусловно, не перед темнотой и не перед лезвием ножа у горла – этот участок был еще в детстве исследован им вдоль и поперек. Тем не менее в его позе ощущалось напряжение.

Луна скрылась за тучами, в тени музея почти не было света, а воздух застыл от пронизывающего холода.

На Фоксе не было пальто, и он начал дрожать.

Ему казалось, что он ждет целый час, но прошло всего десять минут, когда он увидел силуэт на освещенной фонарем дорожке, за которой наблюдал. Силуэт скользнул в тень музея и направился в сторону Фокса, который теперь стоял не шелохнувшись.

– Вы здесь? – услышался шепот.

Напряжение тут же исчезло.

– Принесли бабки?

– Да. Где вы? Тут так темно.

Фокс без колебаний шагнул из-за куста:

– Дайте их мне. – Он протянул руку.

В такие моменты в темноте раздаются беззвучные крики, предупреждающие об опасности. Фокс услышал их, когда собеседник протянул ему объемистый конверт, а потом что-то еще.

Он хотел повернуться и бежать, но было слишком поздно – нож вошел ему в живот по самую рукоятку.

Фокс застонал, его колени подогнулись.

Пока он падал, убийца вытащил нож, а другой рукой забрал конверт.

Нож почти беззвучно упал на мертвое тело.

Убийца мужа Марши стянул резиновые перчатки, отбросил их прочь вместе с конвертом и быстро зашагал на север к противоположному выходу. Постороннему глазу он показался бы очередным отчаянным ньюйоркцем, игнорирующим статистику преступлений, совершаемых в Центральном парке в ночное время.

* * *

– Эллери? Я здесь.

Эллери прошел сквозь оцепление, мигая при свете прожекторов, туда, где его отец разговаривал с патрульным. Тот отсалютовал и отошел к группе экспертов и других полицейских, стоящих вокруг тела.

– Труп обнаружил парковый патрульный, – сообщил инспектор. – Долго же ты добирался.

– В четыре часа утра энергия не бьет из меня ключом, – ответил Эллери. – Что-нибудь еще нашли?

– Пока нет. – Инспектор разразился потоком проклятий, словно ожидал сына, чтобы излить душу. – Кое-кому за это достанется! Я ведь приказал не выпускать Берни Фокса из виду!

– Как и когда ему удалось ускользнуть от слежки?

– Кто может знать когда, если мы не знаем как? Вероятно, по крыше соседнего здания. Вели поместил людей впереди и позади дома, а крышу оставил без присмотра. Я с него шкуру спущу!

– Разве не ты постоянно жалуешься на нехватку людей в твоём управлении? – сказал Эллери. – Вели слишком опытен, чтобы так оплошать. Значит, ему просто было некого ставить на крышу.

Инспектор что-то буркнул в усы. Он знал, что его сын прав – вся беда в нехватке персонала. Впрочем, ему очень хотелось добавить, что во всем виноват сам Эллери – прежде всего в том, что затащил его в Райтсвилл.

– Что-что? – Задумавшись, старик не расслышал слов сына.

– Я сказал, – повторил Эллери, – что это может быть совпадением.

– Опять?

– Фокс якшался с плохими парнями с юности. Кто знает, сколько врагов он себе нажил? Держу пари, ты найдешь их в каждом закоулке. Возможно, папа, его убийство не имеет отношения к делу Бенедикта.

– Может быть.

– Но ты этому не веришь?

– Не верю. И ты тоже.

Возле освещенного участка началась какая-то суета. Внезапно в свете прожекторов появилась массивная фигура сержанта Вели, держащего правой рукой левый локоть Марши Кемп. Благодаря внушительным габаритам рыжеволосой женщины сержант казался человеком обычного размера.

Инспектор поспешил к ним; следом поплелся толком не проснувшийся Эллери.

– Сержант Вели сообщил вам, что произошло, миссис Фокс? – спросил старик.

– Только то, что Берни мертв. – Марша казалась скорее ушедшей в себя, чем убитой горем. Возможно, это было результатом шока, но Эллери так не думал. На ней были голубая рубашка, просторные слаксы и короткая кожаная куртка, накинутая на плечи. На щеках виднелись следы крема, а голова была обмотана полотенцем на манер тюрбана. Она старалась не смотреть на группу полицейских. – Как это случилось, инспектор Квин?

– Его ударили ножом.

– Ударили ножом? – Женщина быстро заморгала. – Вы хотите сказать, убили?

– Будь он японцем, это могло быть харакири, – сердито отозвался инспектор. – Да, миссис Фокс, пырнули ножом, который убийце хватило наглости бросить на тело, – он настолько обычный, что отследить по нему владельца невозможно. Вы намерены опознать вашего мужа?

– Да. – Таким тоном Марша могла бы произнести: «Конечно, что за глупый вопрос?»

Они подошли к группе детективов из отдела убийств участка Северного Манхэттена, к которому относился Центральный парк. Полицейские расступились, и вдова устремила взгляд на покойного супруга, как показалось Эллери и его отцу, без колебания, страха, отвращения или каких-либо иных эмоций. Возможно, причина заключалась в свойственной ей сдержанности или в том, что жертва не выглядела пугающе. Врач-судмедэксперт прикрыл все, кроме головы, и закрыл глаза и рот убитого после того, как фотограф сделал снимки.

– Да, это Берни, – сказала Марша. Посмотрев на труп полминуты почти с любопытством, она наконец отвернулась. – Теперь я могу идти, инспектор Квин?

– Вы не могли бы ответить на пару вопросов, миссис Фокс? – вежливо осведомился старик.

Женщина молча пожала плечами.

– Когда вы видели вашего мужа последний раз?

– Мы пообедали дома около половины восьмого или восьми. Я неважно себя чувствовала, поэтому сразу легла спать.

– Вот как? И вы не вызывали врача?

– Это было не такого рода недомогание, инспектор. Со мной такое регулярно раз в месяц.

– И больше вы его не видели?

– Нет. Я приняла таблетку и сразу заснула.

– Значит, вы не знаете, когда он ушел?

– Нет. Вы уже задали пару вопросов, инспектор, а у меня колики.

– Еще одна пара, и вы свободны. Берни говорил вам вчера вечером, что собирается с кем-то встретиться или куда-то пойти?

– Нет.

– У него были какие-нибудь неприятности?

– Не знаю. Берни не говорил о своих делах.

– Даже с вами?

– Со мной особенно. Как-то он сказал мне: «Чем меньше ты будешь знать, тем тебе будет

спокойнее».

– Кто мог хотеть убить его, Марша? – заговорил Эллери.

Она вздрогнула, вероятно забыв или вовсе не зная о его присутствии.

– Не могу никого припомнить.

– Он мог не уплатить проигрыш? – предположил инспектор. – Или не поладить с кем-то из компаньонов по игре?

Марша покачала головой:

– Право, не знаю.

– И у вас нет никаких предположений, почему его убили?

– Абсолютно никаких.

– О'кей, миссис Фокс. Вели, отведи ее домой... нет, подожди минуту. – Инспектор отвел в сторону молодого ассистента доктора Праути. Эллери подошел к ним. – Каков вердикт, док?

– На основании предварительного обследования я определяю время смерти как два часа ночи плюс-минус полчаса.

– Есть причины предполагать, что смерть вызвана не ударом ножа?

– Разве вы не видели его живот? – отозвался молодой врач. – Хотя, конечно, полностью мы будем уверены после вскрытия.

– И больше ничего?

– Абсолютно. А у вас?

– Пока то же самое. Если хотите знать мое мнение, док, мы не найдем и сломанного стебелька. Убийца, которому хватило хладнокровия оставить нож на теле, не станет терять портсигар с монограммой.

– Мы можем идти, инспектор? – спросил сержант Вели.

Старик кивнул, и Вели увел вдову. Врач тоже удалился.

– Она лгала не моргнув глазом, – сказал Эллери.

– В тебе говорит мужская интуиция? – осведомился инспектор.

– Я сын своего отца. Ты ведь тоже ей не поверил.

– Да. Она что-то знает, Эллери.

– Мы пришли к единому мнению, несмотря на разницу поколений. Что привело вас к такому выводу, инспектор Квин?

– Марша не из тех женщин, которым мало известно о делах супруга. Она долгое время работала в Вегасе, знает эту публику и наверняка обеспечила себе власть над Лисом.

– Я тоже так думаю. Непонятно лишь то, почему Марша вообще вышла за него замуж. – Эллери посмотрел вслед удаляющейся паре. – Могла любовь завести так далеко?

– Не знаю. А если знал, то забыл.

– Я бы держал ее на коротком поводке, папа.

– Вели об этом позаботится. Мы будем знать все, что она делает и с кем общается.

– А как насчет Одри, Элис и Эла Марша?

– Их алиби проверят немедленно. – Инспектор поежился. – Я замерз и устал, сынок. Старость не радость.

– Спал всего два часа и жалуется, что замерз и устал! – обратился Эллери к деревьям Центрального парка. – Действительно, одряхлел. Пошли, дедуля, отведу тебя домой и уложу в кровать.

– И приготовишь горячий пунш? – с надеждой спросил инспектор.

– И приготовлю горячий пунш.

* * *

К утру пятницы из офиса судмедэксперта поступил рапорт о вскрытии, а к вечеру была проверена маленькая армия подозреваемых. Одри Уэстон наконец получила роль – правда, не на Бродвее – в пьесе под заманчивым названием «Оргия» и, по ее словам, всю ночь с четверга на пятницу провела дома одна, работая над ролью. Подтвердить это, естественно, никто не мог. Элис Тирни, как выяснилось, находилась в Нью-Йорке, а не в Райтсвилле, остановившись в отеле в центре города в четверг. Она объяснила, что приехала на Манхэттен с целью повидать Эла Марша по поводу

завещания Джонни-Би. «Я вела машину, поездка была долгой, поэтому я легла спать очень рано», – сообщила мисс Тирни. Перед сном она пыталась связаться с Маршем по телефону, но безуспешно. (Ее звонок был зарегистрирован в отеле и подтвержден Эстебаном.) Марш провел бурную ночь в городе (согласно отчету, он пребывал в скверной форме). Его компаньонкой была ослепительная шоу-герл, начавшая карьеру на центральном развороте «Плейбоя» и теперь назначавшая свидания миллионерам. Однако на дискотеке, пользующейся дурной славой, она променяла Марша на итальянского кинорежиссера; в пятницу утренние газеты со вкусом описывали, как он пробил широким задом турецкий барабан, получив удар правой в солнечное сплетение, после чего Марш в одиночестве продолжил поход по значным местам. Эстебан уложил его в кровать около половины четвертого. Попытка отследить его курс по барам ночного Манхэттена оказалась весьма неудовлетворительной.

– Совсем как в одной из твоих книг, – ворчал инспектор Квин. – Мы думали, что хотя бы у одного из подозреваемых имеется алиби, которое позволит исключить его или ее. Но нет – Лис Фокс был убит между половиной второго и половиной третьего ночи, и ни один из троих не может подтвердить их местопребывание...

– Его местопребывание, – машинально поправил Эллери.

– ...поэтому мы вернулись туда, с чего начали. Может, ты был прав, Эллери.

– Прав? В чем? Не могу ничего припомнить.

– Насчет того, что убийство Фокса, возможно, не связано с делом Бенедикта.

– Чепуха.

– Ты сам об этом заговорил!

– Нужно же хоть чем-то прикрыть срам, – отозвался Эллери и снова начал тянуть себя за нос.

Недавно он тщетно предавался любимому упражнению, пытаясь разгадать тайну кражи предметов туалета у Одри Уэстон, Марши Кемп и Элис Тирни. Теперь все это казалось древней историей, и Эллери начинал чувствовать себя как неадекватно оснащенный археолог, но тем не менее тайно продолжал раскопки в своей голове, куда больше никто не мог проникнуть.

* * *

– Знаете, – сказал Эллери маленькой Лесли Карпентер, – если бы я не познакомился с вами в процессе расследования, то попросил бы вас о свидании.

– Что за ужасные вещи вы говорите!

– Ужасные?

– Вы намекаете, что я одна из подозреваемых в убийстве Джонни.

– Я только декларирую принцип, – объяснил Эллери, наслаждаясь купанием в теплых голубых водах ее чудесных глаз. – Вступать в личные отношения с человеком, которого встречаешь в ходе расследования, – дурная политика. Она путает мысли, поднимая волны там, где требуется мертвый штиль. Кстати, вы сами считаете себя подозреваемой в гибели Джонни?

– Конечно нет! Я говорила о вас.

– Давайте лучше поговорим о вас. Знаете, я никогда не думал, что смогу увлечься коротышкой.

– Вы тоже не красавец, Эллери Квин!

Они сидели в приемной офиса Эла Марша, ожидая Одри Уэстон. Марш пытался избавиться от клиента, превысившего отведенное ему время. Рядом беспокойно ерзал на стуле инспектор Квин, жуя индийские орехи вместо ленча.

Эллери собирался с головой окунуться в голубые воды, когда клиент нехотя удалился. Марш позвал Лесли и Квинов в свой кабинет.

– Что все это значит, мистер Марш? – осведомился инспектор. – Мне кажется, я провожу больше времени в вашем офисе, чем в своем.

– Все дело в Одри, как я объяснил Эллери по телефону. – Марш повернул полку с юридическими книгами, и она превратилась в бар. – Доказательство, что закон не всегда так сух, как кажется. Кто-нибудь хочет выпить? Я обычно не пью в рабочее время – мисс Смит этого не одобряет, – но думаю, что сегодня могу сделать исключение, так как еще толком не пришел в себя после той бурной ночи с четверга на пятницу. – Он налил себе виски. – Рекомендую ирландское, инспектор.

– Я на службе, – сердито отозвался старик.

– А я нет, – сказал Эллери.

– Лес?

– Нет, спасибо, – вздрогнув, ответила наследница Бенедикта.

– Я имею в виду, – продолжал Эллери, – что в моей работе нет строгих ограничений. Ирландское с содовой, Эл. Ты знаешь, что виски изобрели ирландцы? Англичане не знали о нем до двенадцатого века, когда ребята Генриха II вторглись на зеленый остров и вернулись оттуда с несколькими украденными бочками. Благодарю вас, сэр. За ребят Генриха II. – Сделав большой глоток, Эллери спросил: – Ну и что хочет Теллула?

– Если ты имеешь в виду Одри, то собрание организовала не она, а я. – Марш зажег ментоловую сигарету. – Я раскопал кое-какую информацию в связи с претензиями на сыновние права ее ребенка. Пока мы ждем... Вы знали, что Элис Тирни в городе?

– Да, – мрачно отозвался инспектор. – Она действительно приехала в Нью-Йорк, чтобы повидаться с вами?

– Сегодня понедельник... Я виделся с ней в пятницу, инспектор, – сказал адвокат, – но не сообщил вам, зная, что встречу с вами сегодня.

– Надеюсь, ты не собираешься сослаться на «конфиденциальное дело между адвокатом и его клиентом»? – осведомился Эллери.

– Все нет. Мисс Тирни имела наглость заявить, что Джонни пообещал ей в подарок райтсвиллское поместье.

– О боже! – воскликнула Лесли. – Похоже, она пришла в отчаяние.

– Насколько я понимаю, доказательств у нее нет?

– Ты прав, Эллери. Ей нечем подтвердить свою невероятную историю. Я вежливо попросил ее не тратить свое и мое время... Да, мисс Смит?

Оказывается, прибыли мисс Уэстон и Сэнфорд Эффинг. Блондинка нервничала, а Эффинг щурился и принимался, как ищейка в поисках следа. Когда они сели, Марш (успев до их прихода снова превратить бар в книжную полку) распорядился:

– Записывайте все, мисс Смит. Ваш магнитофон при вас, Эффинг? Отлично. Я провел расследование претензий вашей клиентки на то, что у нее есть ребенок от Джона Леверинга Бенедикта Третьего, которого она отдала для усыновления.

– И узнали, что ее претензии обоснованы? – осведомился адвокат Одри.

– Узнал, что они ложны. Да, существовал и существует ребенок мужского пола по имени Дейви Уилкинсон – я располагаю и его теперешней фамилией, но не стану ее называть, оберегая его покой, – но Дейви не сын Джона Бенедикта.

– Сын! – крикнула Одри.

– Позвольте мне, мисс Уэстон, – снова вмешался Эффинг. – Моя клиентка утверждает, что отец ее ребенка – Джон Бенедикт, а она должна это знать.

– Должна, но в данном случае мисс Уэстон, похоже, напутала. У меня есть дата рождения Дейви, полученная в больнице, где он появился на свет. Это произошло спустя одиннадцать месяцев и три дня после даты развода. Таким образом, это невозможно физически. Думаю, мистер Эффинг, вы должны согласиться, что продолжать это не имеет смысла. Конечно, если этим не хочет заняться инспектор Квин.

– Если вы подразумеваете, что имела место попытка мошенничества, – ледяным тоном произнес Сэнфорд Эффинг, – то я возмущен инсинуацией не только по поводу мисс Уэстон, но и по поводу меня, как адвоката. Я бы не взялся за это дело, если бы не имел всех оснований верить, что права моей клиентки полностью обоснованы. Конечно, она поступило неразумно, настояв...

– На чем настояв, Эффинг? – спросил Марш.

– На датах. Пожалуйста, мисс Уэстон, объясните ситуацию с датами. У вас нет выбора.

Одри начала ломать руки.

– Я не хотела, чтобы кто-то знал... Это все равно что раздеваться на публике...

– Для скромности несколько поздно, мисс Уэстон, – сурово произнес Эллери.

– Я сказала, что мы были близки последний раз перед разводом, так как стыдилась признать, что у нас с Джонни был секс несколько раз после... – Глаза цвета вод Северного моря начали грозить штормом. – Но это правда. В основном это происходило в моей квартире, а однажды в его автомобиле... о, мне так стыдно! Во время одной из этих интимных встреч был зачат Дейви. Мой

бедный малыш... – Море разбушевалось, утопив надежды Эллери, что блондинка добавит традиционное заключение «лишенный отца».

Атмосфера в кабинете сгущалась. Даже мисс Смит, чей рот имитировал рыбий, когда она стенографировала процедуру, закрыла его и плотно сжала губы.

Марш позволил норд-осту угомониться.

– Одри, если твой адвокат не говорил тебе этого, придется сказать мне, хотя бы ради прежних времен. Даже если ты можешь доказать, что у вас с Джонни после развода продолжались сексуальные взаимоотношения, это не подтверждает, что он отец твоего ребенка. Ты это знаешь, а если нет, то, безусловно, знает мистер Эффинг. По-моему, ты просто выдумала историю о вашем послеразводном коитусе и прочем. Я уверен, что Джонни рассказал бы мне, если бы он спал с тобой, когда вы уже развелись. Судя по некоторым фактам, которые он мне сообщил и которые я не стану разглашать, если ты меня не вынудишь, твоя история в высшей степени подозрительна. Она просто не соответствует его чувствам к тебе – особенно сексуальным.

– У вас нет права судить об этом при наличии стольких фактов! – вскричал адвокат Одри.

– У меня есть право на личное мнение, Эффинг. Но оно станет профессиональным, если вы не предъявите юридических доказательств заявления вашей клиентки, что мистер Бенедикт был отцом ее ребенка.

– Ты еще не знаешь, чем это кончится, вонючий стряпчий! – огрызнулась Одри. Теперь она напрочь забыла о сцене, став Арлен Уилкинсон.

Эффинг поспешно выпроводил ее и вышел следом.

– Скверно, – промолвил Эллери. – Очень скверно.

– А по-моему, все обернулось отлично, – сказал Марш. – Особенно для старушки Лес.

– Я говорю о спектакле, устроенном Одри.

– Я не могу не испытывать жалость к бедняжке, – сказала Лесли. – Можете называть меня мещанкой, но она мать...

– Мать, которая пытается играть нечисто, – сухо заметил Марш.

– Ты не можешь это знать, Эл. Возможно, Джонни...

– Никаких шансов, дорогая. Тебе нужно наследство или нет? Я думал, у тебя сотня прогрессивных планов насчет денег.

– Так оно и есть! – Голубые глаза сверкнули. – Что я хочу сделать прежде всего...

– Прошу прощения, мисс Карпентер. – Инспектор поднялся. – У Главного полицейского управления Нью-Йорка сотня прогрессивных планов насчет моей службы. В дальнейшем, мистер Марш, я сам буду звонить вам. О'кей? Ты идешь, Эллери?

– Иди один, папа, – отозвался Эллери. – У меня самого достаточно прогрессивных планов. Могу я проводить вас домой, Лесли? Или куда вы направляетесь?

* * *

Но инспектору Квину не удавалось сбросить со своих плеч тяжелое бремя дела Бенедикта. Выявленные нити приводили в никуда – его персонал увяз в расследовании убийства Фокса, путаясь во врагах покойного мужа Марши Кемп, имя которым, как и можно было предвидеть, оказался легион. Старик надеялся, что дело выдохнется само по себе и он сможет вновь отрабатывать свое жалованье на службе городу Нью-Йорку.

Кроме того, сосуществование с Эллери в эти дни стало поистине невозможным. Он бродил взад-вперед с диким, остановившимся взглядом, как наркоман во время ломки, что-то бормоча себе под нос. Когда инспектор спрашивал сына, что его беспокоит, тот лишь молча качал головой. Впрочем, один раз он ответил более-менее связно:

– Женская одежда и кое-что еще. Но я никак не могу вспомнить это «кое-что». Ты ведь тоже это видел, папа. Может, ты постарайся вспомнить?

Но инспектор уже не слушал его:

– Почему бы тебе снова не пойти куда-нибудь с Лесли Карпентер? Кажется, девушка – подходящее лекарство для тебя.

– Ничего себе повод для свидания! – сердито буркнул Эллери. – Как будто мне ее прописал врач!

Так обстояли дела, когда на Сентр-стрит позвонил шеф Ньюби. Инспектор тут же набрал номер

домашнего телефона:

– Эллери? Мы должны немедленно ехать в Райтсвилл.

– Зачем? Что случилось? – зевая, спросил Эллери, который провел увлекательный вечер, допоздна обсуждая с Лесли способы экономического решения проблемы старения городов.

– Только что оттуда звонил Ньюби. По его словам, он раскрыл тайну света, который старик Ханкер видел в доме Бенедикта.

– Да? Ну и каков ответ? В проводке завелись мыши?

Инспектор сердито фыркнул.

– Ньюби не стал объяснять. Он казался раздраженным тем, что здесь происходит, вернее, тем, что не происходит. Похоже, ему кажется, что мы им пренебрегаем. Он просто сказал, что если нас интересует его открытие, то мы знаем, где его искать.

– Не похоже на Анса, – заметил Эллери.

Впрочем, что он знал об Анселме Ньюби или о ком-либо еще, если на то пошло? Жизнь всего лишь сон и так далее.

Они сошли с самолета поздно вечером в воскресенье и не обнаружили встречающую их полицейскую машину.

– Разве ты не уведомил Ньюби, каким самолетом мы прибываем? – спросил инспектор Квин.

– Я думал, ты это сделал.

– По крайней мере, Ньюби не игнорирует нас намеренно. Такси!

Шефа на работе не оказалось, и дежурный позвонил ему домой. Инспектор подумал вслух, что он довольно долго добирается до места службы. Приветствие Ньюби звучало вежливо, но холодновато.

– Я еще не решил, что с ней делать, – сказал шеф. – С одной стороны, я не вижу никаких преимуществ, обвинив ее...

– Обвинив кого? – прервал инспектор Квин. – О ком вы говорите?

– Разве я не сказал вам? – спокойно отозвался Ньюби. – Прошлой ночью мой подчиненный застучал в доме Бенедикта Элис Тирни. Это она включала свет среди ночи. История ее выглядит абсолютно неправдоподобной. Откровенно говоря, я не уверен, что она не свихнулась.

– Какая история, Анс? – спросил Эллери. – Вы держитесь чертовски загадочно.

– Если так, прошу прощения. Может, вам лучше услышать все непосредственно от нее? Джо, позвони мисс Тирни и, если она дома, попроси ее сразу же приехать в управление – Квины хотят с ней побеседовать. Если ее нет, попытайтесь отыскать.

– Почему бы нам не отправиться к ней? – предложил Эллери. – Возможно, это лучшая тактика.

– Она придет, – мрачно произнес Ньюби. – После чепухи, которую наплела мне Элис Тирни, она у меня в долгу.

Элис вошла через пятнадцать минут.

– Когда Квины приказывают, остается только повиноваться, – холодно заговорила она. Эллери показалось, что Элис немного выпила. – А вам, шеф, после прошлой ночи не обязательно вскакивать, демонстрируя свою вежливость.

– Мисс Тирни, вы были пойманы за нарушением границ частного владения. Чего вы ожидали от полицейского Барлоу – что он вам ручку поцелует? Я могу обвинить вас в насильственном проникновении в дом Бенедикта!

Из них двоих Ньюби выглядел возбужденным куда сильнее. Эллери догадался о причине. Элис Тирни была скромной райтсвиллской девушкой из добропорядочной райтсвиллской семьи. Таких девушек не ловят среди ночи рыскающими в пустых чужих домах. Как и большинство провинциальных шефов полиции, Ньюби стоял на страже интересов среднего класса. Впрочем, Элис тоже не казалась благодушной. Ее обычно спокойные глаза сердито сверкали. Она излучала враждебность.

– Садитесь, Элис, – сказал Эллери. – Нет причин, по которым мы не могли бы обсудить все без фейерверков. Почему вы проникли в дом Джонни, рассчитывая, что вас не увидят? Что вы искали?

– Разве шеф Ньюби вам не рассказал?

– Мы только что прибыли.

Пожалуйста, сядьте. Элис фыркнула, потом вскинула голову и заняла предложенный стул.

– Полагаю, вам уже известно, что я рассказала Элу Маршу о торжественном обещании, которое дал мне Джонни? Что он оставит мне поместье в Райтсвилле?

– Марш говорил нам об этом, – кивнул инспектор.
– А он рассказал, что фактически рассмеялся мне в лицо?
– Вы ожидали, мисс Тирни, – осведомился старик, – что адвокат, занятый охраной состояния покойного клиента, воспримет серьезно подобное заявление, абсолютно ничем не подтвержденное, кроме ваших слов?

– Я не стану спорить ни с вами, ни с кем-либо еще, инспектор Квин. Но я уверена, что существует доказательство.

– Какое именно?

– Записка Джонни, в которой он завещает поместье мне. Он отлично ладил со мной во время нашего брака, – по его словам, куда лучше, чем с Одри и Маршей. Право, не понимаю, почему Джонни со мной развелся! Он часто говорил мне, как ценит мою заботу о нем после автомобильной аварии и как собирается оставить мне райтсвиллскую недвижимость – помимо нашего первоначального соглашения. Естественно, я ожидала, что он сделает это в своем завещании. Но так как этого не произошло, я убеждена, что он упомянул это в каком-то другом документе, который спрятал где-то в большом доме.

Я знала, что никто мне не поверит, и не хотела обращаться к Элу Маршу. Вот почему я ничего не говорила об этом, когда обсуждали завещание, и искала бумагу сама среди ночи.

Элис впервые повысила голос:

– Она нужна мне! Мои еженедельные выплаты прекращены, Джонни не оставил мне крупную сумму, и я должна спасти хоть что-то! Он собирался оставить поместье мне, оно мое, и я намерена его получить!

Эллери пришло в голову, что Элис Тирни вовсе не тот крахмальный ангел милосердия, каким она ему казалась. Люди, приученные профессией или привыкшие от природы сдерживать свои эмоции, под влиянием стресса часто выплескивают их наружу, и, похоже, Элис была готова взорваться.

– Мои люди и я обыскали весь дом, – устало произнес шеф Ньюби. – Вы не можете рассчитывать найти там то, чего не нашли мы, мисс Тирни.

– Как насчет гостевого коттеджа? – предположил Эллери. – Есть шанс, что Джонни что-то припрятал там, Анс?

Ньюби покачал головой:

– Барлоу и я сегодня обыскали коттедж. Там ничего нет.

– А если Марш нашел что-то подобное в бумагах Бенедикта, – сказал инспектор Квин, – он должен был бы упомянуть об этом.

– Полагаю, мне следует с ним побеседовать... Возможно, это лучше сделать вам, инспектор, – добавил Ньюби с надеждой во взгляде. – Знаете, Нью-Йорк... – Как если бы остров Манхэттен был личным владением Ричарда Квина.

Инспектор позвонил Маршу домой, где тот, судя по звукам на другом конце провода, принимал гостей. По словам отца, Эллери понял, что Марш не слишком доволен помехой. Инспектор с мрачным видом положил трубку.

– Марш говорит, что такой бумаги нет среди вещей Бенедикта, иначе он немедленно сообщил бы нам о ней. Он рассердился, что я вообще спросил его об этом. Вдруг стал чувствительным.

– Это не похоже на Эла Марша, которого я знал, – заметил Эллери. – Может, он влюбился?

– В таком случае какой-то девушке повезло, – с горечью промолвила Элис. – Помимо его чертовой профессиональной этики, Эл чудесный парень. Он никогда не пообещал бы девушке того, о чем потом бы забыл.

– Я тоже собираюсь об этом забыть и советую вам поступить так же, мисс Тирни, – сказал Ньюби. – Я ни в чем вас не обвиняю, так что вы свободны. – Он поднялся. – Вы приехали на своей машине или хотите, чтобы кто-нибудь из моих ребят подбросил вас домой?

– Благодарю вас, как-нибудь обойдусь.

– Это было большим «ничего», – заметил инспектор Квин, когда Элис удалилась.

– Сожалею, джентльмены, что вызвал вас сюда, – сказал шеф.

– Я не это имел в виду! Слушайте, Ньюби, мы, кажется, встали не с той ноги...

– Я просто думал, инспектор, что вам лучше лично побеседовать с ней – вот и все.

– И были совершенно правы. Если бы полицейская работа была успешной на сто процентов, что было бы в ней забавного?

– Очень многое, – усмехнулся Ньюби, и они обменялись рукопожатиями.

* * *

Было слишком поздно, чтобы заказывать авиабилеты до Бостона и Нью-Йорка, поэтому Квины перешли пустынную в воскресный вечер площадь и остановились на ночь в отеле «Холлис». Они купили в табачном ларьке зубные щетки и пасту, умылись и спустились в ресторан. Кроме них, там было всего шесть человек, фирменное блюдо (которое, как Эллери знал по опыту, было единственным съедобным в меню) уже закончилось, и им пришлось довольствоваться двумя пережаренными стейками – кушаньем, с которым вставные челюсти инспектора не могли справиться.

Вернувшись в номер, они едва успели снять ботинки, как зазвонил телефон.

– Вот тебе демонстрация моего дедуктивного мышления, – сказал Эллери, поднимая трубку. – Это Ньюби. Кто еще знает, где мы?

Это действительно оказался Ньюби.

– Если вы разделитесь, одевайтесь, а если нет, оставайтесь одетыми. Я подберу вас у входа в «Холлис» через две с половиной минуты.

– Что теперь, Анс?

– Тирни снова в седле. Барлоу только что заметил, как она пробралась в поместье Бенедикта, и сразу позвонил.

– Знаете, что делает эта чокнутая? – воскликнул молодой полицейский, ожидавший их у дома Бенедикта за кустом рододендрона. – Пытается вломиться в каменный домик, где похоронен Бенедикт. Я бы остановил ее, шеф, но вы велели ничего не предпринимать до вашего приезда...

– В мавзолей? – спросил Эллери, и они побежали, возглавляемые Барлоу, который освещал дорогу фонарем.

Это напоминало сцену в безлунную ночь из «Грозового перевала».⁵⁴

Элис Тирни уже вскрыла ломом дверь мавзолея и находилась внутри, среди увядших цветов, при свете керосиновой лампы борясь с крышкой бронзового гроба. Барлоу и Эллери с трудом оттащили ее, Ньюби пришлось прийти им на помощь.

– Пожалуйста, Элис, не делайте ничего подобного, – пропыхтел Эллери. – Будьте хорошей девочкой и успокойтесь. Мы можем выйти наружу и все обсудить...

– Пустите меня! – завопила она. – Я знаю свои права! Он обещал мне! Записка должна быть в гробу! Больше ей негде находиться...

Ее лицо стало неподвижным, как маска; взгляд был нечеловеческим.

Полицейский Барлоу скинул синюю куртку, и они завернули в нее Элис, как в импровизированную смирительную рубашку, связав рукава за спиной.

Четверо мужчин понесли ее из мавзолея на верхушке холма через луг к полицейской машине. Шеф связался по радио с полицейским управлением, приказав вызвать в поместье скорую помощь из больницы. Потом они положили Элис на землю и стали ждать.

Разговоров было мало. Вопли все равно заглушили бы их.

* * *

Май тянулся медленно, ни к чему не приводя.

* * *

Процесс охоты за неуловимой Лорой спотыкался все чаще и наконец остановился вовсе. Кем бы ни была таинственная женщина, упомянутая в завещании Джонни Бенедикта, она либо нашла убежище в пещере на вершине горы, либо решила не впутываться в дело об убийстве.

⁵⁴ «Грозовой перевал» – роман английской писательницы Эмили Бронте (1818–1848).

– В таком случае, – заявил Эллери, – Джонни не женился на ней, как мы и предполагали. Объявившись, она не получила бы ничего, кроме огласки, которой, по-видимому, хотела избежать.

– Если не... – начал инспектор и тут же умолк.

– Если не что, папа?

– Ничего. В эти дни у меня в голове вертятся самые нелепые мысли.

– Ты имеешь в виду, если Лора не убила Джонни по мотиву, который нам еще неизвестен?

– Я же говорил тебе, что это нелепо.

– Может, не так уж нелепо. Это объясняло бы, почему она не объявляется... Хотел бы я знать, – простонал Эллери. – Тогда я мог бы заняться работой.

Роман, над которым он трудился, пребывал в таком же состоянии, как старый телесериал, который намертво застопорился, несмотря на то что отведенное ему время угрожающе сокращалось.

Премьера «Оргии» состоялась в переделанной для этой цели пиццерии на Бликер-стрит, заслужив уничтожающую рецензию в «Пост», серию остроумных рецензий в «Ньюс», полное молчание «Тайме» и восторженную рекламу в «Виллидж Войс». Все подробно описывали сцену обнажения в третьем акте («Войс» особо превозносил прелести мисс Уэстон, очевидно оставившие далеко позади чары остальных дам, участвовавших в сцене). Дальнейшие спектакли шли при аншлаге. Мисс Уэстон, интервьюируемая одной из газет Ист-Виллидж, заявила следующее: «До сих пор я считала делом профессионального и личного достоинства отказываться от ролей, требующих появляться обнаженной. Но постановка Али-Баба – совсем другое дело, доогой. Она ярко выделяется на фоне унылого театрального сезона. («Еще бы! – ехидно комментировал интервьюер. – Воняет за милую, как тухлая рыба!») Я горжусь, что участвую в ней, в одежде или без». («Лучше останьтесь дома и попросите вашу цыпочку показать стриптиз, – советовал в заключение интервьюер. – Это вам дешевле обойдется».)

Марш больше не слышал ни от мисс Уэстон, урожденной Арлен Уилкинсон, ни от ее адвоката Сэнфорда Эффинга заявлений насчет предполагаемого отцовства Джонни-Би по отношению к Дейви Уилкинсону – младенцу, фамилия усыновителей которого по-прежнему не разглашалась. Марш, Квины и помощник окружного прокурора сошлись во мнении, что вышеупомянутый адвокат Эффинг должен объяснить своей клиентке: 1) что у нее нет ни единого доказательства, с которым можно было бы обратиться в суд; 2) что, даже если бы ей это удалось, у нее не хватит средств финансировать длительную тяжбу (в основном имея в виду гонорар адвокату). Ибо единственным источником дохода мисс Уэстон в эти дни было жалование за участие в «Оргии».

Дело Элис Тирни неожиданно приняло благоприятный оборот. По ее виду и поведению воскресной ночью в мавзолее Бенедикта Эллери мог бы поклясться, что она безнадежно свихнулась – в палатах психиатрических лечебниц ему приходилось видеть сумасшедших с такими же побелевшими губами и диким взглядом. Но в психиатрическом отделении райтсвиллской больницы Элис стала поправляться удивительно быстро. Две недели она провела в зарешеченной палате под наблюдением доктора П. Лэнгстона Миникина, главного психиатра больницы, после чего ее перевели еще на две недели в лечебницу Конхейвена, а потом выписали под опеку родителей и старшей сестры Маргарет – тоже дипломированной медсестры. Доктор Миникин диагностировал Элис как шизофреническую личность, но сам эпизод считал истерическим припадком, вероятно единичным, который может повториться лишь при очень сильном внешнем воздействии.

– Сейчас Элис, похоже, примирилась с тем фактом, что Бенедикт либо забыл о своем обещании, либо передумал – во всяком случае, не оставил никаких письменных свидетельств своего намерения о передаче ей поместья после его смерти, – сказал доктор Миникин шефу Ньюби. – Конечно, она возмущена, что он, по ее мнению, так скверно с ней обошелся, но удивительно быстро приспособилась к ситуации. Не думаю, что Элис снова начнет рыскать по поместью. Конечно, она может вытворять что-нибудь другое, но не это. – Последняя фраза, которой доктор обезопасил себя, отнюдь не способствовала душевному покою Ньюби.

Но по-настоящему удивительным событием месяца стало сообщение, что Марша Кемп Бенедикт Фокс собирается обзавестись четвертой фамилией.

Поразительным был не столько сам факт бракосочетания в наш век неоднократных повторных браков, сколько личность счастливого жениха. Эллери с трудом верил своим глазам, читая рапорты подчиненных отца и их подтверждения в колонках сплетен и светских новостей.

У рыжеволосой леди из Лас-Вегаса был роман с Элом Маршем!

– Не то чтобы это меня касалось, – сказал Эллери во время обеда втроем в уединенном ресторане Ист-Сайда однажды вечером в конце мая, – но как, во имя Купидона, это произошло?! Я никогда не замечал между тобой и Маршей ни малейших признаков романтического интереса. Напротив, мне казалось, вы друг другу не симпатизируете.

Марша протянула руку, и Эл сжал ее.

– Со временем учишься скрывать истинные чувства, – улыбнулся Марш. – Особенно когда являешься адвокатом в треугольнике.

– В треугольнике? – переспросил Эллери. – Ты и Марша за спиной у Джонни?..

Улыбка Эла Марша стала еще шире.

– Едва ли, – сказала Марша. – Теперь я поняла, что из Эла вышел бы отличный актер. Я думала, он меня терпеть не может, поэтому не оставалась в долгу. Вы ведь знаете, каковы мы, женщины.

– Я не мог становиться между Маршей и Джонни как по личным, так и по профессиональным причинам, – добавил Марш. – Свои чувства мне пришлось засунуть так глубоко, что я едва знал о них, иначе женился бы на Марше вскоре после того, как Джонни развелся с ней. Ты ведь знаешь, что он познакомился с Маршей через меня. Я был влюблен в нее, а для Джонни это был всего лишь брак по расчету.

Рыжеволосая женщина стиснула его руку.

– Конечно, прошло всего несколько недель после смерти Берни, но этот брак был, так сказать, с голодухи. Я была подавлена после развода с Джонни, а Берни знала еще в Вегасе, и ты должен согласиться, что он был чертовски сексапилен...

– Тебе не за что извиняться, дорогая, – сказал Марш. – Это была ошибка, Эллери, и мы с Маршей больше не видим причин тратить зря время. Десерт, малышка? – спросил он, когда подошел официант.

– Ни в коем случае! Невеста должна думать о фигуре, особенно когда она сложена как мост Джорджа Вашингтона.

Дальнейшие вопросы явно были тщетными, и Эллери сдался.

Бракосочетание состоялось в узком кругу в двойной квартире Эла Марша на Саттон-Плейс – даже дату скрывали от прессы. Приглашенным друзьям Марша – невеста заявила, что у нее нет друзей, которым она могла бы доверять, – было велено помалкивать и потихоньку явиться в квартиру в два часа дня в воскресенье 7 июня. В последний момент Марша решила пригласить Одри Уэстон и Элис Тирни («Я знаю, что веду себя как стерва, но хочу видеть их физиономии, когда нас с Элом окрутят!»). К ее досаде, Элис отказалась под предлогом недавней болезни, а Одри даже не удосужилась ответить. Единственными другими гостями были Лесли Карпентер, мисс Смит и Квины.

Брачный узел завязал судья Марасконьи из Верховного суда штата – старый друг семьи Марш. Эллери испытал облегчение, когда его представили судье – услышав, что церемонию будет проводить судья, он почти ожидал появления старого судьи Мак-Кью, чья аналогичная роль в свадьбе, увенчавшей его предыдущее расследование, завершилась на катастрофической ноте.⁵⁵ Но на сей раз вершитель брака прибыл, исполнил свои обязанности и удалился без всяких катаклизмов.

Все началось минут через сорок пять.

До того были обычные для подобных мероприятий шаблонные фразы («Ведь сейчас июнь? Значит, она июньская невеста!»), веселье «июньской невесты», когда кто-то воскликнул после первого тоста: «Теперь вас зовут Марша Марш! Как оригинально!», передразнивание речевых дефектов судьи Марасконьи, произносившего вместо «Марша» «Марфа», словно жених вступал в брак с совсем другой женщиной, увеличивавшего в своей речи количество шипящих и свистящих согласных раз в сто, незаметное поглощение мисс Смит шампанского своего босса, в результате чего она буквально солила свой бокал слезами, которыми оплакивала гибель надежд (какая личная секретарша мужчины с внешностью «ковбоя Мальборо» не испытывала бы втайне подобные надежды?), ее рыдания в объятиях Эллери по поводу потерянной любви, в результате чего новобрачной пришлось уложить бедняжку на супружеское ложе (это заставило Эллери поинтересоваться, насколько она пьяна в действительности), веселье над свадебным тортом (созданным не великим Луи, который был кулинаром, а не пекарем, а его бывшим коллегой),

⁵⁵ См. роман «Лицом к лицу».

традиционная суета из-за первых ломтиков, предназначенных новобрачным, и уверенное обращение невесты с ножом... Спустя сорок пять минут треть торта исчезла, и Эллери остался наедине с оставшейся частью, насколько он потом мог припомнить, без всякого заранее обдуманного намерения. Остальные рассеялись по квартире.

Дольки были взяты с двух нижних ярусов торта, оставляя верхние нетронутыми.

На самой вершине, подобно торжествующим альпинистам, неподвижно стояли пластмассовые фигурки новобрачных под сахарным балдахином.

Разрезая торт, Марша случайно задела балдахин, и фигурки слегка покосились.

В голове у Эллери что-то взорвалось, подобно миниатюрной дымовой бомбе. Дым плавал вокруг, прочищая его мысли, расползаясь и исчезая, подобно неуловимому факту, за который он не смог ухватиться в райтсвиллской спальне Бенедикта и позже, во время воспоминаний. Что-то, что он видел, но на что не обратил внимания...

Но теперь Эллери смог за это ухватиться, когда машинально протянул руку, чтобы выправить покосившиеся фигурки молодоженов. Фигурки покачнулись, и маленький жених упал на ковер, оставив невесту под балдахином.

Эллери недовольно нахмурился, надеясь, ради Эла Марша, что падение не было символическим. В этом деле было достаточно неудачных браков.

Второй мыслью Эллери было воссоединить пару. Трудно было придумать менее подходящий момент для их разделения. Маленькая невеста храбро стояла в одиночестве под балдахином. А маленький жених выглядел печальным и покинутым, лежа на полу во время свадебного веселья.

Эллери наклонился, чтобы подобрать жениха и вернуть его на подобающее ему место.

В этот момент сверкнула молния, которая, как и в предыдущих случаях, когда ему везло, рассеяла облака и очистила небо.

* * *

– Мы должны немедленно лететь в Райтсвилл, – сказал Эллери отцу. – Вернее, должен я, если ты не можешь.

Он увел инспектора на террасу, подальше от остальных. Нью-Йорк сверкал на солнце. Был один из редких в городе погожих дней. Марш или Марша выбрали подходящий день для свадьбы.

– Я лечу с тобой, – заявил инспектор Квин.

– И без всяких вопросов?

Старик молча пожал плечами.

– Неужели я настолько прозрачный?

– Я ведь твой отец.

– И весьма толковый отец. Как Джонни называл ее?

– Кого?

– Лору. Последней женщиной в его жизни, не так ли? Хотя нет, ты этого не слышал. Бедняга Джонни...

– Полагаю, – промолвил инспектор, – ты объяснишь мне, что имеешь в виду, как обычно, в свое время.

– Думаю, я могу дать тебе ключ, – сказал Эллери.

Инспектор наострил уши.

– К Лоре?

– По крайней мере, могу сказать, какой может быть ее фамилия.

– Не валяй дурака, Эллери! Каким образом ты мог внезапно угадать ее фамилию?

– Она должна начинаться на «Ман», папа, – Манн, Маннинг, Маннерг, Маннхайм, Мандевилль, Маннике. Что-то вроде этого.

Инспектор недоверчиво покосился на сына, потом покачал головой и отправился на поиски телефона.

Эллери почувствовал, что держит что-то в руке. Он посмотрел вниз – это был маленький пластмассовый жених. Эллери вернулся с террасы к свадебному тарту. Там был только Эстебан, собирающий бокалы из-под шампанского.

– Не знаете, Эстебан, куда мистер и миссис Марш отправляются на медовый месяц? – спросил

Эллери.

– Никуда, мистер Квин. – Слуга огляделся с видом заговорщика. – Думаю, до будущей недели. Миссис Марш должна запирать своя квартира и делать много других вещей. Вы никому не говорить?

– Ни единой живой душе, – пообещал Эллери и аккуратно поставил миниатюрного жениха на его законное место рядом с невестой.

ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ

На закате они приземлились в Райтсвилле. Инспектор Квин позвонил Ньюби из аэропорта.

– Встречайте нас у дома Бенедикта, – сказал он. – Не беспокойтесь о полицейской машине – я имею в виду для нас. Мы возьмем такси.

Шеф Ньюби ждал их у двери, которую успел отпереть.

– Что происходит, инспектор?

– Спросите у Эллери. Может быть, вам повезет больше, чем мне. Я не смог вытянуть из него ни слова.

Шеф с упреком посмотрел на Эллери.

– Я не увиливаю, – отозвался тот. – Просто должен кое-что обдумать. Давайте войдем.

В доме пахло плесенью, и Ньюби распахнул окна.

– Кто-нибудь хочет выпить? – спросил Эллери. – Я хочу, – добавил он, когда старик отказался, налил себе неразбавленного ирландского виски и сделал пару глотков. – Пошли наверх.

Эллери поднялся к спальне Бенедикта и остановился в дверях, ожидая остальных.

– Ответ находился здесь с самого начала, – сказал он. – С той ночи 28 марта, почти два с половиной месяца назад. Я мог бы избавить нас от массы хлопот и сохранить Фоксу его жалкую жизнь... хотя что толку плакать над убежавшим молоком? Входите и присаживайтесь. Не беспокойтесь об улике – она не из тех, которые можно уничтожить.

– Что-что? – недоуменно переспросил Ньюби.

– Не пытайтесь что-либо понять, – посоветовал инспектор Квин. – По крайней мере, сейчас. Он всегда начинает таким образом. Нам остается сидеть и слушать. Мне приходилось делать это сотню раз. – Старик занял единственный стул в спальне, оставив край кровати покойного шефу Ньюби, который опустился на него и бросил взгляд на дверь, словно запоминая путь к ближайшему выходу.

– Вы там не были, Анс, – продолжал Эллери. – Я имею в виду сегодня в квартире Эла Марша на его свадьбе с Маршей Кемп. После церемонии мы втроем остались у свадебного торта...

– Втроем?

– Маленькие пластмассовые новобрачные и я.

– Ну?

– Как обычно, они стояли под балдахином на верху торта. И жених упал. Понимаете?

– Нет.

– Невеста осталась одна.

– Ну и что?

– То, что это было неправильно, не так ли?

– Неправильно? Что именно?

– Когда смотришь на невесту, стоящую там в одиночестве, сразу приходит на ум мысль об отсутствующем элементе.

– Естественно. О женихе. И из-за этого вы прилетели из Нью-Йорка?

– Да, – кивнул Эллери. – Сообщить вам об отсутствующем элементе. С самого начала я чувствовал, что в этой комнате был важный ключ к тайне, но я не мог за него ухватиться. Конечно, когда вам кажется, что вы не можете чего-то вспомнить, вы считаете само собой разумеющимся, что это что-то, виденное вами, но ускользнувшее из вашей памяти. Но одинокая маленькая невеста сегодня объяснила мне мою ошибку. Ключ в спальне Джонни был не тем, что я видел и о чем забыл, а тем, чего я не видел, – чем-то, что должно было там находиться, но отсутствовало. Чем-то, что мой ум искал подсознательно и чье отсутствие подсознательно зарегистрировал. Папа...

– Да, сынок?

Эллери стоял у стенового шкафа с одеждой.

– Комната выглядит так же, как в ночь убийства, за исключением тела Джонни, вещей на ночном столике и трех украденных предметов женского туалета. Правильно?

– Нет, – ответил инспектор. – И орудия преступления.

– Ах да, трех обезьян. Все остальное по-прежнему находится здесь. Это должно включать

платяной шкаф Джонни с его содержимым, не так ли?

– Вроде бы так.

– Следовательно, в шкафу сейчас находится то же, что мы обследовали в ночь убийства. Обследовали весьма тщательно – предмет за предметом. В том числе шляпы и обувь Джонни.

– Ну? – спросил старик.

Ньюби молчал разинув рот.

– Давай повторим это. Просмотри содержимое шкафа и называй все предметы, которые увидишь, как делал той ночью. А вы, Анс, слушайте внимательно. Посмотрим, сумеете ли вы это заметить. Это нелегко.

Инспектор Квин начал с аксессуаров – галстуков-самовязов, бабочек и шарфов всех цветов и оттенков.

– Включая коричневые? – прервал Эллери.

– Конечно. Разве я не сказал «всех»?

– Продолжай.

– Десять шляп и кепи...

– Есть среди них коричневые?

– Да, коричневая фетровая шляпа.

– Обувь?

– Из замши, из кордовской кожи, из крокодиловой кожи...

– Кожа не имеет значения. Как насчет цвета?

– Черные, коричневые, серые...

– Демисезонные пальто?

– Синее двубортное, черное с бархатным воротником, кашемировое...

– Какого цвета кашемировое?

– Коричневого.

– Зимние пальто?

– Черное, коричневое...

– Этого достаточно для демонстрации моей идеи. Теперь выйди из шкафа, папа, и просмотри ящики комода, как мы делали в ночь убийства. Начни с ящика с рубашками. Есть там коричневые?

– Разумеется.

– Теперь ящик с носками... Вот этот. Есть среди них коричневые?

– Множество.

– Вы упустили его костюмы. – Ньюби был озадачен, но заинтригован.

– Верно, – кивнул Эллери. Как обычно, в такие времена в нем было нечто от актера, наслаждающегося своей игрой. – Ладно, папа, начни с обычных костюмов Джонни. Какого они цвета?

– Разных оттенков синего и серого.

– Да. Никаких коричневых или бежевых. Вот что меня беспокоило, Анс, хотя я не мог этого осознать: отсутствие костюмов коричневого цвета, хотя все остальное в гардеробе Джонни включало предметы различных оттенков коричневого.

– Может быть, он просто не привез сюда коричневый костюм.

– Это немыслимо. Имя Джонни регулярно фигурировало в десятке мужчин, одевающихся лучше всех. Он, безусловно, не стал бы носить коричневые туфли, шляпу, пальто, а тем более коричневую или бежевую рубашку с костюмом, не соответствующим по тону. Если у него имелись здесь аксессуары коричневого цвета, то они предназначались хотя бы для одного коричневого или бежевого костюма. Но мне было незачем ломать голову на этот счет, – продолжал Эллери. – У Джонни имелся здесь коричневый костюм. Я видел его собственными глазами – на нем, в ночь убийства, когда подслушивал на террасе, как он излагает бывшим женам план нового завещания. На Джонни был коричневый костюм, когда он поднимался в спальню. Это означает, что он снял его в этой комнате, переодеваясь в пижаму. Но когда Джонни позвонил нам в гостевой коттедж, а мы примчались сюда и нашли его мертвым, коричневого костюма не было ни в стенном шкафу, ни на спинке стула, ни еще где-нибудь в спальне, как следовало ожидать. Ты, папа, обратил внимание на опрятность комнаты, отсутствие разбросанной одежды, даже уточнил, что именно Джонни, раздевшись, поместил в бельевую корзину для прачечной – носки, нижнее белье, рубашку.

– Тогда что произошло с его коричневым костюмом? – пробормотал Ньюби.

– В том-то и вопрос, Анс. Чтобы ответить на него, вы должны спросить себя, кто, как нам известно, побывал в этой комнате той ночью после прихода сюда Джонни?

– Его убийца.

– Ответ: убийца Джонни забрал его коричневый костюм. *Q. E. D.*⁵⁶

Ньюби бросил раздраженный взгляд на инспектора. Но Ричард Квин смотрел в прошлое – а может быть, в будущее.

– Черт возьми, мне это ничего не доказывает, – сердито сказал Ньюби. – Зачем убийце было забирать костюм Бенедикта?

– Вы напали на золотую жилу, Анс. Давайте вернемся назад. Что сделал убийца, войдя в спальню? Насколько нам известно, три вещи. Он убил Джонни, оставил на полу платье Одри, парик Марши и перчатки Элис и удалился с костюмом, который Джонни снял, переодеваясь ко сну.

Сосредоточимся на третьем поступке, с которым связан ваш вопрос, Анс: почему убийца, уходя с места преступления, забрал с собой костюм Джонни. Потому что в костюме содержалось что-то, что он хотел заполучить? Нет, потому что в таком случае он просто забрал бы эту вещь из костюма. Или кража костюма должна была символизировать «мужчину»: навести подозрение на единственного другого мужчину, находившегося в доме той ночью, – на Эла Марша? Все остальные были женщинами – Одри, Марша, Элис, мисс Смит.

– Тогда почему убийца оставил три предмета женского туалета? – возразил инспектор. – Ведь они указывали на женщину.

– Ты прав, папа. И еще одно опровергает эту теорию – мы ведь даже не догадывались об исчезновении мужского костюма. Если таково было намерение убийцы, он должен был привлечь наше внимание к этому факту. Но он этого не сделал. Может кто-то из вас придумать еще одну причину?

– Кажется, для такого может существовать дюжина причин, – после паузы ответил Ньюби. – Но я не в состоянии придумать ни одну.

– И я тоже, Эллери, – признался инспектор.

– Это потому, что причина очевидна.

– Очевидна?

– Что именно унес с собой убийца? – спросил Эллери.

– Коричневый костюм Бенедикта.

– Мужской костюм. Для чего предназначены мужские костюмы?

– Что значит – для чего? Для носки. Но...

– Для носки, – прервал Эллери. – В качестве одежды. Тривиальная повседневная причина. Но зачем убийце понадобилось одеваться, покидая комнату Джонни? Ведь он наверняка пришел сюда в какой-то одежде. Может быть, он испачкал ее кровью? Но голова Джонни кровоточила удивительно слабо – мы сразу отметили это, папа. И даже если кровь попала на первоначальную одежду убийцы, это едва ли вызвало необходимость переодеваться полностью – в другие пиджак и брюки – среди ночи в темном доме. Нет, в одежде, которая была на убийце, когда он пришел в комнату Джонни, должно было иметься что-то еще, заставившее его сбросить ее и переодеться в костюм Джонни. Теперь вы понимаете?

Вид у шефа Ньюби был беспомощный.

– Нет, черт возьми! – рявкнул инспектор.

– Но ведь это очевидно! – воскликнул Эллери. – Какую одежду мог носить убийца, войдя в комнату Джонни, в которой он не мог уйти после преступления? Все еще не понимаете? Тогда какую одежду, явно не принадлежащую Джонни, мы нашли брошенной на полу?

– Эти женские вещи!.. – Инспектор разинул рот.

– Правильно. Если убийца явился в спальню Джонни в вечернем платье Одри, парике Марши, перчатках Элис и по какой-то причине решил оставить их там, тогда ему должна была понадобиться другая одежда.

– Одна из этих трех женщин, – воскликнул шеф Ньюби, – надев платье, парик и перчатки, пришла в комнату Бенедикта, разделась, оставила вещи в качестве улики, чтобы распространить подозрение на

⁵⁶ *Quod erat demonstrandum* – что и требовалось доказать (*лат.*).

невиновных, напялила костюм Бенедикта и вернулась к себе!.. – Его лицо омрачилось. – Это не имеет смысла. Она бы просто пришла в платье, кимоно или еще в чем-нибудь, неся все три «улики» в руке.

– Ты хочешь сказать, Эллери, что это не была одна из бывших жен? – медленно спросил инспектор.

– Ты сам ответил на свой вопрос, папа. Ни Одри, ни Марша, ни Элис не стали бы планировать убийство Джонни при таких обстоятельствах, чтобы остаться без одежды перед уходом.

– Но, Эллери, ведь других женщин тут не было! – возразил Ньюби.

– Одну минуту, шеф, – встрепенулся инспектор. – В доме была и четвертая женщина – секретарша Марша, мисс Смит. – Но, посмотрев на Эллери, он добавил: – Это не она, сынок?

Эллери покачал головой.

– Ты забываешь, папа, что убийца отправился в комнату Джонни в украденной женской одежде. Следовательно, он сначала украл ее. Но когда это произошло? Одри сообщила нам, что ее платье исчезло в ту субботу в полдень. Марша – что ее парик пропал менее чем через час. А когда я разговаривал с Элис, и она не могла найти свои перчатки, была только середина второй половины дня. Фактически во время этого разговора Элис сказала мне, что остальные собираются ехать в аэропорт встречать самолет мисс Смит, который должен приземлиться в пять тридцать. Значит, мисс Смит никак не могла украсть платье, парик и перчатки и ночью явиться в них в спальню Джонни.

– Но других женщин в доме не было, – запротестовал инспектор.

– Вот именно.

Паузы обладают оттенками, как цвета. Эта пауза была угольно-черной.

– Но, Эллери, – допытывался инспектор, – кроме этих четырех женщин в доме находился только один человек.

– Вот именно.

– Эл Марш...

– Вот именно.

Следующая пауза была не такой темной, напоминая грозовое небо, освещенное молнией.

– Ты имеешь в виду, – с трудом вымолвил инспектор Квин, – что Эл Марш пробрался той ночью в спальню Бенедикта, нарядившись в женское вечернее платье, женский парик и женские перчатки?

– К этому приводит нас логика.

– Но это означает... – начал Ньюби.

– Что мы расследовали дело, – закончил за него Эллери, – о подлинной сущности которого не подозревали до сих пор. В ту ночь Эл Марш отправился в спальню Джонни в женской одежде, но происшедшее в комнате вынудило его оставить ее там. Он надел костюм Джонни, чтобы благополучно вернуться к себе. Когда мы найдем коричневый костюм Джонни, убийца будет в наших руках.

– Сомневаюсь, что мы его найдем, – пробормотал инспектор. – Наверняка он давно от него избавился.

– Не думаю, – возразил Эллери. – Есть солидный шанс, что он этого не сделал. Может быть, проверим?

* * *

В такой час авиарейсов не было, а Эллери не мог ждать.

– Возьмите мою машину, – мрачно предложил Ньюби. – Жаль, что не могу поехать с вами.

Квины ехали всю ночь, сменяя друг друга за рулем. Они позавтракали в ночном кафетерии на Первой авеню и оказались у двери двойной квартиры Марша в самом начале девятого.

– Мистер Марш еще спать, мистер Квин, – сказал слуга, моргая в освещенном вестибюле. – Не могу его будить...

– Миссис Марш с ним?

– Она еще не въехать сюда.

– Тогда занимайтесь своими делами, Эстебан, – сказал Эллери. – Я возьму на себя смелость разбудить мистера Марша.

Они вошли в спальню Марша, не постучав. Обширное, сугубо мужское помещение, отделанное деревянными панелями, украшала мраморная копия «Давида» Микеланджело.

Адвокат внезапно повернулся в кровати и открыл глаза.

– Спокойно, Марш, – предупредил инспектор Квин.

Марш застыл в неудобной позе, полусогнувшись. Выглядел он весьма внушительно. Его обнаженный мускулистый торс был абсолютно безволосым, как будто он пользовался депилятором.

– Что вам нужно?

Марш сел, но не пытался подняться с кровати. Он поджал ноги под красным шелковым одеялом и оперся на них локтями, словно пытаясь не дать им двигаться.

– Что вам нужно? – повторил он.

– Костюм Джонни, – мягко произнес Эллери. – Ты знаешь, Эл. Коричневый костюм, который был на нем в ночь убийства.

– Ты, должно быть, спятил.

– Я или ты, Эл?

Марш на мгновение закрыл глаза, и в выражении его лица проскользнуло что-то детское. Когда он открыл их, они казались стариковскими, ввалившимися и полными горечи.

– Не знаю, о чем вы говорите. Здесь нет никаких вещей Джонни. Можете посмотреть сами.

Его стенной шкаф с одеждой был таким же просторным, как гардероб Бенедикта в Райтсвилле. Среди множества костюмов на вешалках они нашли два, которые, по воспоминаниям Эллери, были приблизительно того же оттенка коричневого цвета, что и пропавший костюм Бенедикта.

– Какой размер вы носите, Марш? – спросил инспектор Квин. – Впрочем, это не важно. Согласно ярлыкам, эти костюмы сорок четвертого размера, Эллери. Бенедикт мог носить максимум тридцать восьмой, если не тридцать шестой. Значит, они принадлежат Маршу. – Больше подходящих по цвету костюмов в шкафу не было. – Есть в квартире еще какие-нибудь костюмы, Марш?

– Смотрите сами. – Голос Марша звучал хрипло. Он облизнул губы. – Едва ли я должен напоминать вам, инспектор, что не видел никаких признаков ордера на обыск.

– Он уже в пути, – сказал инспектор. – Простите, что мы немного его опередили, Марш. Предпочитаете, чтобы мы подождали прибытия ордера?

Адвокат пожал массивными плечами:

– Не стану делать из этого проблему. Мне нечего скрывать.

Инспектор посмотрел на Эллери с легким беспокойством. Но если Эллери и испытывал опасения, то не выдавал их. Он открывал чемоданы, сложенные стопкой в углу стенного шкафа, но они были пустыми.

Внезапно Эллери выпрямился, отошел от шкафа и отвел отца в сторону, чтобы их не слышал Марш.

– Конечно, костюм не может висеть открытым для всеобщего обозрения, – сказал он. – Марш спрятал его в своем тайнике для одежды.

– В каком еще тайнике?

– Марш ведет тайную жизнь, не так ли? Это следует из того, что мы знаем о нем. Днем он играет роль нормального мужчины. Но по некоторым ночам и уик-эндам он живет другой жизнью. Значит, у него должен быть тайник для одежды, которую он носит в такие часы.

Инспектор шагнул к стенному шкафу и менее чем за три минуты нашел едва ощутимую кнопку в панели и скрытую пружину. Половина задней стенки шкафа скользнула в сторону.

Марш поднялся с кровати и присоединился к ним. На нем были пижамные брюки шокирующе розового цвета. Глаза его дико вращались.

– Не делайте этого, – взмолился он. – Пожалуйста, не входите туда!

– Сожалею, Эл.

В тайнике была всевозможная женская одежда – модные костюмы, платья для улицы, для коктейлей, вечерние платья, туфли на высоком каблуке, нейлоновые чулки, колготки, шелковые панталоны, бюстгалтеры, комбинации. И не меньше дюжины париков различного фасона и цвета. На туалетном столике лежали полный ассортимент косметики и стопка глянцевого журналов с молодыми и мускулистыми обнаженными мужчинами на обложках.

Среди платьев находился одинокий чужеродный элемент – коричневый мужской костюм, который Джон Леверинг Бенедикт Третий носил в последнюю ночь своей жизни.

* * *

– В соответствии с законом должен предупредить вас... – начал инспектор Квин.

– Это не важно. Я знаю свои права, но хочу объяснить... – отозвался Марш.

Побуждаемый какой-то загадочной эмоцией, Эллери бросил ему халат из стенного шкафа, и теперь он расхаживал в нем по комнате, еще сильнее походя на «ковбоя Мальборо», что только усиливало печаль Эллери.

– Мой отец погиб в авиакатастрофе, когда я был совсем маленьким, – говорил Марш, – а мать, которая больше никогда не выходила замуж, стала моим злым гением. Я был ее единственным ребенком, но она всегда мечтала о дочери. Поэтому мать отвергала мой пол – разумеется, подсознательно; ведь она была пережитком Викторианской эпохи. Верите или нет, но из-за нее я вплоть до школьного возраста носил платья, длинные волосы и играл в куклы. К тому же мать назвала меня Обри. Я ненавидел это имя – можете себе представить, как над ним издевались мальчишки. В школе я избивал каждого, кто надо мной смеялся, – сил мне хватало, – пока ребята не стали называть меня Эл. С тех пор меня все так называют.

В отсутствие мужского влияния, уравнивающего материнское, – в доме вся прислуга была женская... короче говоря, каковы бы ни были причины, вред уже был причинен. Я узнал правду о себе на первом курсе Гарварда. Меня давно удивляло в себе отсутствие интереса к девушкам, который был свойственен моим друзьям, и который мне приходилось изображать, но вскоре я осознал, что мое чувство к Джонни не является обычной мужской дружбой. Конечно, я скрывал это от Джонни. Необходимость притворяться и постоянно следить за собой стоили мне дорого. Мои ощущения должны были хоть как-то реализоваться. Наконец произошел эпизод в баре, далеко от университета, потом второй и третий... Я превратился в своего рода наркомана. Стыд и вина, которую я чувствовал потом, побуждали меня активно заниматься спортом, особенно борьбой. Но, осознав, почему меня увлекает спорт, предполагающий телесный контакт с другими мужчинами, я забросил его.

Марш подошел к стене у кровати и нажал невидимую кнопку. Секция стены отодвинулась, демонстрируя бар с богатым ассортиментом. Марш взял бутылку бурбона, наполнил стакан и залпом выпил половину.

– Ни Джонни, ни другие ничего не подозревали, в том числе и ты, Эллери. Я был очень осторожен и никогда не вступал в связь ни с кем, кто был как-то связан с университетом, – даже с теми, кто были доступными. Все мои знакомства подобного рода, как и первое, происходили вдали от студенческого городка – в основном в южных районах Бостона. Я панически боялся, что меня разоблачат. Мои страдания были неопишуты – постоянное нервное напряжение, усилия скрывать подлинные желания, особенно чувство одиночества, когда мне приходилось притворяться. Я стал много пить – просто чудо, что я не превратился в алкоголика, но полагаю, страх выдать себя действовал как тормоз... Мне никогда и в голову не приходило обратиться к психиатру. Я знал, что должен приспособиться, как приспособлялись многие другие, принимая себя таким, какой я есть. Но мне это не удавалось. За каждый час мира – хотя к чему называть это миром, когда это всего лишь перемирие? – я вел битву, которой не было видно конца.

Когда моя мать умерла и я унаследовал семейное состояние, стало еще хуже. Теперь я обладал независимостью и средствами для расширения сферы моей тайной жизни, но вместе с этим умножились опасности разоблачения, а значит, страхи, стыд и чувство вины. К тому же меня угнетали унижительные поиски партнеров, сделки с мужчинами-проститутками, околачивание возле общественных уборных в отелях, на вокзалах, в аэропортах, предложение денег солдатам и пьяным матросам за час в дешевой гостинице, но самое главное – страх, что за этими занятиями в гей-баре, на пляже или в парке меня застукает кто-то из знакомых, а хуже всего – знающий меня в лицо репортер, и распространит новость повсюду... Знаете, какова первая заповедь в жизни гея? «О тебе не должны знать». Я мог бы вынести все, кроме огласки... Я сказал, что репортер был бы хуже всего, но это не так. Хуже всего был бы детектив из отдела нравов, притворяющийся потенциальным партнером...

Речь Марша, вначале неуверенная и запинаящаяся, становилась все более быстрой и гладкой, как постепенно очищаемый водосток. Его лицо покраснело и конвульсивно подергивалось, а кулаки молотили по воздуху.

– Простите, что вдаюсь в такие детали. Сейчас я перейду к тому, что вы хотите услышать. – Допив остатки бурбона, Марш поставил стакан на стойку и повернулся лицом к Квинам. – С того момента, как мы с Джонни полетели в Лондон на этот аукцион, меня преследовало чувство, что он внезапно разгадал мой секрет, хотя никаких конкретных оснований у меня не было. Теперь я понимаю, что это была иллюзия, порожденная моим влечением к нему. Я говорил себе, что все эти годы, покуда я скрывал от него свою истинную сущность, Джонни скрывал от меня то же самое.

Конечно, это выглядит абсурдом, но желание было таким сильным, что я убедил себя в этом. Я внушил себе, что Джонни подбадривает меня взглядами... приглашает делать авансы... хочет, чтобы я пришел к нему в спальню в тот уик-энд в Райтсвилле, когда остальные будут спать, и занялся с ним любовью.

С самого начала уик-энда во мне быстро нарастало ощущение личностного кризиса, ослаблявшее обычный самоконтроль. В тот вечер в пятницу, когда Одри, Марша и Элис спустились, принарядившись, со мной что-то произошло. Ослепительное вечернее платье Одри, нелепый зеленый парик Марши, перчатки до локтей Элис возбудили во мне неудержимое желание надеть их и показаться в таком виде на людях. Будь мы в Нью-Йорке, я мог бы использовать собственные женские туалеты, но мы находились в этом чертовом захолустном городишке... И рядом был мой любимый Джонни – неудовлетворенная страсть всей моей жизни, – который, как мне казалось, подает мне сигналы приступать к действиям...

Той ночью я почти не сомкнул глаз, а в субботу утром позабыл о благоразумии и осторожности. Когда женщины были внизу или вышли из дома, я украл из их спален платье, парик и перчатки. Я спрятал платье и перчатки под матрас, а парик – на дне моей мусорной корзины под скомканными бумажками.

Казалось, Марш едва сознает присутствие слушателей, и Квины застыли как вкопанные в ожидании критических минут.

– К субботнему вечеру у меня не осталось силы воли. Я мог думать только о Джонни. Не знаю, как я пережил этот бесконечный вечер и кошмарную речь Джонни, обращенную к бывшим женам. Особенно скверно мне стало, когда он пошел спать. Я думал, что женщины никогда не поднимутся в свои комнаты, но наконец они разошлись.

Не забывайте, что мне пришлось много выпить. Я старался не пьянеть, но алкоголь подействовал на меня. Возможно, причиной было растущее возбуждение.

Марш снова начал бродить по комнате, сжимая кулаки и опустив голову.

– Я подождал, пока все, как мне казалось, заснуло. Потом достал платье и перчатки из-под матраса и парик из мусорной корзины, открыл потайное отделение в чемодане, изготовленном по специальному заказу, и извлек оттуда набор косметики – пудру, румяна, фальшивые ресницы, губную помаду, тушь для ресниц – и... переоделся.

Перед последним словом голос Марша дрогнул, а произнеся его, он сделал такую длительную паузу, что Квины затаили дыхание. Наконец он встряхнулся, как пес.

– Наряд был впору. Вы ведь знаете, что Джонни предпочитал женщин вдвое крупнее его. Но мне пришлось идти босиком. Их туфли были мне малы, а надевать мужскую обувь я не мог. Это выглядело бы нелепо...

Марш снова умолк, и Эллери подумал, насколько пронизателен был Эйнштейн с его теорией относительности. Марш сказал, что он выглядел бы нелепо в мужской обуви. Как же, по его мнению, он выглядел в женском платье? Впервые Эллери видел в нем не «ковбоя Мальборо», а трансвестита.

– Я открыл дверь и прислушался. – Марш говорил негромким монотонным голосом, словно общаясь с какой-то потаенной силой. – Дом казался абсолютно тихим. Вы знаете, как это иногда бывает среди ночи. Мне казалось, что мое горло как ликующий гонг. Ощущение было почти приятным. В верхнем коридоре горел ночник, так что я мог хорошо видеть... Я чувствовал себя по-настоящему живым. Это было чудесно.

Я двинулся по коридору к спальне Джонни, почти ожидая, что он встретит меня у открытой двери. Но этого не произошло. Я повернул ручку, дверь открылась со скрипом, как в доме с привидениями, я вошел и закрыл ее. Она скрипнула снова, и послышался сонный голос Джонни: «Кто здесь?» Тогда я нащупал выключатель и включил свет. Джонни сидел на кровати, моргая спросонья, не обнаженный, как я себе представлял, а в пижаме...

Монотонное бормотание Марша становилось все тише. Квины напрягали слух, чтобы разбирать

слова.

– Думаю, сначала Джонни принял меня за Одри или Маршу, потому что он вскочил с кровати, схватил халат и надел его. Но потом его глаза привыкли к свету, и он узнал меня...

– Не могли бы вы говорить немного громче? – попросил инспектор Квин.

Марш посмотрел на него, нахмутив брови.

– С тех пор его глаза преследуют меня ночью, а иногда и днем, – продолжал он чуть громче. – Я прочитал в них, как на неоновой вывеске, узнавание, понимание, а потом потрясение. Но в тот момент я был не в состоянии думать – мною владели только чувства.

Я сорвал с себя парик, перчатки и платье и шагнул к нему обнаженный, раскрыв объятия, и тогда потрясение в его взгляде сменилось явным отвращением.

«Грязная свинья, – сказал он мне. – Убирайся из моего дома».

Марш повернулся спиной и откашлялся. Потом заговорил снова, обращаясь в пространство, словно пожелал, чтобы слушатели исчезли, и они повиновались.

– Я стал говорить ему о моей любви... о том, как я годами старался скрыть ее от него. Его взгляд отвечал мне, что это бесполезно, но я не мог остановиться, хотя понимал, что это роковая ошибка, что он, как и вы, не способен понять... Но я надеялся...

Джонни даже не повысил голос – это было особенно жестоко. Он обзывал меня словами, которые нельзя простить воспитанному цивилизованному человеку... Пускай он не мог разделять моих чувств, но мы столько времени были близкими друзьями... Даже если бы я был прокаженным и намеренно заразил его, Джонни не мог бы проявить ко мне большей ненависти. Он говорил со мной как со смертельным врагом, угрожая разоблачением. Меня терзали стыд и страх. Столько лет осторожности пошли насмарку за одну ночь – из-за одного неосмотрительного поступка!

Не знаю, почему Джонни так бурно реагировал на то, что узнал обо мне. Ведь я ничего ему не сделал – просто продемонстрировал свою истинную сущность. Возможно, в нем глубоко укоренилось предубеждение против гомосексуализма. Такое испытывают многие мужчины, словно боясь, что в них глубоко скрыты те же наклонности, и поэтому осуждая их в других...

Тогда у меня не было времени анализировать поведение Джонни. Я был объят паникой. Огласка погубила бы меня. В тот момент я мог думать лишь о том, как заткнуть ему рот. На его комод стояла чугунная статуэтка трех обезьян, и в следующий момент я обнаружил, что бью его ею по голове. Это был чисто рефлекторный поступок – без всяких рациональных мыслей. Я знал только то, что должен помешать ему говорить...

Марш снова повернулся, и Квины увидели в его глазах сначала удивление, а затем презрение, как будто он застал их подслушивающими. Но эти эмоции быстро исчезли, и его взгляд стал пустым.

– Мне не пришло в голову, что Джонни еще не умер. Он выглядел мертвым, лежа неподвижно, с бледным, почти зеленым лицом, залитым кровью...

Я приоткрыл дверь, выглянул, и у меня душа ушла в пятки. На площадке стояла высокая девушка в халате, собираясь спуститься вниз. Она слегка повернула голову, и я узнал Одри Уэстон. Застыв как парализованный, я смотрел ей вслед. Минуты через две она поднялась с книгой и вошла к себе в комнату.

Тогда я посмотрел на себя. Я забыл, что остался обнаженным, и задрожал от ужаса. Что, если она меня видела?

Я не успел успокоиться, как из своей спальни вышла Марша. Ее я узнал сразу по рыжим волосам, когда она прошла под ночником. Марша тоже спустилась по лестнице.

Полагаю, отчаяние помогло мне собраться с мыслями. Мне и в голову не приходило, что они будут шляться по дому среди ночи. Я думал лишь о том, как незаметно проскользнуть в свою комнату. Марша была внизу – она могла подняться в любой момент, как Одри. Возвращаться голышом я не осмеливался – это бы выдало меня сразу, – но идти назад в женской одежде было еще опаснее. Что, если одна из бывших жен Джонни увидит меня в своем платье, парике или перчатках?

Единственным выходом казалось воспользоваться одеждой Джонни. Коричневый костюм, который был на нем вечером, лежал на стуле. Я умудрился втиснуться в него...

Эллери кивнул. Плечевые швы пиджака Бенедикта были распороты – этот факт должен был оценить окружной прокурор...

– В последний момент я подумал об отпечатках пальцев – впрочем, мой мозг действовал независимо от меня. Паники больше не было – я ничего не чувствовал. Я нашел в кармане Джонни

носовой платок – он все еще внутри – и вытер все, к чему прикасался: трех обезьян там, где держал их, дверную ручку и прочее. Потом я вернулся к себе в спальню, запер дверь, снял костюм, спрятал его на дно чемодана и умылся...

Марш снова закрыл глаза.

– На мне была кровь Джонни, – устало добавил он.

* * *

Этим закончилась основная часть истории. Но было и приложение.

– Почему ты оставил костюм у себя? Потому что он принадлежал Джонни? – спросил Эллери.

– Да.

Квин *file* посмотрел на Квина *pere*. Инспектор мог лишь покачать головой.

– А тебе известно, Эл, что изнанка пиджака испачкана кровью? Несомненно, это кровь Джонни, которая попала на твою кожу, когда ты ударил его, а потом на подкладку, когда ты надел пиджак. Тебе не приходило в голову, что, если костюм найдут и пятна крови сравнят с группой крови Джонни, он станет опаснейшей уликой против тебя?

– Я не думал, что его найдут. Никто, даже Эстебан, не знал о тайнике. В любом случае я не мог заставить себя расстаться с костюмом Джонни.

Эллери отвернулся.

Инспектор Квин хотел знать о браке.

– Это не соответствует тому, что вы только что рассказали нам о себе, Марш.

Но это соответствовало.

В ночь убийства Марша, которая занимала соседнюю спальню с комнатой Эла, услышала, как его дверь открылась, и выглянула в коридор. Одержимый своей навязчивой идеей, Марш не слышал и не видел ее. Когда он проходил под ночником в коридоре, направляясь в комнату Бенедикта, свет упал на его лицо, и Марша, несмотря на женское платье, парик и макияж, узнала его.

– Марша – единственная из тех, кого я знал, давно питала подозрения на мой счет, – сказал адвокат. – Она очень проницательна в подобных делах благодаря работе в шоу-бизнесе и годам, проведенным в Лас-Вегасе. Позднее Марша рассказала мне, что увиденное той ночью в коридоре подтвердило ее подозрения. Если бы она сообщила об этом, когда шеф Ньюби и вы расспрашивали нас, дело было бы раскрыто немедленно.

Но Марша надеялась, что молчание даст ей преимущества, и дальнейшие события оправдали ее надежды. Смерть Бенедикта лишила Маршу еженедельного дохода, а отсутствие обещанного миллиона в рукописном завещании Джонни оставило ее без гроша. Она доверила свой секрет мелкому жулику, за которого вышла замуж после развода с Бенедиктом, и Лис Фокс ухватился за благоприятную возможность.

– Подходящая ситуация для шантажа, – кивнул инспектор Квин. – Она видела вас в женском наряде, догадалась, что вы убили Бенедикта, и знала, что вы богаты. Неудивительно, что вы убили Фокса. Ведь это вы его убили, не так ли?

– А что еще мне оставалось? – Марш пожал плечами. – Мне незачем объяснять вам, как действуют шантажисты. Они бы выдоили меня досуха, а я так и не избавился бы от угрозы разоблачения.

Марш договорился встретиться с Фоксом за Музеем искусств в Центральном парке поздно ночью, якобы для выплаты денег, но вместо этого пырнул супруга Марши ножом в живот.

– Я думал, что это отпугнет Маршу, – продолжал адвокат. – Она должна была осознать, что если я смог прикончить Фокса, то не поколеблюсь убить и ее и уйти со сцены. Но Марша выдвинула весьма изобретательный встречный план. Она предложила, чтобы я на ней женился. Наш брак обеспечил бы ей финансовое благополучие, а мне – дымовую завесу, в которой я нуждался, чтобы скрыть свою сущность. Многие геи женятся именно по этой причине. И ей было незачем напоминать мне, что жена не может свидетельствовать против мужа, если даже дело дойдет до этого. Благодаря тебе, Эллери, наша супружеская жизнь так и не началась. Она еще готовится переехать сюда.

Эллери молчал.

– Интересно, – промолвил Марш, – что у тебя на уме?

– Не то, о чем ты думаешь, Эл, – ответил Эллери.

– Тогда ты исключение. Если бы люди перестали смотреть на нас как на чудовищ и относились бы

к нам без предубеждения, позволив жить той жизнью, для которой мы предназначены, я не думаю, что это бы произошло. Я бы мог предложить, а Джонни – отказаться без гнева и отвращения с его стороны и паники с моей. Он не стал бы ругать меня и осыпать угрозами, а я бы не потерял голову. Мы даже могли бы оставаться друзьями. В любом случае он был бы жив. Бедный Джонни...

Марш умолк. Квины тоже молчали. За последние несколько минут Марш очень изменился. Казалось, из него выжали все жизненные соки – он выглядел постаревшим на много лет.

Наконец инспектор Квин прочистил горло:

– Вам лучше одеться, Марш. Вы поедете с нами.

Адвокат кивнул:

– Я только умоюсь.

Он направился в ванную.

* * *

Им пришлось ломать дверь.

Марш лежал на выложенном плитками полу. Он принял цианид.

* * *

Ночью, последовавшей за самоубийством Марша, Эллери внезапно проснулся, включил ночник, сбросил одеяло и побежал в спальню отца.

– Папа!

Инспектор перестал храпеть и открыл один глаз.

– М-м-м?

– Винсентина Астор!

– Ну и что с ней такое?

– Ни у кого не может быть подобного имени. Наверняка оно вымышленное – кому-то это казалось свидетельством о принадлежности к высшему свету. Держу пари, она и есть Лора! Лора Ман... и так далее!

– Иди спать, сынок! – посоветовал старик.

Но «Лора Ман... и так далее» действительно оказалась исчезнувшей гардеробщицей клуба «Бой-герл». Они нашли мисс Мандзони в ее родном Чилликоте, штат Огайо, в тени горы Logan среди таинственных курганов, ставящей книги на полки библиотеки Карнеги. Она жила с отцом, мачехой и родными и сводными братьями и сестрами в симпатичном каркасном доме на улице, усаженной старыми вязами. Ее отец, Бертон Стивенсон Мандзони, уже двадцать семь лет работал на одной из бумажных фабрик Чилликота.

Внешность Лоры Мандзони оказалась сюрпризом. Она была не вульгарной, накрашенной и жующей резинку дамочкой, которую они ожидали увидеть, а хорошенькой шатенкой с мягкими глазами и голосом и вежливыми манерами. Лора изучала драматические искусства в колледже Оберлин и отправилась в Нью-Йорк по вполне понятной причине и с вполне предсказуемым результатом.

Чтобы зарабатывать на еду и кров, когда ее скудные средства истощились, она покрасила волосы, купила мини-юбку и прозрачные чулки, наложила толстый слой макияжа на свежее среднезападное личико и устроилась гардеробщицей в ночной клуб, где познакомилась с Джонни Бенедиктом.

По словам Лоры, он заявил, что сразу же разглядел сквозь маскарад ее подлинное «я». Три недели она сопротивлялась его приглашениям. Потом они начали встречаться тайно, что устраивало обоих.

– Наконец Джонни признался, что любит меня и что у него в отношении меня вполне серьезные намерения, – продолжала Лора. – Конечно, я ему не поверила – ведь я знала его репутацию. Но Джонни был необычайно обаятельным. Он знал, как заставить женщину чувствовать себя центром вселенной. К тому же самое большее, что он когда-либо пытался сделать, – это поцеловать меня. Тем не менее что-то в нем меня настораживало. Полагаю, я очень хотела, чтобы меня убедили, но я все еще держала его на расстоянии. Девушке вроде меня трудно поверить тому, что говорит ей молодой и красивый мультимиллионер, даже если он и не делает ей непристойных предложений. Джонни

твердил о свадьбе, как о решенном вопросе. Он не мог себе представить, чтобы какая-нибудь девушка его отвергла. Я говорила ему, что мне нужно время, дабы убедиться в своих чувствах, но он отвечал, что время существует для часовщиков, что он уже все решил и что мы должны пожениться немедленно.

– Мистер Бенедикт не просил вас подписать определенное соглашение? – спросил детектив, которого шеф Ньюби прислал в Чилликот расспросить ее.

– Соглашение? – Лора покачала головой. – Я бы не стала ничего подписывать. Как я говорила, я была не вполне уверена в себе. Или, если на то пошло, в Джонни. А когда он сказал мне, что должен ехать в Райтсвилл...

– Так вы знали о встрече мистера Бенедикта с его бывшими женами на уик-энд 28 марта?

– Джонни не говорил, с кем и почему он там будет встречаться, – только что ему нужно завершить какое-то дело. Тогда и начались неприятности.

– Неприятности? Какие, мисс Мандзони?

Оказалось, что неуверенность Лоры в искренности Бенедикта побудила ее к поступку, который до сих пор тяготил ее совесть. Уклончивые ответы Джонни относительно райтсвиллского уик-энда стали пищей для подозрений – Лора с ее принадлежностью к среднему классу и среднезападным воспитанием (хотя она всегда претендовала на эмансипацию от того и от другого) могла думать только о «любовном гнездышке» и «другой женщине». Ненавидя собственную подозрительность, но говоря себе, что это станет проверкой надежности Джонни Бенедикта, она в ту же субботу взяла напрокат машину и поехала в Райтсвилл.

– Вряд ли я представляла себе, что буду делать, когда доберусь туда, – продолжала девушка. – Возможно, у меня в голове мелькали грандиозные видения того, как я застану его с другой, произнесу обличительную речь и гордо уйду со сцены. Но когда я уже сворачивала на подъездную аллею к дому Джонни, меня внезапно охватил стыд. Я поняла, что если сейчас не доверяю Джонни, то не смогу доверять ему и в будущем. Поэтому я развернула машину и поехала назад в Нью-Йорк. А в воскресенье утром – я была слишком расстроена, чтобы ложиться спать, – услышала по радио, что ночью Джонни убили.

Страх, что ее могли видеть неподалеку от дома Бенедикта или в Райтсвилле, побудил Лору вернуться домой в Чилликот. Она никогда не рассказывала родным о ее отношениях с молодым человеком из высшего общества, чье имя и фотографии постоянно появлялись в газетах и передачах новостей. Когда стало известно о таинственной Лоре, поименованной в рукописном завещании Бенедикта в качестве его наследницы в случае их брака, ей не понадобился адвокат, чтобы понять, что у нее нет никаких прав на состояние Бенедикта, поскольку брак так и не имел места.

Лора Мандзони сказала, что, если бы убийство Бенедикта не было раскрыто, она сопротивлялась бы когтями и зубами против своего отождествления с исчезнувшей Лорой.

– У меня есть друг детства в соседнем квартале, – сообщила Лора посланцу Ньюби, – который хотел жениться на мне с тех пор, как мы окончили школу. Сейчас мы уже собираемся назначить дату свадьбы. Но его родители – твердоловые баптисты, и, хотя Бьюэлл не отказался бы от меня, если бы мое имя стали трепать в газетах и по телевидению, они создали бы нам немало осложнений. Не могли бы вы не упоминать обо мне?

Ее просьбу выполнили.

– Последняя женщина в жизни Бенедикта, – промолвил инспектор Квин. – Кажется, так он назвал ее тем субботним вечером?

– Он был не прав, – мрачно отозвался Эллери. – Лора Мандзони не была последней женщиной в жизни Джонни.

– Тогда кто же, если не она?

Эллери поднес к свету стакан с неразбавленным бурбоном, прищурился и выпил его залпом, как лекарство.

– Эл Марш, – ответил он.

– Марш... – Инспектор Квин отшвырнул газету. Он читал о похоронах Марша и о событиях, приведших к ним. Благодаря свободе выражений, которой ныне наслаждается пресса, статья получилась чересчур откровенной на старомодный вкус инспектора. – Мне все это по-прежнему кажется не вполне реальным.

– Почему? – осведомился Эллери. – В свое время ты, как и все полицейские офицеры,

расследовал дела, связанные с целыми зоопарками людей вроде Марша, папа.

– Но я впервые сталкиваюсь с таким человеком лично, а не по долгу профессии. Марш выглядел и вел себя как мужчина из мужчин, если ты понимаешь, о чем я. Будь он очевидным...

– По-своему, он таким и был.

Старик уставился на него.

– Его квартира, – объяснил Эллери. – Там секрет Марша практически бросался в глаза.

– Если так, то я его не заметил.

– У тебя есть оправдание. Ты не был там в качестве гостя.

– Ты имеешь в виду чисто мужской тип мебели, спортивное оборудование и так далее? Маскировку?

Эллери слабо улыбнулся:

– В случае Марша это, безусловно, была маскировка, но такие вещи не являются указателем на ориентацию их владельца, иначе у многих возникли бы проблемы. Нет, указатель был огромным, как секвойя, – поэтому я едва его не упустил. В его фонотеке в основном присутствовали Бетховен и Чайковский. В коллекции редких и первых изданий – Пруст, Мелвилл, Крис Марло, Жид, Верлен, Генри Джеймс, Уайльд, Рембо, Уолт Уитмен. Среди книг по изобразительному искусству – главным образом да Винчи и Микеланджело. Наконец, на всеобщее обозрение были выставлены бюсты Александра Великого, Платона, Сократа, Лоренса Аравийского, Вергилия, Юлия Цезаря, Катутла, Горация, Фридриха Великого, фон Гумбольдта, лорда Китченера.

– Ну и что? – ошеломленно спросил инспектор.

– Ох уж эта твоя викторианская невинность! Все упомянутые джентльмены имели одну общую черту с Обри, или Элом Маршем, – во всяком случае, пользовались такой репутацией.⁵⁷

Последовала долгая пауза.

– Юлий Цезарь? – наконец заговорил инспектор. – О нем я такого не знал.

– Мы не знаем такого о большинстве. Англичанин по имени Брайан Маги несколько лет назад написал книгу, которую назвал «Один из двадцати». В ней он опровергает утверждение, что людей нетрадиционной сексуальной ориентации всегда можно узнать. Подавляющее их большинство, пишет Маги, который проделал большую исследовательскую работу, готовя два документальных телефильма на эту тему, внешне неотличимо от лиц с нормальной сексуальной ориентацией. Таким может оказаться любой – крепкий парень, работающий рядом с тобой в офисе, твой бармен, твой сосед, твой друг, с которым ты играешь в бридж вечером по четвергам, патрульный коп в твоём участке и даже твой ничем не примечательный кузен. Один из двадцати, папа, – такова нынешняя статистика. Возможно, действительный процент куда больше. Кинси⁵⁸ утверждал, что каждый десятый... Как бы то ни было, указатель был налицо в гостиной Марша. А также в его спальне – лишенный фигового листка Давид, обнаженный, как в тот день, когда Микеланджело любовно изваял оригинал... Не могу сказать, что горжусь своей ролью в этом деле, папа. И не только по этой причине.

– Ты имеешь в виду, что был еще один указатель?

– Указатель не то слово, папа. Джонни сам назвал мне своего убийцу.

– Назвал тебе? – Инспектор Квин сердито потянул себя за ус. – Как? Когда?

– Когда умирал. Придя в себя после полученного удара, Джонни осознал, что жить ему недолго. В последние минуты перед смертью мысли иногда чудесным образом проясняются, а время растягивается, позволяя умирающему мозгу творить чудеса. Джонни знал, что в комнате нет никаких письменных принадлежностей, – ты помнишь, что мы искали их и не нашли. Но он отчаянно стремился сообщить нам, кто на него напал и почему. Поэтому он позвонил в коттедж по внутреннему телефону...

Эллери нахмурился, вспоминая прошлое.

⁵⁷ Мнение о гомосексуальных наклонностях исторических лиц зачастую возникает благодаря скандальной хронике и сплетням. Так, сведения о якобы имевшем место гомосексуализме Бетховена почерпнуты авторами из бульварной околomuзыкальной литературы и не имеют под собой никаких серьезных оснований.

⁵⁸ Кинси, Элфред Чарлз (1894–1956) – английский сексолог.

– Джонни понимал, что моим первым вопросом – как и любого в подобных обстоятельствах – будет «кто это сделал?». Но он оказался в фантастической ситуации.

– В фантастической? – Инспектор нахмурился над настоящим. – О чем ты?

– Как он мог сообщить мне, кто убил его?

– Что за чушь ты порешь, Эллери? Ему достаточно было назвать имя убийцы.

– Хорошо, – кивнул Эллери. – Назови его.

– Эл.

– Но это могло быть незавершенной попыткой сказать «Элис». Как бы мы догадались, что это не так?

– Ну тогда Марш.

– А это могло быть началом имени Марша.

Старик выглядел заинтригованным.

– Теперь я понимаю... Но почему он не назвал подлинное имя Марша – Обри? Ты бы это понял.

– Разве, папа? Учítывая затрудненную речь Джонни, как я мог бы быть уверен, что он не хотел сказать «Одри»?

– Хм! – Инспектор внезапно встрепенулся. – Придержите коней, профессор! Бенедикт мог произнести слово, которое ты наверняка бы понял правильно. Это было бы все равно что при свидетелях указать на Марша пальцем. Кроме Бенедикта, Марш был единственным мужчиной в доме – все остальные были женщинами. Почему же Бенедикт просто не сказал «мужчина»?

– Я задавал себе тот же вопрос, папа. Конечно, это могло не прийти ему в голову. Но, предположим, пришло? Если он подумал о том, чтобы сказать «мужчина», но отверг этот вариант, как отверг вариант с именами, значит, это могло внести такую же путаницу.

– Но имя ни одного из замешанных в деле не звучало как «мужчина», – возразил инспектор.

– Да, но разве мы тогда знали имена всех замешанных? Нет, было одно существенное исключение. Мы не знали фамилии Лоры! Это навело меня на мысль, что ее фамилия начинается на «ман»⁵⁹ – Маннерс, Маннхаймер или что-то вроде этого. Оказалось, что фамилия Лоры – Мандзони. Джонни опасался, что если он сумеет произнести только первый слог, прежде чем умрет или потеряет сознание, то мы, узнав фамилию Лоры, обвиним ее в убийстве.

Старик покачал головой:

– В жизни не слышал ничего подобного! Но ты сказал, Эллери, что Бенедикт назвал тебе своего убийцу. Доброе старое предсмертное сообщение, которые ты так любишь...

Эллери скорчил гримасу.

– Возможно, у меня преждевременное старческое слабоумие, но тогда я даже не осознавал, что это предсмертное сообщение, а потом и вовсе выбросил из головы. Папа, что ответил мне Джонни по телефону, когда я спросил, кто напал на него?

– Какую-то глупость, вроде того что он дома...

– Это не было глупостью, и Джонни не говорил, что он дома. Он произнес одно слово – «дома». Фактически повторил его три раза. Я думал, он имеет в виду, что звонит из большого дома, что его мысли путались и на вопрос «кто» он ответил «где». Но мне следовало хотя бы принять в расчет возможность, что он ответил «кто».

– «Дома»? Это не «кто», Эллери. Если только это не было чьим-нибудь именем. Но никого не звали... – Инспектор оборвал фразу. – Это было только начало слова, – медленно сказал он.

– Да, – кивнул Эллери, полный отвращения к себе. – Начало, которое к тому же я неправильно расслышал. Если бы Джонни произнес слово полностью и внятно или если бы у меня были мозги матери, с которыми я якобы родился, мы бы раскрыли тайну, прежде чем жертва испустила дух. Джонни произнес не «дома», а «гомо».

– Значит, Эллери, Бенедикт хотел сказать...

– Гомосексуалист.

⁵⁹ Man – мужчина (англ.).